

ISSN 2409-336X

ВЕСНІК

Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта
імя А. А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя А. ГУМАНІТАРНЫЯ НАВУКІ
(гісторыя, філасофія, філалогія)

Выходзіць два разы ў год

1 (51)
2018

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р гіст. навук прафесар Д.С. Лаўрыновіч (галоўны рэдактар);
д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (нам. галоўнага рэдактара);
д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (старшыня рэдакцыйнага савета серыі А);
Л.І. Будкова (адказны сакратар)

Гісторыя:

д-р гіст. навук прафесар Д.У. Дук (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар К.М. Бандарэнка (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар І.А. Марзалюк (Мінск)

Філасофія:

д-р філас. навук прафесар П.С. Карака (Мінск)
д-р філас. навук прафесар А.П. Пунчанка (Адэса, Украіна)
д-р філас. навук М.С. Конах (Каменскае, Украіна)
канд. філас. навук дацэнт В.У. Старасценка (Магілёў)
канд. філас. навук дацэнт А.В. Дзячэнка (Магілёў)

Філалогія:

д-р філал. навук дацэнт А.М. Макарэвіч (Магілёў)
д-р філал. навук прафесар Т.М. Валынец (Мінск)
канд. філал. навук дацэнт Т.Р. Міхальчук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт М.М. Караткоў (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А.С. Лаўшук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт С.А. Наскоў (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А.В. Доўгаль (Магілёў)

*Навукова-метадычны часопіс "Веснік Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта імя А.А. Куляшова" ўключаны ў РІНЦ
(Расійскі індэкс навуковага цытавання),
ліцэнзійны дагавор № 811–12/2014*

АДРАС РЭДАКЦЫІ:

212022, Магілёў, вул. Касманаўтаў, 1,
пакой 223, т. (8-0222) 28-31-51

ЗМЕСТ

ВИШНЕВСКИЙ М. И. Философско-мировоззренческое осмысление инновационного образования	4
КАРАКО П. С. Предпосылки и сущность космических воззрений В. И. Вернадского ...	13
ЛЕВКО А. И. Образование как способ трансляции культуры и основа консолидации и развития общества	23
БУБНОВ Ю. М. Очерк телеологии любви	32
СТАРОСТЕНКО В. В. Свобода совести и светское государство	37
КОСТЕНИЧ В. А. Категория “события” и ее экзистенциальные смыслолики в лексике философских повествований о человеческом бытии	42
АЛЕНЬКОВА Ю. В. Homo infantilis в антропологической модели современной культуры	51
МЯЗГА М. М. Праблема суверэнітэту Беларусі ў кантэксте польска-савецкіх перамоў (жнівень 1920 – сакавік 1921 гг.)	55
МЕЛЬНИКОВА А. С. Аграрный вопрос в программе и тактике трудовой народно-социалистической партии на территории Беларуси в 1917 г.	61
ЧАЙКИН С. Н. Развитие системы мест лишения свободы Могилевской губернии в XIX в.	66
ШИХ К. В. Приоритетные направления белорусско-израильского взаимодействия в 2000-х – начале 2010-х гг.	72
ШЕМПЛЕХОВА Н. А. Деятельность представителей белорусских губерний в Государственном Совете Российской империи в 1906 г.	80
СОЛОВЬЕВ А. А. Архитектура Полоцкого иезуитского коллегиума в конце XVI–XVIII вв.: культурные контакты и внешние влияния (на примере печных изразцов и строительных технологий)	86
ЛЕШКЕВИЧ И. В. Оценочный модус в аналитической статье британского медиадискурса	99
КУРАШ С. Б. Інтэрактыўнасць як аснова ізамарфізму ў трыядзе “метафара – тэкст – дыскурс”	103
ТЕМНОХУД А. В. К вопросу о происхождении каламбура как фигуры речи (на материале французского языка)	110
ПЕРКОВА О. В. Гармонизация терминологии образовательных услуг с использованием терминологической базы данных	119
ВИНОГРАДОВ И. А. Свойства, функции и языковые черты юридического дискурса	124

ГІСТОРЫЯ, ФІЛАСОФІЯ, ФІЛАЛОГІЯ

Актуальные проблемы современного философского знания: к созданию белорусского философского общества

УДК 14 + 37.01

ФИЛОСОФСКО- МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИННОВАЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

М. И. Вишневский

доктор философских наук, профессор
Могилевского государственного
университета имени А. А. Кулешова

В статье обосновывается вывод о том, что подлинно инновационное образование предполагает, во-первых, осознание синергетической природы образовательных процессов, во-вторых, осуществление культурно-образовательного синтеза на основе равноправного диалога представителей разных философско-мировоззренческих и педагогических концепций, в-третьих, преодоление недооценки роли воспитания как сущностного компонента образования.

Ключевые слова: инновационное образование, философия, мировоззрение, культурно-образовательный синтез.

Образованность населения в наши дни является стратегическим ресурсом, от состояния которого во многом зависит будущее страны. Этим определена актуальность эффективной, методологически обоснованной политики в сфере образования. Задача, стоящая здесь перед государством и обществом, двойственна. Она состоит, во-первых, в достижении того, чтобы образовательная деятельность во всех ее проявлениях способствовала сохранению и упрочению целостности и относительной стабильности общества. Во-вторых, национальная система образования, создаваемая и поддерживаемая государством, призвана обеспечивать восходящее развитие страны, прочность ее позиций во взаимодействиях с другими странами. Эти две

задачи находятся в неразрывном единстве и, так сказать, дополняют друг друга, ибо связаны с двумя существенными сторонами единого процесса, но на деле, как это бывает в жизни сложных открытых систем, они далеко не всегда согласуются между собой. Их гармонизация весьма важна в практическом отношении и требует не только обстоятельного конкретно-научного изучения, но и философско-мировоззренческого осмысления.

Вопрос об устойчивости общественного развития был остро поставлен во второй половине прошлого века в связи с осознанием опасностей, которые создает усиливающееся по мере роста масштабов хозяйственной деятельности людей разрушение среды их обитания, вызванное бездумной расточительностью в отношении природных ресурсов. Поэтому была высказана новаторская для того времени мысль о необходимости перехода на путь "поддерживающего развития", "развития без разрушения", что позволило бы, решая сиюминутные проблемы, удовлетворяя насущные потребности ныне живущих людей, принимать во внимание также потребности будущих поколений. Постепенно экологические задачи стали пониматься более широко и включать в качестве сущностного компонента также экологию человека, сохранение и обогащение культурного многообразия человечества, предотвращение технократической дегенерации культуры. Все это потребовало приступить к осуществлению комплексной экологизации образования, которая способствовала бы разностороннему осознанию содержания экологического императива, его реальному включению в систему фундаментальных принципов практической деятельности, в том числе на общегосударственном и международном уровнях.

В наши же дни идея устойчивости общественного развития обретает новое зву-

чание в связи с нестабильностью мировой экономики, миграционным кризисом, нарастающей угрозой терроризма и другими вызовами, с которыми столкнулось человечество. На постсоветском пространстве происходят радикальные изменения, связанные с выработкой новой модели общественного устройства. Решение всех этих проблем предполагает соответствующую образованность людей как реальных субъектов истории.

Обеспечение с помощью образования устойчивости общественной жизни связывается обычно с реализацией в этой сфере деятельности определенной идеологической линии, выражающей базовые цели и интересы государства и, условно говоря, народа. Впрочем, упоминание о народе здесь не выглядит выходящим за рамки пропагандистского клише, ибо это понятие лишено однозначности. С точки зрения политико-правовой народ – это все граждане страны. Их реальные цели и интересы могут быть весьма несходными, чем и обуславливаются внутривнутриполитическая борьба, экономические, социальные и иные конфликты. Есть и другое представление о народе, широко используемое популистами, которые противопоставляют народным массам господствующие элиты и обрушиваются на эти элиты с резкой критикой, виня их во всех бедах и напастях, терзающих общество. Данное представление тоже лишено неоспоримо значимого научного содержания и не позволяет продвинуться вперед в осмыслении роли образования в жизни современного общества и определении основных целевых ориентиров политики в области образования.

К элите принято относить не просто людей, занимающих привилегированное положение в обществе, но и, что более интересно в обсуждаемом аспекте, тех людей, которые достигли наиболее значительных результатов в какой-либо важной для общества сфере деятельности (наука, искусство, техническое творчество и т. д.). Именно эти люди по существу являются творцами прогресса, а их высокая успешность предполагает, вне всяких сомнений, должную образованность и способность плодотворно осуществлять образование в течение всей жизни. Элита сегодня – это люди, способные отвечать на вызовы

времени на основе непрерывного образования, причем не только профессионального, но и мировоззренческого, общекультурного, тождественного с воспитанием. Качественная постановка образования призвана обеспечивать равные возможности его получения и тем самым сглаживать острые социальные различия, стабилизировать общественную жизнь. Люди все же не равны друг другу по своим способностям, стартовым условиям карьерного роста, жизненным устремлениям и т. д., и одними лишь мерами в области институционализированного образования подобные различия не преодолеть. Важную роль здесь играют собственные образовательные усилия личности.

Практическое осуществление институционализированной образовательной деятельности подразумевает формирование общественного согласия в отношении господствующей идеологии, поскольку это согласие соответствует целям упрочения социально-политической стабильности. Признавая значимость идеологического единства общества, которое, правда, никогда не бывает абсолютным, нужно все же учитывать, что конформизм как всеохватная жизненная позиция не может служить основой новаторства, обеспечивающего восходящее развитие науки, культуры, общества в целом. Конструктивной альтернативой конформизму и консерватизму может служить не радикализм воззрений и практических действий, а творческий и ответственный синтез разнообразных подходов к решению возникающих проблем. Создание значимого нового требует расшатывания стереотипов, ослабления барьеров, затрудняющих познание и понимание сути дела. Вместе с тем действительная инновация всегда есть синтез, связывание в новую целостность элементов, уже наличествующих в культуре, и более или менее значительное их преобразование, переосмысление [1]. Плодотворное новаторство в сфере образования требует концептуального мировоззренческого обоснования, исходящего из давно уже высказанной, но основательно подзабытой мысли о том, что педагогика – это прикладная философия.

В частности, внимательного отношения заслуживает разрабатываемая

М.В. Клариним концепция инновационного образования, понимаемого им как “порождение и освоение объективно нового культурного опыта” [2, с. 71]. Данная концепция исходит из того, что классические представления о содержании образования как о подлежащем трансляции педагогически адаптированном социальном опыте не охватывают многие ключевые моменты современного образования, прежде всего образования взрослых. Взрослые, в отличие от детей дошкольного и школьного возраста, – это люди, к которым неприменимо утверждение, что они как субъекты образования обладают небольшим опытом, и его нужно просто дополнять и расширять, приобщая их к богатствам культуры с помощью хорошо организованных учебных материалов и соответствующих методик. На самом деле опыт взрослого человека может быть весьма обширным и в чем-то даже уникальным, но нередко случается так, что его недостаточно для решения новых проблем, с которыми столкнулся данный человек или организация, в которую он включен. Возникает необходимость не только получения дополнительных знаний, выработки новых умений, но и расширения кругозора, позволяющего по-иному взглянуть на сложившуюся ситуацию, переосмыслить суть возникшей проблемы.

Образование взрослых, работающих людей, как правило, тесно связано с их трудовой деятельностью, генерирующей новый опыт, а он может иметь не только личностное или групповое, но и более широкое измерение. Этот опыт способен стать достоянием других людей и коллективов, решающих сходные проблемы; он может даже войти в общий фонд культуры. Люди в организациях или через сети массовой коммуникации включаются в коллективную деятельность, в процессе которой происходит обмен и взаимообогащение опытом. Новый опыт не только закрепляется, но и обогащается смыслами, порой он даже изменяет свою форму в процессе трансляции в культуре. Решая значимую новую задачу и действуя нестандартно, создавая новые образцы решений, новые организационные принципы, понятия и методы деятельности, люди при этом развиваются сами, изменяются

как личности. Преобразуется не только их профессиональный опыт, но, в определенной степени, также и их мировоззрение.

Мировоззрение выступает как совокупность основополагающих убеждений относительно сущностных характеристик окружающей действительности, а также природы человека и его места в мире. Накопленный опыт и жизненные позиции людей неодинаковы, и этим обусловлены в конечном счете специфические особенности их мировоззрения. Приобретение же опыта, по существу, совпадает с нашим образованием, личностным становлением и развитием. Именно этот смысл мы и вкладываем в утверждение о непрерывности образования, которое действительно продолжается в течение всей сознательной жизни и вовсе не сводится к получению какой-либо специальной подготовки. Обретая опыт, мы не только учимся, но и переучиваемся, исправляя ранее допущенные ошибки; главное же состоит в том, что реальный, жизненно значимый опыт неразрывно связан с нашей деятельностью. Соответственно, и мировоззрение, формирующееся на основе опыта, является неотъемлемой стороной деятельности, а именно совокупностью базовых ориентаций наших мыслей и действий. Мы по существу таковы, каково наше мировоззрение.

Инновационное образование рассматривается М.В. Клариним как средство разрешения ситуаций жизненных, профессиональных, производственных, организационных кризисов, с которыми сталкиваются индивидуальные или коллективные субъекты. Вместе с тем инновационное образование взрослых обнажает возникающие здесь порой внутриличностные “разрывы”, связанные с неприятием человеком тех изменений рабочего или жизненного уклада, которые связаны с результатами обучения. Тем не менее, как полагает данный автор, инновационное образование может в целом обеспечивать позитивный ненасильственный путь социальной трансформации, поступательного развития современного общества [2, с. 71]. Эти выводы основаны на анализе опыта дополнительного последипломного образования взрослых и едва ли могут быть механически перенесены на другие

уровни системы непрерывного образования. Они, однако, побуждают к переосмыслению многих прежних представлений и идей, устоявшихся в школьной и вузовской педагогике. Особой сферой применения инновационного образования, по мнению М.В. Кларина, является развитие профессиональной культуры педагогов, призванных организовывать меняющуюся образовательную практику на всех ступенях образовательной лестницы. Здесь вновь следует напомнить мысль о том, что образование, если мы стремимся сообщить ему инновационный характер, не должно ограничиваться лишь педагогической обработкой уже имеющегося багажа культуры. Оно призвано активно включаться в процесс культуротворчества, который имеет существенное мировоззренческое измерение, прежде всего личностное, но также и общественное.

Развитие этой мысли применительно к школьному образованию подводит нас к необходимости заново осмыслить требование научности его содержания. Потребности осуществления действительно инновационного образования имеют существенную специфику и отнюдь не сводятся к тому, чтобы переносить в школу новейшие достижения специализированного научного исследования, протекающего в основном в рамках четко оформленных отраслей научного поиска. Спектр этих отраслей динамичен, изменчив и далеко не совпадает с перечнем базовых школьных учебных дисциплин. В процессе развития научного познания мира некоторые из ранее лидировавших отраслей отходят как бы на второй план. Такова, например, судьба классической механики, место которой в системе школьного образования, тем не менее, продолжает оставаться весьма значительным. Другие же направления исследования, ранее игравшие сравнительно скромную роль в науке, обнаруживают огромную значимость для практики и в связи с этим невероятно разрастаются и дробятся на новые относительно самостоятельные отрасли со своими особыми методами, традициями и т. д. Возникает также множество научных направлений, имеющих междисциплинарный характер. Общеобразовательной школе не угнаться за этими стремительными

изменениями; все более актуальной для нее становится задача переструктурирования совокупного массива развивающихся научных знаний с целью построения доступной школьникам картины мира и органичного включения в нее наиболее актуальных элементов социального опыта, необходимых для осуществления обучения и воспитания.

Наука – это лишь одна из сторон или функций культуры. Современная наука представляет собой особый продукт, а затем также одно из ключевых условий капиталистической рационализации общественной жизни. В свое время, анализируя предпосылки утверждения в качестве претендующего на общезначимость “духа капитализма”, М. Вебер указывал на освящение реформированным христианством “призвания” как следования долгу, упорного профессионального труда, ведущего к получению законной прибыли [3]. Наука в связи с этим стала осознаться как значимый фактор усиления практического могущества человека. Научный труд органично вписывается в процесс капиталистической рационализации различных сторон общественной жизни; его результаты служат углублению этой рационализации и способствуют повышению производительности человеческой деятельности, более эффективному извлечению прибыли. Расширяющийся спектр научных дисциплин как бы предваряет появление все новых отраслей производственной деятельности, создает необходимые предпосылки для технико-технологических и организационных инноваций. Знания, получаемые наукой, призваны быть производительной силой, задача же человека, получающего образование, состоит в данных условиях в том, чтобы усвоить и, по возможности, развивать далее эти полезные знания для успешного функционирования их в качестве важного фактора расширяющегося производства.

Правда, широко развертывающаяся автоматизация производства товаров и услуг ставит под вопрос незаменимость человека как производительной силы. В связи с этим обостряется также очень непростой вопрос о гуманизме, о ценности человека и о гармоничности его развития в условиях безудержной погони

за прибылью. Далеко не безоблачными выглядят и перспективы современной капиталистической модели общественного прогресса в целом, о чем свидетельствуют, например, выводы, полученные в рамках миросистемного анализа. Многое в окружающей нас действительности в результате неограниченной экспансии капитализма стало проблематичным; простые ответы, прямолинейные выводы из частнонаучных исследований, абстрагирующиеся от нравственных и других не-сциентистских элементов культуры, уже не вызывают доверия и побуждают к более глубокому обоснованию смыслов бытия. Эта новая ситуация должна оказать влияние и на понимание нами сущности образования в целом, в том числе его инновационности, побудить к переосмыслению задач, решаемых субъектами образования.

Очевидно, что в процессе инновационного образования изменяется роль педагога, особенно в высшей школе и при осуществлении последипломного образования, где он зачастую уже не может выступать безоговорочно авторитетным экспертом и призван, прежде всего, организовывать продуктивное обсуждение возникающих вопросов, быть посредником в дискуссии, ведущей к генерации нового опыта. Данное положение как бы перекликается с современным представлением о миссии философа в культуре – быть, по словам Р. Рорти, партнером в разговоре о жизненно важных вещах, помогать установлению взаимопонимания между собеседниками, представляющими различные виды деятельности [4, с. 272–273]. Рорти отчетливо различал “наставительную” философию, выполняющую функцию сократического собеседника в мировоззренческом дискурсе, и “систематическую” философию, выстраиваемую по образцу строгих научных теорий и претендующую на общезначимость.

Систематическая форма философских учений имеет неоспоримым достоинством последовательность и цельность, но достигается это ценой известной односторонности каждой такой самобытной системы. Термин “наставительная” философия, введенный Рорти, отталкивается от герменевтических идей Гадамера, который

уделял особое внимание образованию как самотворению человека. Исходя из этой точки зрения, истины, приобретаемые в процессе познания, выступают средствами нашего формирования, развития, инструментами, используемыми как в нашей практической деятельности, так и в общении между людьми. Образование не сводится к усвоению одних лишь прочно установленных, объективных знаний, которые не могут заменить или полностью вытеснить, например, творения художественного вымысла, мифы, сказки и т. д. Философы-наставники не претендуют на построение некоей всеобъемлющей науки или создание устойчивого каркаса науки, равно как и на объяснение всего того, что еще не получило строгое научное истолкование. Свою задачу они скорее видят в том, чтобы сберечь чувство удивления, вызываемое осознанием необыкновенного многообразия мира, предостеречь от опасностей догматизма и односторонности и способствовать конструктивному диалогу между представителями разных видов деятельности и разных мировоззрений.

В обширном ряду получивших широкую известность определений философии вполне конкурентоспособным представляется ее понимание как концептуализированного поиска смыслов бытия. Подразумевается, что данные смыслы не очевидны или не исчерпываются очевидностью, и их нужно искать, используя возможности нашего понятийного мышления. П. Рикер рассматривал философию как герменевтику, поскольку за явным смыслом она обнаруживает другой, более глубокий с точки зрения нашей экзистенции [5, с. 34]. В популярном учебнике Р.П. Вольфа мы находим еще одну интересную формулировку. Философия толкуется здесь как систематическое критическое исследование наших суждений, оценок и действий, нацеленное на достижение мудрости [6, с. 18]. Правда, определить, что такое мудрость, весьма непросто. Поиск мудрости иногда рассматривают как искание путей или способов, посредством которых человек лучше может прожить свою жизнь и сам стать лучше. Эта мысль хорошо согласуется с широко распространенным представлением о мудрости как нашей своеобразной внутренней экспертной системе, склады-

ваючоїся на основі опыта і дозволяючої различати правильні і ошибочні суждення, оцінки і дієвства, предотвращати промахи і предвидіти последствия того или иного вибору.

Філософствує, ми маємо справу неопосередковано з нашою власною духовною реальністю, зв'язь якої з оточуючою нас дійсністю може бути истолкована по-разному, що і породжує пестрое різнообразіє філософських концепцій. Різниця між ними не следует, однак чрезмерно заостряти или драматизировати, якщо погодитися з тим, що общий предмет філософських исканий составляют глибокі смисли нашої бытия. Розуміючи філософію як теоретическую форму мировоззрения, ми должны иметь в виду той факт, що в сфері філософского мышлення не существует парадигмального знання или общеобязательных истин, прийнятіє яких является неперемінним умовиєм вхожденія в соотвѣтствующее сообщество. Вместе с тем в філософском сообществе существует далеко простирающееся согласие относительно того, какие теоретико-мировоззренческие представления прошлого и наших дней обязательно нужно знать, если желаешь, чтобы тебя признали философом образованным человеком. Не случайно, анализируя творчество того или иного философа, обычно стремятся установить, какие учения оказали наибольшее влияние на формирование его позиции и как, в свою очередь, повлияли его работы на развитие не только его собственного, но и других, возможно, даже альтернативных направлений человеческой мысли.

Каждый философ осуществляет свой собственный, индивидуальный мировоззренческий синтез, философия же в целом предназначена для изучения, передачи составляющих ее понятий и идей от учителя к ученику, от одной мировоззренчески мыслящей личности к другой, как если бы возможно было всеобъемлющее миропонимание, интегрирующее творческие достижения различных мыслящих монад, по-своему постигающих мировое бытие. Эта глубоко укорененная в философии интуиция единства мироздания проникает далее в сферу конкретно-научного поиска, побуждая преодолевать во многом услов-

ные барьеры, разделяющие различные отрасли научного исследования. Для самой же философии данная интуиция является основой особого, не сводимого к системному, культурно-образовательного синтеза [7], который может служить мировоззренческим ориентиром в инновационной трансформации непрерывного образования.

По отношению к конкретно-научным исследованиям философские рассуждения об их предметах имеют в чем-то неустрашимый оттенок дилетантизма, ибо философы не являются здесь профессионалами, признанными в этом качестве соответствующим дисциплинарным сообществом. М. Вебер, известный исследователь "духа капитализма" и проблем рациональности, выступал решительным сторонником профессионализма в любой значимой для общества специализированной области деятельности, в том числе, разумеется, и в сфере науки. Он даже заявлял, что "возведение дилетантизма в научный принцип было бы концом науки" [3, с. 58]. Вместе с тем он признавал, что почти все науки обязаны дилетантам часто весьма ценной постановкой вопросов. М. Вебер был далек от идеализации профессиональной ограниченности, которая является разительной противоположностью ренессансного и просветительского образа гармоничного человека. С тревогой и горечью писал он о возможном, вследствие неограниченного распространения "духа капитализма", наступлении века механического окостенения, преисполненного "судорожных попыток людей поверить в свою значимость" [3, с. 207], аттестуя этих людей как "бездущных профессионалов, бессердечных сластолюбцев" и просто ничтожеств [3].

В философии неоднократно предпринимались попытки достичь той точности и строгости выводов, которая характеризует "положительные" науки и достигается за счет позитивистского сужения кругозора и устранения ценностных аспектов мировоззрения. Влияние позитивизма весьма велико даже во многих современных социально-гуманитарных науках. Это влияние вполне соответствует "духу капитализма", который, как показал М. Вебер, закрепил неоспоримый статут высокопрофессиональных исследований, точно фиксирую-

щих факты и подвергающих их математической обработке. Для образовательной деятельности результаты таких исследований – это значимый элемент современной культуры. Но это далеко не вся культура; не случайно ведь образование не сводится только к обучению, а включает также и воспитание, а оно в условиях, как теперь говорят, транзитивного общества сталкивается с особыми сложностями, социокультурными вызовами.

В силу консервативности, присущей всем большим системам, образование, как особая отрасль деятельности, характеризуется сохранением не только основного кадрового потенциала, но и многого из прошлых своих ценностно-целевых установок, организационных структур и методов решения поставленных задач. В недавнем прошлом мы жили в обществе, которое многие исследователи определяют как коллективистическое и противопоставляют его индивидуалистическому обществу, выражающему “дух капитализма”. От прошлого невозможно просто отказаться, ибо оно живет в нашей культуре, т. е. в нас самих, в наших ценностях, нашем образе мыслей и действий, в наших мироощущениях. Новые, индивидуалистические ценности тоже заслуживают весьма внимательного отношения, поскольку они в основном успешно цементировали давно уже сложившееся, хотя и сотрясаемое периодическими кризисами общество, с которым мы теперь стремимся сблизиться. Задача же состоит в том, чтобы это сближение не стало началом конца нашей коллективной идентичности, подрывом наших культурных “корней”, а приобрело бы характер конструктивного, плодотворного синтеза. Капитулянтским заявлениям о невозможности такого синтеза нужно противопоставить активный поиск путей приемлемого соединения противоположностей, прежде всего в действительно инновационной теории и практике воспитания. Без нее, вне всяких сомнений, обновляемое образование будет односторонним и дисгармоничным, ибо его знаниевые аспекты будут перевешивать воспитательные, довлеть над ними, а в итоге социокультурная эффективность образования будет существенно ослаблена или даже подорвана.

Педагогическая наука и практика дают определенные основания для сдержанного оптимизма в данном отношении. Анализируя сложившуюся ситуацию и размышляя о вызовах современного мира, требующих изменения процесса воспитания в российской системе образования, Н.В. Селиванова отмечает, прежде всего, незащищенность молодых соотечественников, их интенсивное знакомство с новыми для них ценностями, обычаями и традициями разных народов [8, с. 199]. Это помогает им лучше понимать носителей других культур и осознавать особенности и сущностную значимость отечественной культуры, истории своего народа. Вместе с тем высокую актуальность приобретает поликультурное воспитание, в контексте которого встает задача воспитания толерантности, одним из аспектов которой является установление разумных, плодотворных, избавленных от перекосов взаимоотношений религиозного и светского воспитания. Формирование национальной-государственной, гражданской идентичности молодежи в наши дни сталкивается с разнообразными издержками вхождения в потребительское общество, установки которого отнюдь не благоприятствуют становлению у людей с небольшим жизненным опытом зрелого экономического, социально-политического и даже экологического сознания.

Назойливая реклама утверждает, что все блага действительно необходимы и даже легко доступны. Но какой ценой и за чей счет? Непростыми и даже весьма противоречивыми являются в целом воспитательные аспекты информатизации среды нашего обитания. Эта среда в ее современном состоянии открывает для молодежи разнообразные источники положительных знаний и жизненных ценностей. Вместе с тем она выступает поставщиком все новых мифов, источником соблазнов, деструктивных устремлений, несущих угрозу и личности, и обществу. Подросткам, как и людям постарше, в принципе доступны порносайты, сайты экстремистских, террористических и националистических организаций. В значительной степени с помощью интернета формируются молодежные субкультуры негативной направленности.

Селиванова отмечает, что “приоритет, который отдается сегодня индивидуализации в обучении, распространяется и на процесс воспитания” [8, с. 204]. Коллективные способы воспитания часто оказываются на периферии внимания педагогов и разнообразных контролирующих инстанций. Индивидуализация воспитания, протекающая в формах педагогической поддержки, индивидуальной помощи, педагогического сопровождения и содействия, наталкивается на серьезные трудности, связанные прежде всего с высокой стоимостью соответствующих мероприятий. Отмечается также, что сами педагоги не вполне подготовлены к эффективному осуществлению индивидуализированного воспитания. Здесь возникают и серьезные научные проблемы, вызванные многообразием и нередкой рассогласованностью либо просто нечеткой постановкой целей такого воспитания разными участниками педагогического процесса (детьми, родителями, да и самими наставниками). При этом повышенную активность в сфере воспитания подрастающего поколения проявляют разнообразные религиозные организации, детские и молодежные общественные объединения и движения, имеющие порой весьма несходные ценностные ориентации и устремления.

Проблемы воспитания остро встают не только на уровне школы, но и в вузах, которые сталкиваются с инфантилизацией и задержкой общего развития “значительной части подростков на уровне школьного возраста и школьного самосознания” [8, с. 206]. От студентов мы вправе ожидать усилий по самовоспитанию, однако они далеко не всегда способны к этому и, как пишет Селиванова, получив “свободу, которой им так не хватало в школе, ...не знают, что с ней делать?” [8]. Важную роль здесь способно сыграть студенческое самоуправление, которое, надо признать, создается в большинстве случаев по инициативе руководства вузов. Спонтанность, действительная самоорганизация тоже весьма нередка, но она порой имеет деструктивную направленность. Наличие подобных рисков не является чем-то необычным, противоестественным, если учесть синергетический характер процессов развития сложных систем, к которым,

вне всяких сомнений, относятся образовательные системы различных уровней. Такие системы незамкнуты, “открыты миру”, и в них неизбежны состояния неустойчивости, которые порождают необходимость выбора решений, активизации участвующих в этом субъектов и поиска общей стратегии, а также ее постоянной конкретизации, наполнения новым содержанием сообразно с переживаемой ситуацией.

Мы ограничимся здесь обсуждением российского опыта, потому что у нас много общих проблем. Отметим лишь, что синтез разнонаправленных или даже противоположных устремлений в сфере воспитания предполагает открытый и честный диалог между носителями соответствующих мировоззренческих идей. Только прояснение и сопоставление позиций способно привести к консолидации конструктивных сил и ограничению влияния сил разрушения и антигуманизма. Чисто административные и иные подобные им меры воздействия хотя и не могут здесь быть отброшены, но не являются панацеей. Проблемы, связанные с несходством ценностей, имеют свойство возрождаться в новом обличье, и окончательного решения здесь не предвидится.

Дискуссии нужны и в отношении деятельности обучения, вопросы содержания которого и соответствующих ему методов, приемов, технологий тоже не могут быть решены раз и навсегда. Осознание синергетической природы общественных процессов является важной мировоззренческой предпосылкой повышения эффективности образовательной деятельности, придания ей подлинно инновационного характера, обеспечивающего установление динамического порядка в условиях непрерывных флуктуаций, сменяющих друг друга проблем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Вишневский, М. И.** Инновационное образование и вызовы глобализации // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. – 2009. – № 2–3. – С. 39–47.
2. **Кларин, М. В.** Практика непрерывного образования: вызовы для дидактической теории / М. В. Кларин // Непрерывное образование в объективе времени : моногр. / сост.: Е. В. Астахова,

- Н. А. Лобанов ; под ред. Н. А. Лобанова, В. Н. Скворцова. – СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина ; Харьков, 2014. – С. 71–81.
3. **Вебер, М.** Избранные произведения / М. Вебер. – Москва : Прогресс, 1990. – 808 с.
4. **Рорти, Р.** Философия и зеркало природы / Р. Рорти. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. – 320 с.
5. **Рикер, П.** Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике / П. Рикер. – Москва : Медиум, 1995. – 416 с.
6. **Вольф, Р. П.** О философии : учебник / Р. П. Вольф. – Москва : Аспект Пресс, 1996. – 415 с.
7. **Вишневецкий, М. И.** Актуальность культурно-образовательного философского синтеза // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. Серія А. Гуманітарна навука. – 2013. – № 2. – С. 5–16.
8. **Селиванова, Н. Л.** Тенденции развития воспитания в системе непрерывного образования / Н. Л. Селиванова // Непрерывное образование в объективе времени : моногр. / сост.: Е. В. Астахова, Н. А. Лобанов ; под ред. Н. А. Лобанова, В. Н. Скворцова. – СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина ; Харьков, 2014. – С. 199–213.
- Поступила в редакцию 26.10.2017 г.
Контакты: philos-mogilev-msu@mail.ru
(Вишневецкий Михаил Иванович)

Vishnevsky M. PHILOSOPHIC INTERPRETATION OF INNOVATIVE EDUCATION.

The article proves the idea that innovative education implies, firstly, the synergic nature of educational process, secondly, cultural synthesis based on equal dialogue of the representatives of different philosophic and educational schools, thirdly, consideration of upbringing as an integral part of education.

Keywords: innovative education, philosophy, world view, cultural and educational synthesis.

УДК 101.9; 113/119

ПРЕДПОСЫЛКИ И СУЩНОСТЬ КОСМИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ В. И. ВЕРНАДСКОГО

П. С. Карако

доктор философских наук, профессор
Белорусского государственного
университета

В статье выявляются особенности космических воззрений ряда представителей русского космизма (Н.Ф. Федорова, В.С. Соловьева, В.Я. Брюсова и др.), их роль в становлении биосферных и ноосферных идей В.И. Вернадского как конкретного выражения его космизма. Особое внимание уделяется раскрытию обоснованного им места Земли и ее биосферы в Космосе, космической функции живого в биосфере и деятельности человека в осуществлении ее перехода в ноосферу. Подчеркивается вклад этого космиста в интеграцию разных направлений русского космизма в единое и целостное учение.

Ключевые слова: Земля, Космос, природа, биосфера, ноосфера, живое вещество, русский космизм, символизм.

Вопросы содержания идей русских космистов конца XIX – первой половины XX в., их значимости для осмысления и решения современных экологических проблем находятся в центре внимания многих исследователей. Становлению их интереса к этим идеям способствовала публикация специальных работ: “Русский космизм. Антология философской мысли” (М., 1993) и “Грёзы о земле и небе. Антология русского космизма” (СПб., 1995). В них русский космизм представлен в трех своих направлениях: 1) религиозно-философском (Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев и др.); 2) естественнонаучном (В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский, К.Э. Циолковский и др.); 3) литературно-художественном (К.Д. Бальмонт, В.Я. Брюсов, Н.А. Заболоцкий и др.). В отмеченных изданиях помещены отрывки из трудов перечисленных космистов, да и целые их работы. Причем все они представлены как оригинальные и независимые от трудов других космистов.

Следует отметить, что и в ряде современных исследований сущности русского

космизма проводится только краткая оценка идей отдельных его представителей. Примером такого исследования может быть труд В.Н. Демина [1]. В нем, да и в работах других авторов, вне поля зрения остаются вопросы преемственности идей в русском космизме, связей и отношений между его исторически сложившимися направлениями. Все это нужно иметь в виду при постижении данного идейного течения русской мысли.

Нуждается в уточнении и вопрос о месте и роли Вернадского в системе русского космизма. В существующих научных работах имеют место весьма спорные трактовки данного вопроса. Так, О.А. Карчевцев утверждает, что “оригинальный и самобытный духовный мир В.И. Вернадского наводит мост между естественнонаучным и религиозно-философским течениями в русском космизме” [2, с. 12]. Вернадский, как известно, никогда не “наводил мосты” между наукой и религией. Еще более спорное заключение относительно мировоззренческих оснований космических идей В.И. Вернадского и А.Л. Чижевского делает А.И. Субетто. Он считает этих ученых сторонниками космического витализма, так как они обосновали “витально-космическую организованность всего мира. Это воззрение можно назвать витализмом <...>, но витализмом особым – космическим <...>” [3, с. 173]. Сущность такой формы витализма в процитированной работе не раскрывается. Убежденные материалисты Вернадский и Чижевский не разделяли виталистических идей и не развивали их. В научных трудах этих космистов нет подтверждения их приверженности витализму.

Отмеченные пробелы в понимании русского космизма и ошибочные суждения относительно мировоззренческих оснований некоторых его представителей есть свидетельство отсутствия цельного воззрения на его сущность и процессы развития данного направления мысли. На решение поставленной задачи и сориентирована настоящая работа. При этом первостепенное значение имеет выявление истоков русского космизма и формы их выражения.

Теоретические источники космических идей Вернадского

Решению поставленной задачи может способствовать осмысление труда

Вернадского “Живое вещество”. Этот труд практически не используется в современных исследованиях его творчества, а тем более его космических идей. А в нем обращалось внимание на становление в конце XIX – начале XX в. особой формы духовных исканий, которые ориентировались на выявление сущности “идеи о космичности жизни”, места Земли в “солнечной системе”, наличия “мировой космической связи”, “вечности и всемирности жизни”, механизмов “космического общения” и т. д. По свидетельству Вернадского, в России отмеченные искания нашли свое воплощение в творчестве религиозного философа Н.Ф. Федорова и произведениях писателя и поэта В.Я. Брюсова [4, с. 308].

Но отмеченными именами Вернадский не ограничивается. В дневнике от 24-го марта 1921 г. он писал, что “читает поэта Владимира Соловьева” [5, с. 23]. А в дневнике от 2-го апреля 1921 г. им отмечено, что “просматривает стихи и статьи Блока” [5, с. 27]. Что же видел ценное в духовных исканиях этих творцов, представителей двух течений русского космизма ученый и мыслитель Вернадский? Ответ может быть получен при анализе работ обозначенных космистов.

Обратимся вначале к творчеству Н.Ф. Федорова, так как он был одним из первых представителей религиозно-философского течения в русском космизме. В труде “Философия общего дела”, изданном после смерти автора (1906, 1913), сформулированы и основные установки русского космизма. С содержанием данного труда ознакомился и Вернадский. Он называет автора этого труда “искателем истины” [4, с. 308]. Какие положения труда Федорова его могли заинтересовать? На наш взгляд, ими были идеи, касающиеся возможности управления человеком процессами природы.

По Федорову, человек должен управлять всеми процессами природы. Возможность его осуществления связывалась им с трудовой деятельностью всех людей на нашей планете, ее направленностью на решение единой цели, к которой стремится и природа: “Сама природа приходит в человеке к сознанию себя, а это сознание требует, чтобы управление, регуляция, было расширяемо постепенно на все, что

остается еще неуправляемым, темным; надо только, чтобы человек не сопротивлялся этому требованию, для выполнения же его нужно лишь соединение сил всех людей в труде познания и управления слепою силою природы” [6, с. 524].

Управлению должны подлежать не только процессы земной природы, но и космического пространства, которое человек обязан освоить. Успешность решения поставленной задачи Федоров связывал с осуществлением “полного единства” всего рода человеческого подобно “христианскому Богу, многоединству по образу Троицы”. Именно оно “даст могущество управления слепою силою” [6, с. 674] природы. Причем это “многоединство” должно формироваться в “труде познания и воздействия” всех людей на природу Земли и весь Космос. Более подробно космические идеи этого космиста освещались нами в специальной работе [7, с. 123–126].

В ней раскрывалось и содержание религиозно-философских трактовок В.С. Соловьевым и Н.А. Бердяевым характера взаимосвязей человека и Космоса [7, с. 126–133]. Но опять возникает вопрос: чем привлекла внимание Вернадского поэзия Соловьева?

При обосновании ответа на поставленный вопрос следует иметь в виду, что В.С. Соловьев считал себя учеником Федорова. Об этом он лично признавался своему духовному учителю [7, с. 126]. А поэзия Соловьева была логическим продолжением его религиозно-философских воззрений. В его стихотворениях, как справедливо писал А.Ф. Лосев, “философии нисколько не меньше, чем лирики” [8, с. 565]. Особенно заметна философская выраженность космической лирики Соловьева. В ней четко фиксируется зависимость земного бытия, особенно его красоты, от космических факторов. Но в красоте природного мира Соловьев видит “только отблеск, только тени // От незримого очами” (стихотворение “Милый друг...”, 1884). Таким “незримым” выступает у него вечная объективная идея. Раскрытие зависимости всего земного от этой идеи осуществлялось на рубеже XIX–XX вв. представителями того направления в европейской и русской культуре, которое

получило название *символизм*. В России данное направление развивал Соловьев.

О его причастности к символизму убедительно писал Лосев. Он считал своего идейного учителя “глубоким и ярким символистом”. Далее Лосев раскрывает особую выраженность его символизма: “За 20 лет до появления первых русских символистов Вл. Соловьев создал свое учение о всеединстве. Это учение основывается на том, что единство бытия охватывает каждый его отдельный момент и присутствует в каждом таком моменте, так что всякий отдельный момент бытия свидетельствует и обо всех других его моментах, и о бытии, взятом как нерушимая цельность. Такого рода учение с полным правом можно назвать символизмом” [8, с. 567]. А конкретным подтверждением правдивости его суждения может быть содержание стихотворения Соловьева “Земля-владычица” (1886), в котором он писал:

Земля-владычица! К тебе чело склонил я,

*И сквозь покров благоуханный твой
Родного сердца пламень ощутил я,
Услышал трепет жизни мировой...*

В этот “трепет жизни мировой” вносит свой мощный вклад и “вольная река”, и “многошумный лес”. В таких условиях на землю “сходит благодать сияющих небес”. Да и “земная душа сочетается со светом неземным”. От всего этого в мире утверждается любовь. А от “огня любви” все “житейские страдания уносятся как мимолетный дым”. Так от “сочетания” земного и “неземного”, или космического, на землю нисходят Красота, Добро и Любовь. Но что же представляет собой “неземной свет”? Ответ мы находим в стихотворении “Вечная женственность”, 1898):

*...Знайте же: вечная женственность
ныне*

*В теле нетленном на землю идет.
В свете немеркнущем новой богини
Небо слилось с пучиною вод.*

*Все, чем красна Афродита мирская,
Радость домов, и лесов, и морей, —
Все совместит красота неземная
Чище, сильнее, и живей, и полней...*

У Соловьева понятие “вечная женственность” есть обозначение Мировой

Души, местом обитания которой является бесконечное и вечное небо (Космос). Когда к “земле небо приклонилось”, тогда у первой “распахнулся Вечности чертог” (стихотворение “Ночь на рождество”, 1894). Так в природе Земли воплощается Вечность. Хотя она находит свое проявление во временном бытии ее объектов и явлений, все они несут в себе “отблеск” Вечности.

“Отблеск” Вечности находит свое выражение, прежде всего, в красоте земной природы. В философском труде “Красота в природе” (1889) и своей поэзии Соловьев славит эту красоту. Тем самым он воздает должное вечному. Оно же является источником Добра и Любви. При этом им подчеркивается торжество светлого (Добра) над темным (“мир лжи”, “злая жизнь” и т. д.). В борьбе Добра и Зла первое всегда одерживает победу над вторым. Утверждение Вечного во временном земном является, по справедливому замечанию Брюсова, “последней целью космического процесса” [9, с. 221] в философии и поэзии Соловьева.

Под непосредственным влиянием поэзии Соловьева, его эстетики природы формировалась эстетическая и космическая лирика В.Я. Брюсова, К.Д. Бальмонта, А.А. Блока и других представителей художественной культуры России рубежа XIX–XX вв. Все это освещалось в специальной работе автора [10, с. 89–113]. В настоящей работе отметим только некоторые космические идеи Брюсова, которые могли привлечь внимание Вернадского.

Литературное творчество В.Я. Брюсова (1873–1924) занимает особое место в системе русского космизма. Еще в 1901 г. в статье “Истины” он писал, что невозможно себе представить, чтобы “между макрокосмом вселенной и микрокосмом человека не было соотношения <...>” [9, с. 58]. Постигание и освещение этого “соотношения” было основным предметом его космической лирики. На ее становление определенное влияние оказало знакомство Брюсова с вышеназванной работой Федорова. “Русский философ Федоров, — писал Брюсов, — серьезно проектировал управлять движением Земли в пространстве, превратив ее в огромный электро-

магнит. На Земле, как на гигантском корабле, люди могли бы посетить не только другие планеты, но и другие звезды” [11, с. 70–71]. Эту мечту философа поэт Брюсов в стихотворении “Хвала человеку” (1906) выразил следующими словами:

Верю, дерзкий! Ты поставишь

По земле ряды вертил.

Ты своей рукой направишь

Бег планеты меж светил...

“Бег планеты Земля” в космическом пространстве будут приветствовать все “населенники вселенной”. При встрече с ними жители Земли они станут приветствовать и “прославлять” его.

Уверенность в возможности общения жителя Земли с “населенниками” других планет Брюсов выражает и в стихотворении “Сын Земли” (1913):

Я – сын земли, дитя планеты малой,

Затерянный в пространстве мировом,

Под бременем веков давно усталой,

Мечтающей бесплодно о ином...

На этой планете “сладостна земная весна”. Здесь и “сны любви баюкает луна”. Отсюда осуществляется наблюдение за “движением планет” в “просторе темном” и сам поэт в далекое “бесконечное бросает свой стих”. Он уверен и в том, что жители других планет “поймут его голос” и “его страстный вздох, домчавшийся с земли”. Он убежден и в том, что “властелины Марса или Венеры”, как и поэт Брюсов, являются “хранителями веры” и “завета о том, что будем вместе мы”.

На сказанном поэт не останавливается. В стихотворении “Детские упования” (1914) им формулируются и обязанности “сынов Земли” перед “населенниками” других планет:

Мы должны нести другим планетам

Благовестье маленькой Земли.

Поэт поднимал вопрос и о том, как “донести” это “благовестье” жителям других планет. Такую возможность он связывал с запуском специальных “кораблей” с человеком на борту в космическое пространство. В этом отношении становится понятным и его интерес к идеям К.Э. Циолковского о полете человека в Космос и заселении людьми Вселенной. Русский космист А.Л. Чижевский, на которого большое влияние оказала лирика Брюсова, воспроизвел свой разговор с Брюсовым,

состоявшийся в 1920 г. В памяти Чижевского запечатлелись следующие суждения своего собеседника: “Поистине только русский ум мог поставить такую грандиозную задачу – заселить человечеством Вселенную! – восторгался В.Я. Брюсов. – Космизм! Каково! Никто до Циолковского не мыслил такими масштабами, космическими масштабами!... Уже это одно дает ему право стать в разряд величайших гениев человечества” [12, с. 118]. “Космическими масштабами” мыслил и поэт Брюсов. Вот почему его поэзией интересовался и Вернадский.

В труде Вернадского “Живое вещество” неоднократно упоминается и русский физик-теоретик Н.А. Умов. В отечественной научной литературе его считают представителем естественнонаучного течения в русском космизме. Принципиальным положением его космической идеи является обоснование космической выраженности жизни. Он считал, что появление жизни во Вселенной имеет “ничтожно малую вероятность”. Более того, она “захватывает” и весьма малую долю “материи Земли”. В силу этого естествознание, по его убеждению, должно считать жизнь явлением космическим. Она есть “пасынок Вселенной” [13, с. 126]. Только в такой форме жизнь может становиться объектом научного поиска.

Отмеченные и другие суждения видных представителей гуманитарного и научного знания следует считать предпосылками космических идей Вернадского. Опираясь на разумные положения своих предшественников и собственные исследования места и роли живого вещества (совокупности всех форм живого) в структуре и бытии биосферы Земли, он в труде “Живое вещество” выдвинул положение о космической выраженности жизни: “Необходимость признания космичности жизни вытекает из того положения, что живое является необходимым звеном в цепи минеральных процессов в земной коре и, в частности, в истории всех химических элементов, <...> их перемещениях в земной коре” [4, с. 37].

Процитированное положение подтверждается конкретными данными о влиянии живого вещества на другие оболочки Земли (литосферу, гидросферу и

нижние слои атмосферы), установлением научным знанием материального единства субстрата Земли и других объектов Вселенной, зависимости бытия живого нашей планеты от энергии Солнца. Эти положения Вернадский считал достаточными фактами для “научной постановки вопроса” о правомерности суждения о том, что живое вещество Земли “не может быть только земным явлением” [4, с. 37]. Да и биосфера “не есть принадлежность только одной нашей планете” [4, с. 39]. По его убеждению, она имеет и космическую выраженность.

Рассуждения автора рассматриваемого труда о космичности жизни завершаются принципиально важным выводом: “Научные представления о жизни как космическом явлении начинают все больше находить себе подтверждение в новых научных фактах, благоприятствующих признанию всемирности жизни” [4, с. 310]. Но здесь же отмечается и необходимость дальнейших исследований и обоснований высказанных положений. Все это было осуществлено Вернадским в труде “Биосфера” (1926) и последующих его работах.

Особенности описания Вернадским места Земли и ее биосферы в Космосе

Уже первые строки труда “Биосфера” начинаются с констатации места Земли в космическом пространстве: “Своеобразным, единственным в своем роде, отличным и неповторяемым в других небесных телах представляется нам *лик Земли* – ее изображение в Космосе, вырисовывающееся извне, со стороны, из дали бесконечных небесных пространств” [14, с. 8]. Далее им отмечается, что в “лике Земли” выявляется особая ее часть – биосфера, которая есть наружная оболочка Земли, отделяющая ее от космической среды. Но она “собирает всюду из небесных пространств бесконечное число различных излучений, из которых видные нам световые являются ничтожной частью” [14, с. 8]. Тем не менее, излучения Солнца являются самым существенным фактором зарождения и существования живого вещества в биосфере. Только благодаря этим излучениям оно получает необходимую для своей жизнедеятельности энергию. Оно, по

заклучению Вернадского, является “созданием внешних сил Космоса” [14, с. 10].

В последующем тексте данного труда подчеркивается и то, что сама биосфера в значительной “степени есть создание Солнца”. Да и все составляющие ее живые компоненты, в том числе и человек, своим происхождением и бытием обязаны Солнцу и другим космическим излучениям: “Твари Земли являются созданием сложного космического процесса, необходимой и закономерной частью стройного космического механизма, в котором, как мы знаем, нет случайности” [4, с. 10].

Текст первых страниц рассматриваемого труда поражает его читателей и тем, каким языком описывается космическая выраженность жизни. Его автор демонстрирует умение сочетать язык науки и художественной литературы. Свое космическое мирозерцание он выражает весьма специфическими словосочетаниями: “дали бесконечных небесных пространств”, “небесные светила”, “космическая среда мира”, “люди как дети Солнца” и другими, которые являются, по своей сути, художественными образами. Их использование ученым позволило не только вызвать интерес читателя к его труду, но раскрыть и проблему космичности жизни.

Решению последней способствовало и то, что им использовался и понятийный аппарат музыки. Так, для выражения места биосферы Земли в Космосе он все космические излучения, принимаемые нашей планетой, сравнивает с музыкальными звуками. Своеобразие последних он характеризует числом октав. Все многообразие этих излучений выражалось им с помощью 40 октав. Например, световое излучение Солнца принималось за одну октаву, тепловое излучение – три октавы, ультрафиолетовое – пол-октавы. Отсутствие остальных октав связывалось с тем, что многие космические излучения поглощаются материальной средой высших слоев земной стратосферы.

Именно с помощью языка науки, художественной литературы и музыки Вернадский раскрывал связь Земли и ее биосферы с Космосом. Подтверждением сказанному могут быть его суждения относительно роли художественной литерату-

ры и искусства в постижении природы и ее красоты. Они высказывались им в последующих трудах. Так, в труде “Научная мысль как планетное явление” (1938), который был опубликован только в 1977 г., утверждается: “Мир художественных построений <...> оказывает огромное влияние на научный анализ реальности” [15, с. 465]. Более того, он резко осуждал тех естествоиспытателей, которые игнорировали использование художественной литературы и искусства в познании и описании природы. “Нередко в наш век точного знания, – писал он, – мы смотрим с излишней небрежностью на художественное творчество в научном искании и в научной литературе. Мы забываем, что это творчество не только является элементом, помогающим открывать научную истину, но что само по себе представляет великую ценность, имеет значение независимо от того, что достигается благодаря ему при решении научной задачи” [15, с. 186–187].

Синтез отмеченных видов творчества особенно необходим, по убеждению Вернадского, при постижении и описании “строения биосферы – и еще более ноосферы” [5, с. 465], их земной и космической выраженности. Уже отмеченные в труде “Биосфера” знания о роли излучений Солнца в порождении основного компонента биосферы – живого вещества и соответствующие приемы выражения этих знаний позволили его автору сформулировать “точные и глубокие представления о биосфере как о земном и космическом механизме” [14, с. 14].

“Космическая функция”

живого вещества в биосфере

При разработке представлений о биосфере как “земном механизме” Вернадский использовал труды своих именитых предшественников: Ж.-Б. Ламарка, А. Гумбольдта, Э. Зюсса, В.В. Докучаева и других ученых. Опираясь на их идеи и собственные космические, биологические и геохимические исследования, им была сформулирована подлинно научная био-геохимическая концепция биосферы. Для него биосфера есть оболочка Земли, состав, структура и энергетика которой определяется жизнедеятельностью ее живого вещества в прошлое и настоящее время.

Подробно предпосылки становления данной концепции и ее содержание раскрываются в специальном труде [16] и других работах автора. Здесь же отметим только космическую выраженность живого вещества биосферы. Его космическую функцию Вернадский подчеркивает уже на первых страницах своего труда. По заключению этого космиста, все живое биосферы “есть создание Солнца, как и выявление процессов Земли” [14, с. 10]. Конкретно эта роль Солнца в бытии биосферы им раскрыта через постижение процессов фотосинтеза, протекающих в зеленых растениях Земли. Именно они, получая энергию от Солнца и усваивая косное и биокосное вещество биосферы, синтезируют органические соединения для других (гетеротрофных) организмов.

Выявление сущности всех этих процессов “показало, что весь зеленый организм и в своих сообществах, и в своем движении приспособлен прежде всего к исполнению своей космической функции – улавливанию и превращению солнечного луча” [14, с. 24] в свободную энергию биосферы. Именно свойство живого вещества превращать энергию Солнца (свет, тепло и т. д.) в свободную энергию Вернадский считал его важнейшей функцией в биосфере. Раскрытие “космической функции” живого вещества в биосфере провидится Вернадским через все содержание труда “Биосфера”.

Суждения о жизни как космическом явлении высказываются им и в труде “Очерки геохимии” (1927). В нем делается даже упрек биологам того времени за их невнимание к космической среде, в которой находятся организмы. В силу этого биологам ставилась задача “связать явления жизни с основными элементами, проявляющимися в космосе” [17, с. 55]. К таким “элементам” Вернадский относил всемирное тяготение, различные космические излучения и т. д.

В определенной мере поставленные задачи еще в 20–30-е гг. были решены приверженцем космической идеи Вернадского видным биологом-космистом А.Л. Чижевским. На основе выявления влияния излучений Солнца, потоков заряженных и электрически нейтральных частиц и других космических факторов

им была подтверждена концепция старшего космиста (Вернадского) о жизни как космическом явлении. Первые успехи в ее обосновании привели к включению в систему научного знания и новых научных дисциплин – гелиобиологии, космической микробиологии и космической эпидемиологии. Их становление было поддержано Вернадским и другими учеными [18, с. 66, 109].

Вопросы космического проявления жизни были предметом внимания Вернадского и в последующих его трудах. Так, в работе “Научная мысль как планетное явление” им отмечается, что научное знание его времени пока ограничивается только исследованием воздействия космических излучений на живое вещество биосферы и попадающего в нее космического внеземного вещества. Но такими знаниями нельзя ограничиваться. По его убеждению, уже наступило время поставить вопрос: “Является жизнь только земным явлением или свойственным только планетам, или же она в какой-то степени и в какой-то форме отражает явления большого масштаба, явления космических просторов, столь глубокие и вечные, какими для нас являются атомы, энергия и материя, геометрически выявившиеся пространство-время” [15, с. 468].

Вопрос “о жизни в Космосе” Вернадский считал вопросом науки. Постановка такого вопроса определяется выявленным научным знанием, материальным единством земных и космических объектов, присущим им пространством и временем и другими сходными атрибутами. Вместе с тем он признавал и то, что “наше знание о Космосе резко отлично от знания наук, построенных на объектах биосферы. Оно дает нам только основные общие контуры его строения” [15, с. 435]. В силу этого он призвал исследователей прилагать больше усилий на изучение Космоса и процессов, происходящих в нем.

Сам же космист основное внимание уделял вопросам воздействия космических факторов на биосферу. Одним из них была космическая пыль. В статье “О необходимости организованной научной работы по космической пыли” (1941) он писал, что научному знанию “особенно важно изучать характер вещества космической

пыли как главной массы космического вещества, входящего в нашу планету. Надо изучать и учесть его как источник космической энергии, непрерывно приносимый нам из окружающего нас пространства” [19, с. 418]. Попадая в биосферу Земли, она становится земным объектом, доступным для познания человеком. Позже в труде “Химическое строение биосферы Земли и ее окружения” (1965) космическая пыль была названа им одним из структурных компонентов биосферы [20, с. 71].

Биосфера – “планетное явление космического характера”

Вышеназванный труд выполнялся Вернадским в последние годы его жизни. Он остался незаконченным и был опубликован только через 20 лет после смерти его автора. Вернадский называл свой труд “итогом его научной жизни” [20, с. 260]. Действительно, в этой “Книге жизни” подведены результаты многолетнего постижения сущности биосферы и ее эволюции в ноосферу. В ней значительное внимание уделяется и решению проблемы космической выраженности жизни. Вернадский отмечал, что еще в 1940 г. им совместно с директором Института микробиологии АН СССР Б.Л. Исаченко была поставлена проблема о *космической жизни* <...> как текущей научной задаче” [20, с. 340]. Однако в связи с начавшейся войной работа по ее выполнению была приостановлена. Но ее определенное решение осуществил автор вышеназванной книги.

Этот труд начинается с рекомендаций представителям геологической науки не забывать того факта, что они имеют дело не просто с Землей и ее биосферой, а с одной из “планет Солнечной системы”, которая в свою очередь является “частью нашего Млечного Пути”. В силу этого Земля “материально и энергетически непосредственно в ходе времени связана с Солнечной системой и Млечным путем” [20, с. 20]. От последних идет на Землю непрерывный поток различных излучений. Причем космические излучения преобладают над солнечными излучениями. “Солнечная энергия, создающая жизнь на нашей планете, – писал он, – меркнет в своей силе перед так называемыми проникающими излучениями” [20, с. 44]. Ими

являются потоки фотонов, электронов “исключительной мощности”, нейтронов и еще неизвестных автору книги других элементарных частиц. Их воздействие на косное вещество Земли приводит к широкому распространению в нем радиоактивных изотопов и т. д. Все это свидетельствует об огромном геологическом значении “проникающих космических лучей”.

Неудивительным становится и то, что в структуру биосферы Земли Вернадский включал следующие компоненты: живое вещество, биокосное вещество, косное вещество, вещество радиоактивного распада, рассеянные атомы, создающиеся из земного вещества под воздействием космических излучений и, наконец, вещества космического происхождения (космическая пыль, атомы и молекулы из космического пространства) [20, с. 70–71].

Космические излучения оказывают влияние и на живое вещество биосферы Земли. “Сгущения живого вещества” на суше, морях и океанах, других водных бассейнах Вернадский связывал с воздействием на них такого рода излучений. Да и само живое вещество находится под их влиянием. Оно, как отмечал космист, “перерабатывает на нашей планете три различные формы энергии: 1) космическую лучистую энергию Солнца, тепловую, световую; 2) космическую атомную энергию радиоактивного распада; 3) космическую, исходящую из нашей Галактики (Млечного Пути) энергию рассеянных элементов”. Причем он считал, что “первая – энергия Солнца – резко преобладает” [20, с. 298–299] над другими видами энергии.

Но нужно иметь в виду и то, что живое вещество есть прежде всего планетное явление. Оно “охватывает и перестраивает все химические процессы биосферы”, производит и накапливает в ней энергию. Из всех структурных компонентов биосферы живое вещество является самой активной ее частью. По своей мощности, интенсивности и непрерывности воздействия на другие части биосферы оно занимает лидирующее положение. Оно определяет и “все основные химические закономерности в биосфере”. По заключению Вернадского, “живое вещество есть самая мощная геологическая сила, растущая с ходом времени” [20, с. 144].

Все вышесказанное свидетельствует, что живое вещество есть планетное явление, тесно связанное с биосферой Земли. Но бытие последней, как уже отмечалось, зависит и от Космоса, потоков его различного рода излучений. Да и живое вещество существует и эволюционирует благодаря солнечным и космическим потокам лучей. Как же конкретно Вернадский сформулировал единство планетной и космической стороны бытия биосферы?

Решение данного вопроса было осуществлено им в специальной статье под названием “Несколько слов о ноосфере”. Она стала последней прижизненной публикацией Вернадского. В цитируемой нами “Книге жизни” эта статья представлена в качестве заключительной 21-й главы. В ней дается и ответ на поставленный вопрос: “В нашем столетии биосфера получает совершенно новое понимание. Она выявляется как *планетное явление космического характера*” [20, с. 339].

Для Вернадского биосфера есть космическая оболочка Земли, а потому и все ее компоненты, в том числе живое вещество и человек, имеют не только земную, но и космическую выраженность. Он резко критиковал представителей гуманитарных наук, да и биологии, которые “сознательно не считаются” с выводами о зависимости человека и всего человечества от биосферы. “Человечество, как *живое вещество*, – писал Вернадский, – неразрывно связано с материально-энергетическими процессами определенной геологической оболочки Земли – с ее *биосферой*. Оно не может физически быть от нее независимым ни на одну минуту” [20, с. 339]. Но человечество, будучи частью биосферы, существенно отличается от других ее компонентов. Оно занимает особое место в системе биосферы, так как является ведущим фактором ее эволюции и перехода в качественно новое состояние. “Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом становится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого.

Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть «ноосфера»” [20, с. 343].

Как видим, последовательно материалистическое обоснование Вернадским идеи космизма завершается включением в систему научного знания идеи ноосферы. В этом плане мы разделяем вывод А.Г. Назарова, что “космизм – это первое, главное и необходимое условие самой идеи ноосферы и, конечно, идеи биосферы” [21, с. 75], обоснованных русским космистом Вернадским.

Учение Вернадского о переходе биосферы в ноосферу – вершина естествонаучного и философского творчества космиста. Ему удалось вскрыть космопланетарную роль научной мысли и труда человека как новой геологической силы, единство природных и социальных законов эволюции, возможности человека и человечества управлять природными и социальными процессами. Им выявлено единство и взаимосвязь традиционно обособленных течений в русском космизме. Его учение о биосфере и ноосфере есть конкретное выражение целостности русского космизма и основание космической идеи. Последняя оказала огромное влияние на становление космических представлений у ряда современников Вернадского.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Демин, В. Н.** Русский космизм вчера, сегодня, завтра. Ч. 1 : Русский космос / В. Н. Демин. – Москва : ЛЕНАНД, 2014. – 200 с.
2. **Карчевцев, О. А.** Русский космизм / О. А. Карчевцев // Грёзы о земле и небе. Антология русского космизма. – СПб. : Худож. лит., 1995. – С. 5–25.
3. **Субетто, А. И.** Ноосферный прорыв России в будущее XXI века / А. И. Субетто. – СПб. : Астория, 2010. – 544 с.
4. **Вернадский, В. И.** Живое вещество и биосфера / В. И. Вернадский. – Москва : Наука, 1994. – 672 с.
5. **Вернадский, В. И.** Дневники: Март 1921 – август 1925 / В. И. Вернадский. – М.: Наука, 1998. – 214 с.
6. **Федоров, Н. Ф.** Философия общего дела : в 2 т. / Н. Ф. Федоров. – Москва : ООО “Изд-во АСТ”, 2003. – Т. 1. – 699 с.
7. **Карако, П. С.** Природа и нравственность / П. С. Карако. – Минск : Экоперспектива, 2013. – 244 с.
8. **Лосев, А. Ф.** Владимир Соловьев и его время / А. Ф. Лосев. – Москва : Мол. гвардия, 2000. – 613 с.

9. **Брюсов, В. Я.** Собр. соч. : в 7 т. / В. Я. Брюсов. – Москва : Худож. лит., 1975. – Т. 6. – 656 с.
10. **Карако, П. С.** Эстетика природы / П. С. Карако. – Минск : Экоперспектива, 2012. – 246 с.
11. Литературное наследство. Т. 85 : Валерий Брюсов. – Москва : Наука, 1976. – 854 с.
12. **Чижевский, А. Л.** На берегу Вселенной: Годы дружбы с Циолковским: Воспоминания / А. Л. Чижевский. – Москва : Мысль, 1995. – 715 с.
13. **Умов, Н. А.** Роль человека в познаваемом им мире / Н. А. Умов // Русский космизм: Антология философской мысли. – Москва : Педагогика-Пресс, 1993. – С. 114–128.
14. **Вернадский, В. И.** Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – Москва : Наука, 1989. – 261 с.
15. **Вернадский, В. И.** О науке / В. И. Вернадский. – Дубна : Изд. центр “Феникс”, 1997. – Т. 1. – 576 с.
16. **Карако, П. С.** Философия и методология науки: В. И. Вернадский: Учение о биосфере и ноосфере / П. С. Карако. – Минск : Экоперспектива, 2008. – 304 с.
17. **Вернадский, В. И.** Очерки геохимии / В. И. Вернадский. – Москва : Наука, 1983. – 422 с.
18. **Чижевский, А. Л.** В ритме Солнца / А. Л. Чижевский, Ю. Г. Шишина. – Москва : Наука, 1969. – 112 с.
19. **Вернадский, В. И.** О необходимости организованной научной работы по космической пыли / В. И. Вернадский // Вернадский В. И. Избранные сочинения. – Москва : Изд-во АН СССР, 1960. – С. 410–420.
20. **Вернадский, В. И.** Химическое строение биосферы Земли и ее окружения / В. И. Вернадский. – Москва : Наука, 2001. – 376 с.
21. **Назаров, А. Г.** Космизм в идее ноосферы В. И. Вернадского / А. Г. Назаров // Вестник Международной Академии наук (Русская секция). – 2008. – № 1. – С. 73–76.

Поступила в редакцию 12.12.2017 г.
Контакты: kafedra628@gmail.com
(Карако Петр Семенович)

Karako P. S. PREREQUISITES AND ESSENCE OF V.I. VERNADSKY'S COSMIC VIEWS.

The article reveals the features of cosmic views of some representatives of Russian cosmism

(N.F. Fedorov, V.S. Soloviev, V.Y. Bryusov etc.), their role in the formation of V.I. Vernadsky's biospheric and noospheric ideas expressing his cosmism. Particular attention is paid to his discovery of the Earth place and its biosphere in space, the cosmic function of the living beings in the biosphere and human activity in the

implementation of its transition to the noosphere. The article stresses the contribution of this cosmist to the integration of different directions of Russian cosmism into a single holistic teaching.

Keywords: Earth, space, nature, biosphere, noosphere, living matter, Russian cosmism, symbolism.

УДК 37.013.73

ОБРАЗОВАНИЕ КАК СПОСОБ ТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРЫ И ОСНОВА КОНСОЛИДАЦИИ И РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

А. И. Левко

доктор социологических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института философии НАН Беларуси

В статье анализируются многообразные аспекты номотетического и исторического развития образования, единство его естественнонаучного и социально-культурного содержания, государственной, рыночной и общественной направленности, очевидные и латентные его смысловые характеристики. Особое внимание уделено образованию как целенаправленному процессу формирования и развития сознания и самосознания личности и осуществляемой с их помощью деятельности, направляемой объективными закономерностями и регулируемой системой государственного управления, а также способу трансляции социально-культурных ценностей и норм, выражению рыночных отношений буржуазного общества, государственной монополии образования и проблемам формирования гражданского общества, отличию образования от функциональной профессиональной подготовки.

Ключевые слова: образование как выражение потребностей и образование как разновидность духовной деятельности, образование как ценность, система, процесс и результат, образование как историческое наследие и экзистенциальная характеристика выражения требований времени, образование как образ должного и необходимого, государство и рынок, обучение и воспитание, закономерность, долг и ответственность.

Общество, социальная общность и целостность, цели общественного развития возникают и совершенствуются благодаря интеграции отдельно взятых индивидов в ходе овладения ими основами культуры и культивирования своего образа жизни как совместной жизнедеятельности на основе духовно-нравственных и иных ценностей и норм с помощью вербальных, производственных и других форм взаимодействия друг с другом. Они являются важнейшей предпосылкой кон-

солидации и развития общества. И среди факторов культурной преемственности и общественного развития важнейшая роль принадлежит образованию и воспитанию.

Образование и его очевидные и латентные смысловые характеристики. Для того чтобы определить роль и значимость образования в консолидации и развитии современного общества, необходимо, прежде всего, прояснить саму суть этого понятия. "При всей распространенности и, казалось бы, устойчивости понятия "образование", – как справедливо подметил составитель и разработчик современной белорусской педагогической энциклопедии Е.С. Рапацевич, – смысл, вкладываемый в него, все еще требует серьезного научного анализа и обоснования" [1, с. 373]. При этом смысл данного понятия на протяжении исторического развития самого общества постоянно меняется и выражается целым рядом сопоставимых с ним понятий "культура", "социализация", "воспитание", "обучение", "подготовка", "деятельность", "знания" и т. д. И вместе с тем, как заметил известный немецкий философ Юрген Хабермас, образование и связанное с ним общественное развитие неизбежно включает в себя историческое наследие. **"Это наследие (иудейская этика справедливости и христианская этика любви),** практически не изменившееся, стало предметом постоянного присвоения и критического переосмысления" [2, с. 12]. Сама этимология слова "образование" хорошо иллюстрируется корневой его основой – "образ", который до сих пор воспринимается по-разному с мифологической, религиозной, натуралистической, социально-культурной мировоззренческой позиции и может быть как духовно-нравственным, идеальным, например, образом Божьим, так и психологическим или чувственной формой психического явления, имеющего в идеальном плане пространственную организацию и временную динамику. В одном случае образование предстает как разновидность духовной деятельности, имеющей некую сакральную основу, во втором – как выражение потребностей человека, сопряженных с различными видами деятельности (логической или мыследеятельности, экономи-

© Левко А. И.

ческой, социально-культурной, инновационной и т. п.). По МСКО (Международная стандартная классификация образования) ЮНЕСКО термин “образование” включает в себя все виды целенаправленной и систематической деятельности, осуществляемой в целях удовлетворения образовательных потребностей.

Под образованием понимается *организованный и устойчивый процесс коммуникации*, порождающий как обучение, так и основанную на нем социальную интеграцию и дезинтеграцию в виде возрастающей социальной мобильности в рамках региональной, национальной и геокультурной системности. Образование все больше представляется как выражение модернизации современного общества и культурной гегемонии в этом процессе Запада. По утверждению западных идеологов, в тех обществах, в которых модернизация осуществлялась параллельно с принятием ценностей западной культуры, наблюдался интенсивный экономический рост, примером чего могли служить многие азиатские страны. В тех же обществах, где модернизация в этот период реализовалась без принятия ценностей гражданского общества и правового государства, наблюдался спад или стагнация экономики, примером чего служили страны Латинской Америки. Сами же ценности, в данном случае, представляются не как результат исторического наследия каждой из развивающихся стран, а как своеобразный итог мыследеятельности или новое мышление, вырабатываемое в процессе непрерывного образования или обучения. *Обучение* же в данном случае предстает как целенаправленный педагогический процесс активизации и стимулирования учебно-воспитательной деятельности учащихся по овладению научными знаниями, умениями и навыками, развитию творческих способностей, мировоззрения, нравственно-эстетических взглядов и убеждений. *А обучаемость* – как восприимчивость обучаемого к накоплению опыта, зависящая от его способностей. *Способности* же, в свою очередь, предстают как психологическое явление или индивидуально-психологические особенности личности, являющиеся условием успешного выполнения той или иной продуктивной деятельности.

Способности обнаруживаются в процессе овладения деятельностью, в том, насколько индивид при прочих равных условиях быстро и основательно, легко и прочно осваивает способы организации ее осуществления. Наиболее распространенной формой оценки степени выраженности способности являются тесты: тесты достижений, тесты интеллекта, тесты креативности, тесты успеваемости в учебе и т. п.

Образ возможного через развитие способностей личности к адаптационной и креативно-творческой деятельности и формируемой на этой основе культуры является как бы одной из составляющих современного образования. Второй (гораздо древней) его составляющей является *образ должного*, который и имел в виду в своей концепции коммуникативного действия Ю. Хабермас. “Долг – категория этики, в которой выражается нравственная задача отдельного индивида, группы лиц, класса, народа в конкретных социальных условиях и ситуациях, становящихся для них внутренне принимаемым обязательством. (Этим долг отличается от более абстрактного понятия должного, обнимающего область вообще всех требований, предъявляемым к людям в виде норм). В истории нравственного сознания человечества содержание долга толковалось различно, сообразно общесоциальному или классовому пониманию обязанностей, лежащих на человеке в ту или иную эпоху; оно всегда было связано с конкретными проблемами времени и данного общества” [1, с. 175].

По своему общечеловеческому содержанию понятие “долг” включает в себя выполнение ряда исторически выработанных “простейших правил человеческого общежития”. Что касается природы долга, то данная проблема всегда была ареной столкновения различных школ и направлений философской этики. Основания долга связывались с той или иной формой толкования нравственной необходимости (исполнение божественных велений, каких-либо космических или потусторонних законов, официальных и неофициальных общественных установлений, самоосуществление внутренних потенций личности и т. д.).

Оборотной стороной долга выступает *ответственность*, или способность лич-

ности понимать соответствие результатов своих действий поставленным целям, принятым в обществе или в коллективе нормам, в результате чего возникает чувство сопричастности общему делу, а при несоответствии – чувство невыполненного долга.

Сформировать и развить чувство долга на основе лишь обучения невозможно. Для этого обучение по меньшей мере должно быть интегрированным с воспитанием как важнейшим способом воспроизводства ценностей, норм и смыслов культуры, питаемых самой почвой жизнедеятельности различных народов, их образом жизни. *“Воспитание – 1) в социальном, широком смысле – функция общества по подготовке подрастающего поколения к жизни, осуществляемая всем социальным устройством: общественными институтами, организациями, церковью, средствами массовой информации и культуры, семьей и школой; 2) в более узком, педагогическом смысле – специально организованный и управляемый процесс формирования человека, осуществляемый педагогами в учебно-воспитательных учреждениях и направленный на развитие личности; 3) передача общественно-исторического опыта новым поколениям с целью подготовки их к общественной жизни и производительному труду”* [1, с. 73]. Выделяются, в частности, гражданское, нравственное, патриотическое и интернациональное, правовое, трудовое, физическое, экологическое, экономическое, эстетическое и другие виды воспитания.

Долгое время считалось, что успехи воспитания напрямую связаны лишь с постижением *закономерностей воспитания* как общественного явления, а также *закономерностей развития личности*. Важнейшей из воспитательных закономерностей объявлялась зависимость воспитания как особой сферы жизнедеятельности людей от совокупности объективных и субъективных факторов общественной среды. Считалось, что “эта общая закономерность выражается в зависимости воспитания от способа производства материальных благ, от политической системы, господствующей идеологии, от социальной структуры общества, духовной культуры ее членов. Еще к общим закономерностям воспитательного

процесса относили единство целей, содержания и методов воспитания, а также единство обучения и воспитания. Указанные закономерности, – по мнению сторонников данной методологической позиции, – определяют общие подходы к организации воспитания” [1, с. 77].

Образование в таком понимании предстает как целенаправленный процесс формирования и развития сознания и самосознания личности и осуществляемой с их помощью деятельности, направляемый объективными закономерностями и регулируемый системой государственного управления. Однако при таком понимании образования, *во-первых*, не учитываются: стихийный процесс социализации индивидов, осуществляемый в результате их взаимодействия на уровне обыденного существования и не сводимый лишь к целенаправленному воспитанию; архетипы коллективного бессознательного в виде национального, регионального, поселенческого, половозрастного, профессионального и другого менталитета, а также роль самостоятельности самого воспитанника и обучаемого как субъекта соответствующей культуры. *Во-вторых*, в нем не принимается во внимание то, что образование, наряду с идеальными и чувственно-психологическими образами, всегда отражает образ жизни народа, нации и т. д., в котором идеалы возможного и должного, слова и дела, теоретического и практического, прошлого, настоящего и будущего, трудовой и игровой деятельности как бы интегрируются в единую социально-культурную реальность и предстают в виде подражания, состязания, традиции как формы преемственности, вербального и невербального взаимодействия. В связи с этим можно выделить по меньшей мере четыре еще не учтенных аспекта в содержательной трактовке понятия “образование”: 1) образование как ценность; 2) образование как система; 3) образование как процесс; 4) образование как результат. “Понять и оценить истинную сущность образования как сложного многопланового явления можно лишь в единстве и взаимодополнении этих аспектных характеристик” [1, с. 374].

Образование как способ трансляции культурных ценностей и норм.
Ценностная характеристика образова-

ния предполагает рассмотрение трех взаимосвязанных блоков образования: образование как ценность государственная, образование как ценность общественная и образование как ценность личностная. Любое государство заинтересовано в развитии образования, придании этой сфере приоритетной государственной значимости. Однако декларации и лозунги этой значимости должны подкрепляться конкретным механизмом реализации, достойным финансовым, информационным, кадровым, правовым и научно-методическим обеспечением. *Образование как система* в традиционном понимании – это система образовательных (государственных и не государственных) учреждений, различающихся по самым различным параметрам, но, прежде всего, по уровню и профилю. Системные качества образования обретает благодаря наличию общих, инвариантных качеств, к числу которых можно отнести гибкость, динамичность, вариативность, адаптивность, стабильность, прогностичность, преемственность, целостность. *Образование как процесс* – это процесс движения от целей к результату, процесс субъектно-объектного и субъект-субъектного взаимодействия педагогов с учащимися – профессиональная компетентность – культура – менталитет. *Образование как результат*: грамотность – образованность – профессиональная компетентность – культура – менталитет.

Исторически образование начинается со слова и передаваемых с его помощью ценностей и норм жизнедеятельности, формирующих особый образ жизни, наполняемый особой духовностью и божественной благодатью. Умения и навыки письма и чтения, выступающие первоначально основными характеристиками функциональной грамотности или способом усвоения священных писаний, становятся впоследствии основным способом теоретического и практического, опытно-экспериментального освоения мира и формирования философского мировоззрения. Они становятся основой консолидации и развития общества. Иными словами, цель и средства образования со временем меняются своими местами. Гуманитарное знание и недифференцированное социальное познание, или со-

циальная философия, сменяются естественнонаучным знанием и предметной дифференциацией образования. Ведь наши языческие предки одухотворяли все природные явления и процессы и поклонялись им, искренне веруя в то, что духовное начало лежит в основе всего мира и всех материальных вещей. Мифосемантическое познание основывалось на признании сакральными, священными все виды знаний, выраженных в слове, и на вере в божественную природу всего мироздания, имеющего субстанциональную, материально-вещественную форму своего проявления, направляемого и развиваемого некими потусторонними силами. Иное дело, что это познание было эмоционально-чувственным, или нелогическим. Свою логическую форму знание обретает в метафизике. Метафизика в буквальном переводе с древнегреческого и латинского – “то, что идет после физики”, или весь комплекс естественнонаучных представлений, выраженный в философии как познании высших “принципов” или “причин бытия”.

Исходя из этого представители многих естественных и гуманитарных наук свои истоки ищут в древнегреческой метафизике. Медики, например, принимают клятву Гиппократу, всерьез полагая, что он был один из первых целителей человеческого тела на основе естественнонаучных данных, а не на основе воздействия на его сознание. Древние греки педагогом считали прислугу, обеспечивающую процесс гимнастических занятий и имеющую некие элементарные знания в области физиологии и психологии. Математики связывают начала своей науки с теоремой Пифагора и его философской школой. Социологи и политологи – с логосом, лежащим в основе самого названия этих гуманитарных наук и той онтологической реальностью социума и полиса, на исследование которых были направлены эти науки. При этом обычно забывают о том, что на протяжении многих столетий философия, содержащая проблески научных знаний, была служанкой богословия, и то, что принимается за зачатки науки, есть не что иное, как своеобразный опыт исцеления и решения целого ряда других сугубо практических проблем на основе здравого смысла, основанного на народном опыте,

или то, что сегодня называют народной медициной, навигацией по звездам и т. п. Народная мудрость и мудрость книжная или основанная на логосе теоретических знаний и экспериментальных данных по своему ценностному содержанию обычно не противоречат друг другу.

Классическая наука как выражение рыночных отношений буржуазного общества. Тем не менее то, что сегодня называют классической наукой, возникло лишь в эпоху Возрождения, или эпоху зарождения капиталистического общества и рыночных отношений, потребовавших жесткой стандартизации, нормирования, количественного измерения и предварительных математических расчетов, имеющих непосредственную практическую значимость и экономическую выгоду. Иными словами, подлинная наука – это не просто возрождение абстрактно-логических метафизических представлений, а превращение их в своеобразный инструмент буржуазного образа жизни и нового социально-культурного типа общества. По мере формирования буржуазного общества создается и новый облик образования или образования как способа инновационного научно-технического развития. Когда говорят о науке, то имеют в виду, как правило, какую-то область достоверного, практически значимого знания, основанного на познании закономерностей объективной реальности, позволяющей проникнуть в ее сущность, описать и объяснить происходящее и с известной долей уверенности прогнозировать будущее. Поэтому в поле зрения оказывается прежде всего естествознание: физика, химия, биология, медицина, которые в той или иной мере соответствуют этим критериям. Например, известный спор ученых о том, является ли гомеопатия одним из направлений медицины, основывается на степени доказуемости эффективности ее применения при лечении больных. Точно так же до недавних пор решался вопрос о степени научности гуманитарного знания. То, что нельзя количественно измерить, обосновать и доказать с помощью математических методов, наукой не считалось. Поэтому гуманитарные науки вынуждены были до недавнего времени доказывать свою научность за счет освоения прин-

ципов и методов естествознания. Особо преуспели в этом плане экономика и социология. В экономику, наряду с методами математического моделирования, переключались даже такие традиционные понятия механики, как “вал”, “рычаг”, “механизм”, “система”. Другие же гуманитарные науки вынуждены были заменить традиционный для них “логос” на меру количественного счета и максимально приблизиться к природной материи, лежащей в основе мироздания. Например, психология, как наука о душе, превратилась в науку о психике человека как физиологической форме отражения действительности на уровне мозга, продуктом которого провозглашается мышление. Сама же психология становится основой экспериментальной педагогики, которая до этого связывалась в основном с искусством воспитания.

Общепризнанным считается и то, что, в отличие от видов деятельности, результат которых в принципе бывает известен заранее, научная деятельность дает приращение нового знания, т. е. ее результат принципиально нетрадиционен. Именно поэтому наука выступает как сила, постоянно революционизирующая другие виды деятельности. Результатом этих революционных изменений в самой науке является рождение новых научных парадигм или не существовавших ранее научных традиций, устоявшихся, ставших привычными точек зрения, моделей-стандартов решения определенного класса научных задач.

В связи с этим возникает вопрос, что в таком случае представляет собой научное знание: новый вид информации, измеряемый в битах, новые закономерности, новые культурные смыслы, ценности и нормы культуры или что-то иное? Откуда оно появляется и как соотносится с общественной деятельностью и общественным сознанием, в том числе и с такими его формами, как мифология, философская метафизика, религия, обыденное сознание?

Отвечая на эти вопросы, большинство исследователей склонны видеть в науке результат адаптационной или приспособительной деятельности человека к существующей природной среде, в результате чего законы природы, природные ископаемые, другие энергоносители

становятся на службу человеку. Девизом отечественной науки давно стал провозглашенный Мичуриным тезис: “Мы не должны ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача!”. Для достижения этой задачи и разрабатываются соответствующие государственные образовательные стандарты, учебные программы и планы. Все остальные задачи, по мере государственной монополизации образования, отходят на задний план.

Как считает, например, известный американский философ и социолог Иммануил Валлерстайн, сближение естественнонаучных и гуманитарных дисциплин и господство с конца XIX ст. философского позитивизма напрямую связаны с развитием рыночных отношений и превращением их в основной механизм формирования глобальной экономики. Именно благодаря превращению экономической теории в номотетическую науку принципы рыночной экономики по умолчанию, считает он, предстали как вечные и неизменные законы наподобие законов физики. Позитивистская социология, в свою очередь, дополняла тезис о необходимости существования свободного рынка идеей о тождественности количественного развития рыночной экономики и социального прогресса. Тем самым социальный прогресс сводился к формальным экономическим показателям, а экономические законы, будучи “вечными и неизменными”, ограждались от вмешательства со стороны социальных субъектов, таких как классы, политические партии и др. Отсюда вытекает требование Валлерстайна, направленное на создание новой методологии общественных дисциплин. По его мнению, такое единство позволило бы рассматривать экономические и другие социальные процессы как результат деятельности определенных социальных сил, а не как следствие функционирования абстрактных объективных законов, независимых от деятельности общественных субъектов [3, с. 138–139].

“**Рынок** есть особая форма отображения жизни и деятельности людей в знаках и правилах оперирования этими знаками, с одной стороны, и изменения содержания деятельности, сознания людей и отношений между людьми в соот-

ветствии с принятой знаковой формой и системой операций с этими знаками – с другой. В классической форме рынок установился в протестантских странах, где протестантизм был принят в форме кальвинизма <...> Этнос и поведение людей там жестко регламентировались приходскими общинами. <...> Вся общественная и частная жизнь строилась и определялась по “арифметическим” правилам пуританской морали с требованиями калькуляций грехов и добродетелей, добрых и плохих дел, где Бог выступает в качестве “верховного банкира” и “президента страховой компании”, а все люди являются вкладчиками и клиентами. Тогда же впервые в истории были разделены общественная и частная жизнь” [4, с. 38]. Однако разделение это с различным успехом происходило, например, в США и на евроазиатском пространстве, в Западной и Восточной Европе. В одном случае оно привело к расширению свободы и самостоятельности граждан, реальной демократии, а в другом – к усилению государственного контроля.

Как отмечает В.В. Мацкевич, “в жизни, построенной на рыночных отношениях, казалось бы, не остается места человеку и человечеству вообще. Так оно, – считает он, – и было бы, если бы не существовало ничего, кроме рынка. Рынок хорош именно тем, что, оформляя в жесткой логической необходимости одну сторону жизни, предполагает рядом место для культивирования свободы. Чем жестче и эффективнее рынок, тем шире пространство свободы. В этом пространстве существуют клубы, семья, религиозная духовная свобода, спорт, хобби и т. д.” [4, с. 38–39]

Государство и рынок: антиподы или звенья единой цепи? Государственная монополия образования и проблемы формирования гражданского общества. Экономические интересы государства, рынок и государственная монополизация образования – звенья единой цепи. Как отметил в своей статье “Сумерки просвещения” еще в конце XIX ст. известный российский философ В.В. Розанов, “теоретики и практики согласны, что ключ ко всякому прочному успеху в преображении людей в искусственном представлении о человеке, которое они составили”. Все субъекты воспитания стремятся об-

ладать этим ключом. С XIX в. государство, возобладавшее над всеми остальными сторонами народной жизни, естественно, и получило в свое обладание этот ключ. Церковь со своим особым набором понятий и представлений, семья с индивидуальностью своих навыков и стремлений, не говоря уже о других меньших, но столь же живых и конкретных силах истории, были недоверчиво и пренебрежительно устранены от воспитания. Филантропы и теоретики, поскольку они хотели перейти от мечтаний к действительности, должны были войти в сеть административных учреждений, всюду выделенных государством для осуществления этой цели. Индивидуальные пожелания, что были у них, они вынуждены были сохранить в себе и стать или желанием быть чем-нибудь, или только исполнителями безлично общих начал. Для того чтобы придать образованию личностный смысл, оно, по мнению данного автора, должно быть децентрализованным. На это, собственно, и была направлена реформа образования в Российской империи, связанная с переходом от государственной системы образования к земской школе.

Как институт исключительно правовой, государство, по мнению В.В. Розанова, «не имеет неперенной связи с какой-либо религией, с определенными формами быта, ни вообще с чем-либо из истории, что развивается с ним бок о бок в жизни народной, остается, однако, для него чем-то внешним. Не в этом всем, но в особых правовых целях лежит центр его интереса, неперенные и не нарушаемые нормы деятельности, и, ко всему прочему, раз они также становятся предметом его деятельности, они не могут иметь форму отношения внутреннего, субъективного» [5, с. 2]

Цель в воспитании, считал В.В. Розанов, – тот мыслимый образ человека, гражданина, который он стремится осуществить, может стать субъективной целью в государстве, но не средством образовать его, но не тем, с помощью чего этот образ из мыслимого мог бы стать действительным, как бы настойчиво он не был применен им. Он всегда и неизменно будет применен лишь внешним образом. В отношении к достигаемой цели сами по себе

они не имеют никакой особой цены для государства. То, что для них есть неперенное и внутреннее, для него есть случайное и побочное. Отсюда – начало выбора, анализа и эклектизма, применяемого всюду к этим средствам, отсюда же эклектизм в самих способах их употребления.

Механистический, эклектический подход к рассмотрению преподаваемых предметов со временем становится скорее правилом, чем исключением. Отсюда же применяемая система, при которой одно впечатление, по мнению философа, не держится более часа. Ученик больше никогда не оставался наедине со своим учителем, учитель никогда не говорил лицу, но только толпе. Все индивидуальное, что было в одном и другом, заботливо пряталось, лица сопряжены здесь только общей стороной своего существа.

Образование сравнивается с искусственными проявлениями, которые не могут поднять над ними душу. Духовно-нравственный потенциал личности и профессиональная подготовка все больше дистанцируются по отношению друг к другу. А это, в свою очередь, неизбежно ведет к кризисам образования. Эти кризисы искусственно сделаны, искусственно прикреплены и вовсе не выросли из души, и поэтому имеют никуда, ни от какой опасности не могут упасть ее [5, с. 8].

Для государства воспитанный – значит, человек, усвоивший правила веры, знающий сыновьи обязанности, достаточно обогащенный сведениями. Реальное положение дел заменяется здесь идеальными качествами, не ощущениями, а социальными повелениями как должное, законодательное, а не испытываемое. Отсюда отчуждение образования, его несовместимость с развитием самостоятельности личности подрастающего поколения. Государственный стандарт образования и является выражением такой законодательной инициативы. Как отмечает наш современный белорусский исследователь проблем стандартизации образования А.В. Макаров, положение дел в этом отношении на протяжении полутора столетий мало чем изменилось. И наглядной иллюстрацией тому может быть так называемый Болонский процесс. В Болонском процессе, отмечает он, явно проявляется

противоречие между декларируемыми свободами и административными способами их достижения. Здесь все и вся решается на уровне совершенствования образовательного процесса в виде внедрения соответствующих образовательных проектов, программ, стандартов, технологий. Данные проекты и программы предстают, с одной стороны, как результат научных достижений в области психолого-педагогической и других наук, а с другой – как результат соглашения, конвенции, партнерских отношений. При этом опора на консенсус студентов, преподавателей и работодателей. Консенсус чиновников от образования большинства европейских стран является более приоритетным, чем научные изыскания. Особенно отчетливо это проявляется на уровне реализации так называемого компетентностного подхода. Усиление административного давления и вертикали власти после распада СССР осуществлялось под лозунгом включения в мировое сообщество и унификации политики и законодательства в различных сферах. Менеджер, а не высококвалифицированный профессионал становится центральной фигурой в сфере образования и науки. Последнему отводится лишь роль консультанта и эксперта. Реальные свободы преподавателя и научных сотрудников сужаются по сравнению с советской действительностью.

Образование и современная функциональная подготовка. Образование, как на международном, так и на национальном уровне, постепенно подменяется функциональной профессиональной подготовкой. Из него последовательно вытесняется гуманитарная и духовно-нравственная составляющие, национальное, историческое и другое социальное содержание. А это, в свою очередь, порождает все новые проблемы, в конечном счете оборачивающиеся проблемами консолидации и развития общества. Это проблема единства обучения и воспитания, теоретической и практической подготовки, единства знаний, умений и навыков; гармонического воспитания, естественнонаучного и социально-культурного развития, профессиональной подготовки и функциональной грамотности. Многообразный характер образования в ходе его организа-

ции напоминает лоскутное одеяло, когда попытка решить с его помощью одни социальные или экономические проблемы оборачиваются новыми противоречиями. Например, стремление сэкономить на гуманитарном образовании ведет к функциональной безграмотности, неспособности логически излагать и обосновывать мысль. Стремление усилить трудовую и профессиональную подготовку учащихся еще в школе за счет естественнонаучной, экономической и технической подготовки ведет к снижению духовно-нравственного потенциала ее выпускников. Усилия, направленные на профильное обучение, оборачиваются снижением уровня общего образования. Ориентация на развитие талантливой молодежи, с одной стороны, порождает проблемы неравенства по отношению к остальным учащимся, а с другой, ведет к рассогласованию между психолого-педагогическим и социально-культурным развитием. Необходимость осмысления этих проблем актуализирует роль в этом процессе философии образования. К тому же перед политиками и организаторами системы образования возникают вопросы, ответы на которые нельзя получить лишь с позиции психолого-педагогической науки. Это вопросы о целях образования, о роли исторического и национально-культурного кода в духовно-нравственном и профессиональном развитии, о способности образования отвечать на вызовы времени, о сущности социального воспитания, социальной педагогики и социальной работы и их места и роли в системе образования, о соотношении общечеловеческих и национальных ценностей и т. п.

Центральным вопросом современного образования по-прежнему остается противоречие между словом, осваиваемой информацией и делом, умением реализовать полученные знания на практике в ситуации здесь и сейчас; между теоретической и практической подготовкой, между традицией и инновацией. Биосоциальное и социально-культурное развитие, креативность и творчество, следование традиции и инновационное развитие по-прежнему противопоставляются друг другу или предстают как выражение ноосферного космического развития. Диалог

из метода владения словом и предмета познания риторики обретает свое онтологическое содержание и предстает как средство мультикультурного развития, обретающего форму диалога культур.

Поступила в редакцию 08.11.2017 г.
Контакты: ol_ra@list.ru
(Левко Анатолий Игнатьевич)

Levko A. EDUCATION AS A MEANS TO REVEAL CULTURE AND CONSOLIDATE SOCIETY.

The article focuses on the analysis of nomothetic and historical development of education, its natural-science and socio-cultural content, state, market and social orientation, explicit and implicit sense characteristics. Special attention is paid to education as a purposeful process of the formation and development of awareness and self-awareness and to the activities guided by objective forces and regulated by the system of state management. It is also viewed as a way to reveal socio-cultural values and norms, market relations of the bourgeois society, state monopoly in education.

Keywords: education as a way of expressing needs, education as a kind of spiritual activities, education as a value, system, process and result, education as a historic heritage, education as an existential characteristic of time period, education as an image of the proper and needed, state and market, teaching and upbringing, duty and responsibility.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Розанов, В. В.** Сумерки просвещения : сборник статей по вопросам образования / В. В. Розанов. — С.-Пет. : Изд. П. Перцева. 1889. — 240 с.
2. **Хабермас, Ю.** Техника и наука как "идеология" / Ю. Хабермас ; пер. с нем. ; под ред. О. В. Кильдюшова. — Москва : Праксис, 2007. — 201 с.
3. **Валлерстайн, И.** После либерализма / И. Валлерстайн ; пер. с англ. М. Гурвица, П. М. Феденко. — Москва : Едиториал УРСС, 2003. — 256 с.
4. **Мацкевич, В. М.** Об образовании: полемические этюды / В. В. Мацкевич. — Минск : Змицер Колас, 2008. — 290 с.
5. **Философский энциклопедический словарь** / гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. — Москва : Советская энциклопедия, 1983. — 840 с.

УДК 165.614

ОЧЕРК ТЕЛЕОЛОГИИ ЛЮБВИ**Ю. М. Бубнов**

доктор социологических наук, профессор
Могилевского государственного
университета продовольствия

В статье рассматриваются основные трактовки целеполагания любви как избирательного влечения между мужчиной и женщиной. Представлена пантеистическая концепция любви А. Шопенгауэра, теологическая теория Вл. Соловьева и интегральный подход Г. Зиммеля. Сделан вывод о том, что любовное влечение мужчин и женщин обусловлено природными, наследуемыми доминантами, а также социокультурными императивами, приобретаемыми в процессе социализации индивидов.

Ключевые слова: любовь, телеология.

Введение

Философы зачастую ищут смысл и первоначало в том, что составляет обыденное содержание повседневности для остальных людей. Вероятно поэтому все философы предстают людьми преклонного возраста, когда вместо ощущения жизни приходит потребность ее осмыслить, то бишь найти в ней смысл. Одним из самых витально насыщенных понятий выступает любовь. Мало что занимает столько внимания в индивидуальном и общественном сознании, сколько говорится, думается и чувствуется в связи с тем, что именуется любовью. Рискнем поговорить о любви с философской точки зрения. Одним из сугубо философских вопросов выступает вопрос о смысле и цели того или иного явления. Нашей задачей в данной статье как раз и будет телеология любви. Отчетливо понимая всю необъятность заявленной темы, мы претендуем лишь на статус очерка, т. е. предполагаем только обозначить основные позиции, имеющиеся в поле нашего зрения на проблему целеполагания любви. Еще одним ограничением предмета нашего дальнейшего разговора на тему любви будет ее локализация по объекту. Мы не станем рассматривать любовь к матери, Родине, Богу или северюжине с хреном. И даже древнегрече-

ская широкая трактовка половой любви независимо от пола ее субъектов, столь актуализированная сегодня в либерально ориентированной культуре, нам здесь не интересна. Предметом этой статьи выступают традиционные любовные отношения между мужчиной и женщиной. Итак, приступим.

Основная часть

Любовная страсть, или, говоря скучнее, зато точнее, избирательное притяжение полов, всегда оценивалась людьми как чудовищной силы энергия природного происхождения. Источник этой энергии – Природа, не человек. Человек – лишь жалкая щепка в могучем водовороте всепоглощающей страсти соития-соединения. Каков же источник этого всемогущего владыки всего живого? Откуда берется энергия любви? В чем смысл и цель замешанного на горечи сладострастия, периодически охватывающего все живое?

Устами Платона дошла до наших времен красивая и поучительная восточная легенда о людях-андрогинах. Жили когда-то очень давно, говорится в ней, полулюди-полубоги, имя которых буквально означало “мужчино-женщины”. Они были могучи, прекрасны и счастливы. Но задумали однажды андрогины победить богов. И стали строить башню на небо – жилище богов, с тем, чтобы скинуть их оттуда. Испугались боги и задумались о том, как им избежать такой напасти. Поступили они, как и подобает богам, неординарно, но чрезвычайно эффективно. Они разделили каждого андрогина на две половинки – на мужчину и на женщину. А потом разбросали боги половинки по всему свету. Ищут с тех пор эти половинки друг друга, движимые страстью воссоединения, и не могут найти. А если случается им такая редкая встреча, обретают они тогда бывшее единство, и нет для них большего счастья [1, с. 98–100]. Красивая легенда, правда, не без скрытой иронии, вложенная Платоном в уста комедианта Аристофана, очень многих на протяжении веков вдохновляла на лирико-пессимистические произведения. У нас же в связи с ней возникли несколько иные ассоциации.

Там, где древний человек видел вмешательство богов, современный человек

ищет естественнонаучные причины. В наш век прагматизма и рационализма вполне приемлемо будет звучать следующее определение любви. Любовная страсть есть сила природного происхождения, основная функция которой состоит в притяжении представителей противоположных полов друг к другу ради продолжения жизни. Природа хорошо позаботилась о том, чтобы каждое живое существо в нужное время охватила любовная лихорадка, чтобы оно и думать не могло ни о чем другом, кроме встречи со своим избранником или избранницей.

Значение естественнонаучной аргументации для объяснения такого тонкого и возвышенного чувства, каковым является человеческая любовь, признается далеко не всеми. Одни ученые анализ закономерностей человеческих любовных отношений строят на базе общеприродного инстинкта размножения, задавая тем самым и соответствующую целевую установку брачной избирательности. Другие считают любовь привилегией человека, а ее подчинение низменному инстинкту размножения – оскорблением человеческому достоинству.

Идею об инстинктивных основаниях природных механизмов подбора брачных партнеров наиболее последовательно разработал немецкий философ XIX в. Артур Шопенгауэр. Он утверждал, что “человеком <...> руководит инстинкт, направленный на лучшее для рода, тогда как человек полагает, что он ищет лишь собственного высшего наслаждения” [2, с. 539]. Основным субъектом брачного подбора выступает род, а инстинкт является инструментом восстановления, сохранения и развития определенного “типа рода”. Любовь как форма взаимного притяжения полов подчинена интересам рода – этого сверхсубъекта, существующего посредством череды сменяющих друг друга поколений индивидов. Образ человеческого рода в виде бессмертного дерева, периодически порождающего и сбрасывающего листву смертных людей, использован еще Платоном в знаменитом диалоге “Пир”. Шопенгауэр, последовательно развивая основную идею своей философской доктрины о надперсональной воле к существованию, полагал, что “гений рода”

всегда незримо присутствует в желаниях и поступках конкретного человека. Половая же любовь как “самая сильная и действенная после любви к жизни движущая сила” определяет “не что иное, как состав следующего поколения” [2, с. 534]. Поэтому именно “гений рода”, заинтересованный в высокой жизнеспособности новых поколений, соединяет посредством любви наиболее подходящих для их создания мужчин и женщин. В контексте подхода А. Шопенгауэра получает объяснение феномен любви “с первого взгляда”, ибо “только дух рода способен одним взглядом оценить, какое значение данная женщина имеет для *него*, для *его* целей” [2, с. 550]. Чем больше притяжение полов, тем яснее выражена воля рода, который в лице “гения рода” видит в таком сочетании мужчины и женщины гарантию рождения “гармонической, хорошо сформированной индивидуальности”. И “наоборот, взаимное решительное и упорное отвращение, испытываемое мужчиной и девушкой, указывает на то, что создать они могут лишь дурно организованное, лишенное внутренней гармонии, несчастное существо” [2, с. 536]. Идеи Шопенгауэра, в том числе и вкратце обрисованные выше, были чрезвычайно популярны в конце XIX и начале XX ст. Под влиянием его идей появилось много трудов, как подтверждающих, так и отвергающих их. К числу первых следует отнести, в частности, упомянутую русским философом Вл. Соловьевым работу И.А. Вальтера “Основной двигатель наследственности” (М., 1891), в которой историческими фактами доказывалось, что великие люди являются плодом сильной взаимной любви их родителей [3]. Продуктивность идеи видовой обусловленности этого самого возвышенного человеческого переживания – любви – подтверждается ее живучестью. В число сторонников природной детерминанты человеческих эмоций, в том числе и любовных, в первую очередь входят, конечно же, представители естественных наук. Уже упоминаемый Конрад Лоренц писал по этому поводу: “Любовь есть древняя сила инстинкта, она составляет по огромное наследство, которое мы получили от животных и которое живет в нас по сей день... У нас есть все основания полагать,

что у человека, как и у большинства млекопитающих, потенциальный половой партнер узнается по таким сигналам, которые звучат для нас из глубины многовековой наследственности, а не за счет символов, узнаваемых посредством индивидуального опыта" [4, с. 145, 163]. Современные исследования американских ученых показали, что мужчины и женщины подбирают себе брачную пару, бессознательно исходя из трех критериев красоты: симметрии, пропорциональности и усредненности параметров тела и его отдельных органов, которые фиксируются на уровне "генетических знаний" [5, с. 6]. Ученые-биологи Р. Кушнерович и А. Маленков пошли еще дальше. Они утверждают, что только лишь механизмом естественного отбора невозможно объяснить то гигантское ускорение эволюционного процесса, которое происходило на протяжении последних биологических эпох практически по экспоненте. Что стало катализатором такого стремительного ускорения развития жизни на Земле? Ведь если ограничиться только принципом случайности естественного развития, тогда вероятность возникновения, например, обезьяны будет сопоставима с вероятностью сборки этой обезьяны работающего телевизора из рассыпанных деталей. Следовательно, уверены ученые, должен действовать какой-то мощный усилитель внутривидового отбора. Этим усилителем эволюционного процесса является "закон любви". "Новейшая биология, – обосновывают свою позицию авторы, – накопила множество свидетельств тому, что половая селективность не только присуща животному миру, но является правилом, можно сказать, законом" [6, с. 51–57]. Если половая селективность по признакам совместимости – закон Природы, то и человек, как ее любимое дитя, должен жить в согласии с этим законом. В этом суть позиции сторонников признания инстинктивно-природных механизмов брачной избирательности.

Противников у пантеистической теории любви, возвращавшей человека к его природным истокам, хватало всегда. Им хотелось возвыситься над Природой, в том числе и способностью к любви. Одним из самых блестящих апологетов чисто человеческой любви был русский фило-

соф Вл. Соловьев, написавший знаменитое эссе "Смысл любви", где он как раз и полемизирует с А. Шопенгауэром по этому поводу. В отличие от последнего, подчинившего человеческие любовные страсти законам Природы, Вл. Соловьев, видевший *Homo sapiens* не иначе как на вершине мироздания, передал его под прямое правление самого Бога. Русский философ совсем не исключал "провиденциального подбора производителей", который в животном мире "служит для произведения организмов более совершенных". Однако в мире человеческом, по его мнению, это является прерогативой не "гения рода", а Промысла Божия [7, с. 499–501].

Объективности ради следует заметить, что общего в позициях А. Шопенгауэра и Вл. Соловьева гораздо больше, чем различий. Только первый сконцентрировал свое внимание на природных основаниях человеческой любви, а второй задал ей ориентацию на высшие христианские ценности. По сути, Вл. Соловьев всего лишь дополнил концепцию любви А. Шопенгауэра, придав ей черты человеческой уникальности. Интегральной в этом смысле представляется позиция Георга Зиммеля, который не сомневался в том, что первым фактом, или, как он выражался, предварительной формой любви, является "притяжение полов" [8, с. 206]. В полном соответствии со своей культурологической концепцией, согласно которой витальность создает трансцендентные формы, вступающие с нею же в противоречие, Зиммель считал, что любовь порождена жизнью в качестве средства для продолжения жизни, но затем "любовью эта жизнь сама себя трансцендировала, своими собственными силами породила измену себе, <...> обнаруживая, что центральна для себя она сама [любовь], а не сохранение и продолжение рода и не надобность произвести некоего третьего" [8, с. 210–211]. Используя (хотя и в скрытом виде) гегелевско-марксово понятие "отчуждение", Зиммель фиксирует телеологическую инверсию любви, когда она из средства продолжения жизни превращается в самоцель, отвергающую ее. В контексте такого подхода становится понятна отмеченная Вл. Соловьевым следующая закономерность: "чем выше под-

нимаемся мы по лестнице организмов, тем сила размножения становится меньше, а сила полового влечения, напротив, больше” [7, с. 493]. Впрочем, сия закономерность вполне соответствует позиции А. Шопенгауэра, согласно которой любовь – индивидуализированное половое влечение – принципиально отличается от простого полового влечения ко всем представителям противоположного пола тем, что последнее “стремится лишь к количественному сохранению рода”, в то время как первая заботится о его качестве [2, с. 549]. Правда, А. Шопенгауэр, в отличие от Вл. Соловьева, не считал нормой смертоносные эксцессы любви, известные нам по шедеврам мировой литературы. Однако многие ученые, всерьез анализировавшие сущность любви, отмечали ее внутренний трагизм, имеющий отнюдь не литературное происхождение. Связано это с тем, что любовь всегда предполагает самоотречение индивида от присущего ему по рождению эгоизма, фактически от самого себя. Многие исследователи этой проблематики, вероятно, согласились бы с формулировкой смысла человеческой любви, данной Вл. Соловьевым, которая состоит в “оправдании и спасении индивидуальности чрез жертву эгоизма” [7, с. 505], хотя и по-разному ответили бы на вопрос о том, на чей алтарь должна вознестись жертва индивидуального эгоизма: потомкам, “гению рода” или Богу.

Однако инстинктивные механизмы брачного подбора настроены на реализацию видовых, а не персональных интересов. С этим наши эгоистические современники – дети индивидуалистического века – вряд ли могут согласиться полностью. Существовала раньше, а в век индивидуализма еще более усилилась оппозиция какой бы то ни было жертвенности со стороны индивида, для которого любовь приобрела самодостаточное значение эгоистически направленного наслаждения. Противоречие между интересами рода (а также общества и Бога), с одной стороны, и отдельного человека, с другой, подметил Карл Юнг, который писал: “Инстинктивный выбор является, по-видимому, наилучшим с точки зрения поддержания рода, но с психологической точки зрения далеко не всегда бывает счастливым, так

как между чисто инстинктивной и индивидуально развитой личностью зачастую имеется большая разница. В таком случае – при чисто инстинктивном выборе – можно, конечно, улучшить или освежить расу, уничтожив при этом индивидуальное счастье” [9, с. 202]. Остается, правда, открытым вопрос о том, насколько возможно индивидуальное счастье помимо и в противоречии с видовыми и общественными интересами, на реализацию которых в конечном счете “настроены” инстинктивно-поведенческие и инстинктивно-ментальные структуры индивида. Все-таки, на наш взгляд, именно они – природные влечения и общественные потребности (в том числе и сформулированные в религиозных образах) – выступают подспудными мощными мотиваторами любви.

Заключение

Тематика телеологии любви, несмотря на философскую насыщенность только что представленной дискуссии, напрямую связана с сугубо житейскими вопросами брачно-семейных отношений. В первую очередь это относится к супружеской совместимости как одной из основ продуктивной стабильности института семьи и брака.

Нам остается добавить к суждениям дискуссантов лишь то, что в супружеской судьбе современного человека кроме природных, наследуемых доминант брачно-семейного поведения людей огромная роль принадлежит также и социокультурным императивам, приобретаемым в процессе социализации индивидов. Нельзя сбрасывать со счетов также и импульсы самосовершенствования личности, которые для некоторых волевых людей могут стать определяющими во всей их жизнедеятельности. Нам ближе позиция авторов белорусского энциклопедического справочника по сексологии, которые считают, что, “в отличие от инстинктивного полового отбора животных, регулируемый сознанием личный выбор человеком объекта любви приводит не только к чисто биологической совместимости, но и к психологической, эстетической и моральной гармонии двух индивидов” [10, с. 211–212]. Не хотелось бы, правда, впадать и в другую крайность, принижая значение биологического фун-

даментов любовного поведения человека и преувеличивая роль его сознания. Дезориентированное сознание со смещенной ценностно-нормативной системой в сторону, например, самодовлеющей чувственности или сугубо материальных потребностей не сможет обеспечить адекватный задачам семьи подбор супругов. Поэтому целостная теория любви в контексте проблематики супружеской совместимости должна надлежащим образом относиться не только к мировоззренческим и психологическим факторам семейной гармонии, но и к стимулам биологического ряда, в том числе к биохимии и другим структурам природного происхождения, значение которых мы и постарались подчеркнуть в только что представленной статье.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Платон.** Собр. соч. : в 4 т. ; пер. с древнегреч. / Платон. — Москва : Мысль, 1993. — Т. 2. — 528 с.
2. **Шопенгауэр, А.** Мир как воля и представление : в 2 т. / А. Шопенгауэр. — Москва : Наука, 1993. — Т. 2 : О воле в природе. — 670 с.
3. **Вальтер, И. А.** Основной двигатель наследственности / И. А. Вальтер. — Москва : Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1891. — 38 с.
4. **Лоренц, К.** Кольцо царя Соломона ; пер. с англ. / К. Лоренц. — Москва : Знание, 1980. — 207 с.
5. **Спориус, С.** Красота ради выживания — в процентах и пропорциях / С. Спориус // Советская Белоруссия. — 1996. — 18 сентября.
6. **Кушнерович, Р.** Любовь — инструмент эволюции / Р. Кушнерович, А. Маленков // Химия и жизнь. — 1988 — № 7. — С. 56–57.
7. **Соловьев, Вл.** Сочинения : в 2 т. / Вл. Соловьев. — Москва : Мысль, 1988. — Т. 2. — 822 с.
8. **Зиммель, Г.** Избранное : в 2 т. / Г. Зиммель. — Москва : Юрист, 1996. — Т. 2 : Созерцание жизни. — 607 с.
9. **Юнг, К. Г.** Собрание сочинений. Конфликты детской души ; пер. с нем. / К. Г. Юнг. — Москва : Канон, 1994. — 336 с.
10. Сексология : энцикл. справ. по сексологии и смежн. обл. / Белорус. Энцикл.; редкол.: Б. М. Ворник [и др.]. — 2-е изд. — Минск : БелЭн, 1994. — 350 с.

Поступила в редакцию 10.01.2018 г.
Контакты: bubnov_juri@tut.by
(Бубнов Юрий Михайлович)

Bubnov Y. STUDIES ON LOVE TELEOLOGY.

The key definitions of love aims in love viewed as a preferential attraction between man and woman are substantiated in the article. The paper provides A. Schopenhauer's pantheistic conception of love, V. Soloviev's theological theory, G. Simmel's integral approach. The author draws the conclusion that attraction between man and woman is determined by natural inherited dominants as well as by socio-cultural imperatives acquired by individuals in the process of socialization.

Keywords: love, teleology.

УДК 1 (091) + 321.01 + 342.731

СВОБОДА СОВЕСТИ И СВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО

В. В. Старостенко

кандидат философских наук, доцент,
проректор по научной работе
Могилевского государственного
университета имени А.А. Кулешова

Статья посвящена исследованию свободы совести в части структурно-содержательных оснований данного понятия и ее реализации в общественно-государственной практике. Особое внимание обращено на наиболее полное осуществление права на свободу совести в политико-правовых условиях светского государства. Показан конкретно-исторический характер свободы совести, ее взаимосвязь с религиозной толерантностью.

Ключевые слова: свобода совести, религия, права человека, свобода вероисповедания, свобода атеизма, свобода индифферентного отношения к религии, религиозные убеждения, атеистические убеждения, светское государство, веротерпимость, религиозная толерантность, интолерантность, государственно-конфессиональная политика.

Введение

Особое место в спектре основополагающих достижений цивилизационного развития, характеристик духовности общества и его самосознания, культурной и правовой зрелости личности и социума занимает свобода совести. В существующих исследованиях подтверждается значение свободы религии и убеждений для стабильности и общественного благосостояния в целом, положительная корреляция данной свободы с защитой других гражданских прав, социальными и экономическими параметрами развития, уровнем плюрализма, мира и стабильности в обществе [1, с. 17].

Проблема свободы совести с середины XX в. находит отражение в важнейших документах международного права и европейских политических структур. Положение, что «каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии», было введено в международное гуманитарное

право Всеобщей декларацией прав человека (1948 г.). Свобода совести постулируется в Международном пакте о гражданских и политических правах (1966 г.), Конвенции о правах ребенка (1989 г.), Декларациях Генеральной Ассамблеи ООН и других документах; имеет специфику в актах региональных сообществ – в Американской Конвенции о Правах Человека (1969 г.), Африканской Хартии Прав Человека и Народов (1981 г.), Каирской декларации о правах человека в исламе (1990 г.), Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (1995 г.).

Свобода совести как религиозно-светское понятие служит для обозначения главным образом самостоятельности (и самоконтроля) личности в ситуации религиозно-мировоззренческого выбора, разрешения дилеммы религиозных или атеистических убеждений. Вместе с тем свобода совести является компонентом более сложных социальных отношений «человек – общество» и выступает маркером развитого государства, так как относится к категории естественных и неотчуждаемых прав человека, принадлежащих ему от рождения, обеспечение которых – одна из обязанностей властных институтов общества. Так, согласно Конституции Республики Беларусь, «обеспечение прав и свобод граждан <...> является высшей целью государства» (статья 21). Важно определить, в каких государственных политико-правовых условиях свобода совести может получить полноценную реализацию.

Основная часть

Свобода совести может быть охарактеризована как право человека самостоятельно определять свое отношение к религии, осуществлять выбор между мировоззренческими альтернативами – быть последователем какой-либо религии либо отвергать религиозную веру (исповедовать любую религию или не исповедовать никакой), вести религиозный либо безрелигиозный образ жизни, а также выражать и распространять соответствующие убеждения. При этом свобода совести выступает как симбиоз индивидуального и коллективного права. Индивидуальное право на свободу совести приобретает коллектив-

ный (общественный) характер, поскольку может осуществляться совместно с другими гражданами, объединенными в религиозные или атеистические организации.

Основополагающими компонентами свободы совести, своего рода минимумом ее структуры, являются свобода вероисповедания (свобода религии) и свобода атеизма, а также свобода индифферентного (равнодушного) отношения к религии. Данный подход отражен и в законодательстве Республики Беларусь: поясняя право на свободу совести, Закон “О свободе совести и религиозных организациях” в статье 4 трактует его как “право на свободу выбора атеистических или религиозных убеждений”. В международных документах о правах человека может использоваться интегрированное понятие “свобода мысли, совести и религии” (Всеобщая декларация прав человека), “свобода совести и религии” (Американская конвенция о правах человека), “свобода мысли, совести и вероисповедания” (Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека) и т. п.

Согласно Всеобщей декларации прав человека (статья 18) и “Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод” (статья 9) право на свободу мысли, совести и религии “включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения <...>”. Международный пакт о гражданских и политических правах в статье 18 определяет, что право на свободу мысли, совести и религии “включает свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения”. В Замечаниях общего порядка Комитета ООН по правам человека к статье 18 данного Пакта (1993 г.) отмечается, что “свобода мысли и свобода совести защищаются в такой же степени, как и свобода религии и убеждений”, что статья 18 “защищает теистические, нетеистические и атеистические убеждения, а также право не исповедовать никакой религии или убеждений”, и обращено внимание на то, что «свобода “иметь или принимать” религию или убеждения обязательно предполагает свободу выбирать религию или убеждения, включая право менять свою религию или убеж-

дения или придерживаться атеистических воззрений, а также право продолжать исповедовать свою религию или убеждения” [1, Приложения, с. 668–669].

Некоторые исследователи выделяют в качестве форм выражения свободы совести свободу вероисповедания и свободу убеждений, однако свобода убеждений в широком смысле включает право как на атеистические (и индифферентные к религии), так и на религиозные убеждения. Впрочем, все существующие терминологические изыскания в области формулирования содержания свободы совести имеют ту или иную степень дискуссионности [2, с. 353–354; 3, с. 5–6]. При большей детализации структуры данного понятия могут быть выделены следующие основные элементы свободы совести: 1) право исповедовать любую религию и вести религиозный образ жизни; 2) право беспрепятственно менять конфессиональную принадлежность; 3) право на объединение в религиозные организации и осуществление культовой (обрядовой) и внекультовой деятельности; 4) право на получение религиозного образования в конфессиональных учебных заведениях; 5) право на распространение религиозных убеждений (составляют существо содержания свободы вероисповедания); 6) право не исповедовать никакой религии и вести безрелигиозный образ жизни; 7) право на отказ от религиозных убеждений; 8) право на объединение в гуманистические, атеистические союзы и организации свободомыслящих; 9) право на получение светского образования в государственных учебных заведениях; 10) право на распространение атеистических и индифферентных к религии убеждений (составляют существо содержания свободы атеизма и индифферентного отношения к религии).

В современном мире, прежде всего в странах западной цивилизации, при признании общих норм о “свободе мысли, совести и религии” сложились различные подходы к реализации свободы совести и построению государственно-конфессиональных отношений. При всем их многообразии выделяются три основные модели: 1) идентификационная (модель государственной религии, церкви), 2) кооперационная (модель “сотрудничества”

государства с религиозными организациями) и 3) сепарационная (модель отделения религиозных организаций от государства). При последней модели государство отстраняется от собственно религиозной сферы, обеспечивая правовое регулирование свободы совести (вероисповедания) и деятельности религиозных организаций. Государство не финансирует церковь, не вмешивается во внутрицерковную деятельность, а церкви не выполняют функций государственных органов. Данная модель применяется главным образом во Франции, Венгрии, Ирландии, Нидерландах, Румынии, Чехии, Словакии, Болгарии, Турции, Эстонии, Японии, КНР, США и ряде других государств. Она провозглашена и в большинстве стран СНГ, но нередко имеет там противоречивую правоприменительную практику. Из названных моделей сепарационная в наибольшей мере гарантирует реализацию гражданами и общественными объединениями права на свободу самоопределения в отношении религии.

Наиболее последовательное осуществление свободы совести, в ее понятной полноте, возможно лишь в определенных политико-правовых условиях светского государства. [4] Развитое светское государство противостоит теократическому, клерикальному, атеистическому и т. п., его можно определить как «мировоззренчески нейтральное» [5, с. 10], основанное в своей деятельности на гражданском, а не на религиозном праве, и характеризовать такими важнейшими атрибутами практики функционирования, осуществления государственно-конфессиональной политики, как:

- равенство в гражданских правах и равенство граждан перед законом независимо от их отношения к религии;
- отношение к религии как частному (личному) делу граждан;
- отсутствие принуждения, преимуществ либо ограничений в связи с исповеданием или неисповеданием религии;
- отделение религиозных и атеистических организаций от государства;
- равенство религиозных и атеистических организаций перед законом;
- взаимное невмешательство религиозных организаций и государства в сферы

их суверенной компетенции: государство не вмешивается во внутренние дела религиозных организаций, не возлагает на них выполнения каких-либо государственных функций; религиозные организации не занимаются политической деятельностью, не вмешиваются в сферу государственной деятельности;

- запрет на установление какого-либо определенного мировоззрения, религиозной или атеистической идеологии в качестве обязательных для граждан;

- руководство системой моральных ценностей, которые являются общими для граждан, придерживающихся различных мировоззренческих убеждений;

- нейтральная религиозно-мировоззренческая позиция представителей государства при выполнении своих служебных обязанностей;

- государственная политика не определяется идеями и нормами религиозного или атеистического характера и является мировоззренчески нейтральной в отношении религиозного (индифферентного, атеистического) самоопределения граждан;

- признание права религиозных организаций создавать конфессиональные учебные заведения;

- установление светского характера государственной системы образования, подразумевающего отсутствие цели формирования у обучающихся того либо иного (собственно религиозного, атеистического, индифферентного) отношения к религии;

- мотивирование общественной практики толерантности в отношении религиозного и нерелигиозного мировоззрения.

Важно также заметить, что свобода совести, как и другие проявления свободы, имеет естественные границы, обусловленные общественной жизнедеятельностью человека. С одной стороны, это права других людей на собственную свободу личного самоопределения в отношении религии, с другой стороны – интересы общего блага, что находит отражение в основополагающих международных актах о правах человека.

Свобода совести конкретно исторична, имела особенные формы проявления на разных этапах исторической, социально-политической жизни общества. Развитие идеи свободы совести получило

отражение в многовековой истории как мировой, так и отечественной правовой и общественно-философской мысли, законодательной практике [6, с. 497–519; 7, с. 440–470; 8, с. 429–459; 9; 10]. До середины XX в. свобода совести постулируется главным образом в ограниченной форме свободы религии, важнейшим компонентом и условием которой выступала веротерпимость (религиозная толерантность).

В обществоведении понятие “толeрантность” в широком смысле обозначает терпимое отношение и уважение к “иному” – иным религиозным, политическим, идеологическим представлениям и убеждениям, иному образу жизни, иным обычаям, иному мышлению и мировосприятию, иной этнокультурной ориентации [11]. В философском понимании толерантность является духовной констатацией многоликости и многовекторности реального общественного (в т. ч. религиозного) бытия, его несводимости к неким одномерным стандартам социальной жизни. Толерантность предполагает готовность к сотрудничеству и диалогу на основе взаимного уважения и понимания того, что возможны и имеют естественное право на существование альтернативные воззрения. Следует отметить, что толерантность не тождественна непротривлению, неразрывно связана с чувством собственного достоинства, готовностью и умением отстаивать свои личные и национальные интересы.

В современном религиоведении термин “толeрантность” используется главным образом в узком смысле – как религиозная терпимость (веротерпимость), или терпимое отношение к любым формам самоопределения человека в отношении религии. В этом случае толерантность выступает предпосылкой отношения к каким-либо вариациям религиозной или безрелигиозной ориентации без дискриминации прав гражданина по конфессиональному или иному мировоззренческому признаку. Наибольшую актуальность толерантность имеет для мультикультурных и конфессионально многоплановых (поликонфессиональных) сообществ, среди которых и Беларусь. Выступая фактором становления свободы совести, условием как свободы вероисповедания (допуская разнорелигиозность), так и свободы атеизма (допуская

безрелигиозный образ жизни), развитая толерантность предполагает в качестве своего условия ситуацию свободомыслия.

Толерантность может иметь разные уровни: личный, общественный, государственный, межконфессиональный. Личная толерантность получает отражение в сознании и деятельности индивидов, общественная – в общественном сознании и морали, государственная – в праве и официальной политике, межконфессиональная – в практике взаимоотношений религиозных организаций. На данных уровнях может быть представлена и интолерантность. Обе альтернативы могут проявляться как в области собственно конфессиональной жизни (отрицание других форм религиозности, противодействие им), так и в отношении иного (религиозного или атеистического) мировоззренческого выбора.

Важно также учитывать, что существуют пределы толерантности и естественное пространство интолерантности. Толерантность практически не распространяется на сферу вероучений, и в этой области конфессии находятся в идеологическом поле неразрешимых, нередко антагонистических противоречий. Абсолютная межконфессиональная толерантность теоретически возможна только в условиях однородного вероисповедного пространства, что практически недостижимо. Тем самым поликонфессиональная реальность естественно продуцирует угрозу интолерантности. В этих условиях закономерно актуализируется роль государства в деле содействия достижению взаимного понимания, терпимости и уважения религиозных и атеистических чувств граждан. При необходимости допустимо принуждение религиозных организаций к соблюдению прав и свобод граждан в религиозной сфере. При этом и само государство должно строго руководствоваться принципом свободы совести, закрепляя его юридически и реализуя “де факто” при осуществлении государственной-конфессиональной политики.

Заключение

Выражая индивидуальное и коллективное право граждан на религиозные или безрелигиозные убеждения и соответствующий образ жизни, свобода совести в качестве основных компонентов включает в

себя свободу вероисповедания (религии), свободу атеизма и свободу индифферентного (равнодушного) отношения к религии, которые имеют соответствующее структурно-содержательное наполнение.

Степень реализации свободы совести как неотъемлемого компонента прав и свобод граждан в значительной степени детерминирована политико-правовыми условиями общественной жизни, характером государственно-конфессиональных отношений. Наиболее полное и последовательное осуществление данного права возможно лишь в рамках светского государства, характеризуемого, в частности, религиозно-мировоззренческим нейтралитетом в вопросах самоопределения граждан, разделением сфер деятельности с религиозными организациями, обеспечением прав граждан независимо от их отношения к религии.

Свобода совести обладает конкрет-но-историческим характером, ее неотъемлемым условием выступает религиозная толерантность. В условиях угрозы интолерантности в конфессионально неоднородном социуме актуализируется роль государства по обеспечению социальной практики терпимости к иному самоопределению в отношении религии, по противодействию идеологии религиозной исключительности, фанатизма и экстремизма, по совершенствованию правового регулирования религиозной сферы общественной жизни с целью развития и упрочения гражданской идентичности и солидарности социума.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Свобода религии и убеждений: основные принципы (философия, законодательство, защита свободы совести) / под ред. Т. Линдхольма, К. Дурэма и Б. Тахзиб-Ли. — Москва : Институт религии и права, 2010. — 744 с.
2. **Логинов, А. В.** Власть и вера: Государство и религиозные институты в истории и современности / А. В. Логинов. — Москва : Большая Российская энциклопедия, 2005. — 496 с.
3. **Стецкевич, М. С.** Свобода совести : учеб. пособие / М. С. Стецкевич. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. — 299 с.
4. **Старостенко, В. В.** Власть и религия: светское государство и обеспечение свободы совести в Республике Беларусь / В. В. Старостенко // Христианство в Беларуси: история и современность : сб. науч. ст. / редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. — Минск : Белорусская наука, 2014. — С. 11–17.
5. **Алейникова, С. М.** Светское государство в вопросах и ответах / С. М. Алейникова, С. А. Бурьянов. — Москва : Здравомыслие, 2015. — 62 с.
6. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі : у 6 т. Т. 2 : Пратарэнсанс і Адраджэнне / С. І. Санько [і інш.]. — Мінск : Беларус. навука, 2010. — 840 с.
7. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі : у 6 т. Т. 1 : Эпоха Сярэднявечча / В. Б. Евароўскі [і інш.]; рэдкал.: В. Б. Евароўскі [і інш.]. — Мінск : Беларус. навука, 2008. — 574 с.
8. 750 определений религии: история символизаций и интерпретаций : монография / под ред. Е. И. Аринина. — Владимир : Изд-во ВлГУ, 2014. — 460 с.
9. **Старостенко, В. В.** Истоки религиозной толерантности в Беларуси / В. В. Старостенко // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). — 2014. — № 2(44). — С. 52–58.
10. **Дьяченко, О. В.** Свобода совести и неокульты / О. В. Дьяченко // Неокульты: "новые религии" века? / Е. С. Прокошина [и др.]. — 3-е изд., доп. — Минск : Четыре четверти, 2000. — С. 135–147.
11. **Падокшын, С.** Мы церпім ад нястачы, а не ад празмернай талерантнасці / С. Падокшын // Літаратура і мастацтва. — 1994. — 22 красавіка. — С. 14.

Поступила в редакцию 08.11.2017 г.
Контакты: vstarostenko@mail.ru
(Старостенко Виктор Владимирович)

Starostenko V. V. FREEDOM OF CONSCIENCE AND SECULAR STATE.

The article is devoted to the study of freedom of conscience in terms of the structural and substantive foundations of this concept, and its implementation in public state practice. Particular attention is paid to the exercise of the right to freedom of conscience in the political and legal conditions of a secular state. The concrete historical character of freedom of conscience and its interrelation with religious tolerance are shown.

Keywords: freedom of conscience, religion, human rights, freedom of religion, freedom of atheism, freedom of indifferent attitude to religion, religious beliefs, atheistic beliefs, secular state, religious tolerance, intolerance, state confessional politics.

УДК 1+008

КАТЕГОРИЯ “СОБЫТИЯ” И ЕЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ СМЫСЛОЛИКИ В ЛЕКСИКЕ ФИЛОСОФСКИХ ПОВЕСТВОВАНИЙ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ БЫТИИ

В. А. Костенич

кандидат философских наук, доцент
Могилевского государственного
университета имени А. А. Кулешова

В статье обсуждается категориальный статус термина “событие” в структуре философских осмыслений человеческого существования. Предпринята попытка выявить его бытийные состояния и мировоззренческие фокусы с целью прояснения их экзистенциального масштаба и дидактических перспектив в процессе преподавания курса философии.

Ключевые слова: философия, удивление, катарсис, событие, граница, травма, рождение, случайность, смертность, Другой, свобода.

Введение

Возникнув как культурно-историческая потребность человеческого Разума в мировоззренческом обобщении различного рода “духовных практик” репрезентации бытия, философия предъявила человечеству принципиально новые горизонты “присутствия в Сущем”, оккупировала его пассионарной интенцией смещать любую смысловую данность к ее (возможным) Абсолютным изначальностям. Как отмечает А.В. Ахутин, именно “<...> обдумыванием и обоснованием (оначаливанием) начал, которые не могут быть ниоткуда получены, – и занимается философский ум” [1, с. 69].

Философствование – это своеобразная антроподицея человеческой сущности, свидетельствующей о своих бытийных масштабах и смысловых средоточиях. Сущности, отыскивающей себя в собственном “повседневном” существовании. Сущности, личностно ориентированной и противостоящей убаюкивающим симулякрам “неподлинного бытия”. Сущности, эсхатологичной по своему жизнен-

ному напряжению, живущей в ценностной топографии “одиссей Поступка” и ответственного обустройства в мире.

Мировоззренческое отслеживание человеком собственной “данности” в пределах и отношениях его опыта есть постоянная цель, задача и пафос философствования, а “метафизика присутствия” и есть собственно философский путь осмысления “человеческого удела”, вектор поиска возможностей понять свою жизнь и самоопределяться в ней и по отношению к ней [2, с. 132]. Философски ориентированная мысль перманентно натывается на необходимость интерпретации этого самобытного бытия в словаре “экзистенциальных забот” человеческой самости, ищущей смысловые территории для встречи с самой собой.

Основная часть

По мнению Хайдеггера, человеческое присутствие требует засвидетельствования той способности-быть-собой, какая она в *возможности* всегда уже *есть* [3, с. 304]. В сознании философствующего человека прозрения философских авторитетов должны быть распрямлены через эмпирическое погружение в их “земные”, и “не имманентные” философии смысловые контексты. Философствующему человеку неизбежно приходится обращать внимание на *смысловую диагностику тех исходных “бытийных зеркал”*, посредством пристального взглядывания в которые мировоззренчески настроенное сознание стремится обнаружить ариаднину нить в пространстве человеческой самости. Каковы же (наиболее продуктивные) *повествовательные матрицы философских диагнозов человеческого бытия*, где таится их возможная экзистенциальная онтология, и в лексике каких (аутентичных им) *категориальных инсталляций и словоформ* следовало бы пытаться говорить о драмах наших личностных откровений?

Со времен Аристотеля “прародиной” философских мыслей о бытии считается “*удивление*”. В своей экзальтированной версии оно трактуется как “смысловое цунами” таких содержаний Сущего, которые вводят человеческий разум в смятение мировоззренческого парадокса. Зримые “очевидности” повседневного бытия об-

наруживают свою “скрытую глубину”. Мир ценностно трансформируется в нечто “ино-странно проблемное”, в нем обнаруживаются уникальные сингулярности бытийных “первоедиств” и смыслоликов.

При этом “*философскому удивлению*” темпорально предшествует и топологически сопутствует (некое) не артикулируемое “*вдруг*”, о котором еще Платон говорил как о чем-то таком, начиная с чего происходит радикальное изменение в бытии и в наших “оптиках” его восприятия. “Вдруг” лежит между движением и покоем, находясь совершенно вне времени; но в направлении к нему и исходя от него изменяется движущееся, переходя к покою, и покоящееся, переходя к движению” [4, с. 303].

Зыбкость “становления” нового бытия и скрытого смысла обнаруживается “через вдруг” во всей своей обескураживающей остроте и тревожности. Человеческое существование ввергается в стихийные метания по поводу сложившихся конфигураций жизни и стереотипных трактовок ее сущностных атрибутов. Возникают гераклитовские “пожары сознания”, начинающего стенать пеленой “недо-ум(н)ений”. Человек оказывается задет и захвачен молниями интеллектуальных “разрывов”, ослепительных и ослепляющих одновременно. Литературно и предфилософски это выглядит примерно так: “Бывает, сидишь на балконе, пьешь чай, ведешь беседу с друзьями, спокойно, весело на душе, ничто не предвещает беды, как *вдруг* потемнеет в глазах, почернеет в природе, поднимутся враждебные вихри, послышится топот, и в секунду все сметено, все в миг окровавится. Нет больше тебе ни чая, ни грез, ни друзей <...>” (*Виктор Ерофеев*). Подлинным чемпионом “молниеподобных вдруг-смятений”, турбулентностей духовных испытаний и полилогов “разболтавшейся” совести в русской (и в мировой) литературе был Ф.М. Достоевский. Терминология “вдруг-сшибательства” в бытийных перипетиях его героев и персонажей встречается более 3600(!) раз, накаляя повествование философской экспрессией и мировоззренческой плот(ь)ностью [5, с. 642].

Таким образом, “*удивление-смятение-изумление-вдруг*” оказывается своеобразным спусковым крючком, или, в

более адекватной (“научной”) терминологии, *мировоззренческой флуктуацией*, хаотизирующей прежние режимы мышления и смещающей их в направлении хронотопов бифуркационных последствий. Смысл “трещит по швам” и взыскует своего переистолкования. *Сознание переживает травматический шок духовных преобразований*.

Кстати говоря, в современной социологической традиции значительную популярность обрело направление исследований “*культурной травмы*”, представители которого рассматривают “травматический опыт” социально-исторических и экзистенциальных переживаний в качестве ментального пространства для постижения важнейших смысложизненных голограмм. Авторы, работающие в этой системе герменевтических координат, полагают, что культурные травмы – это процессы создания смыслов и атрибуций, а термин “*травма*” понимается не как рана на теле, а в сознании. Бытийные шоки возбуждают эмоции, разрывают повседневную рутину (поведений и когнитивных рамок) и требуют истолкования в новом дискурсивном поле [6, с. 122, 125].

В этой зоне травматической смуты, “вдруг” настигающей человеческое существование и изумляющей его своими драматическими “сказами”, человек первично “теряет речь”, ресурсы его косноязычного словоблудия истончаются до “онемения”, он весь отныне – сплошная растерянность и взволнованная прострация. Ему брошен вызов на дуэль понимания. Дух обнажен до “зубной боли в сердце”. Слова теряют свою привычную внятность и “складную” респектабельность. “Эрозия языка – пробы, сбои, повторы и т. п. – воспроизводит эрозивный ландшафт субъективной памяти травмы: забвение, фиксации, невозможности высказать (пережитый. – В.К.) опыт” [7].

Исходя из фактуры “вдруг-удивлений” и сопровождающих их травматических корректив нашего “присутствия в Сущем”, а также с учетом (единовременного) слома привычных речевых практик обживания смысла возникает потребность в каком-то определении той “*базовой реакции*” на *синергетические зоны повседневности*, которая ориентирует человека в “философ-

ском направлении” его жизни. Она должна быть достаточно значимой и действительно драма(т)ургичной, т. е. быть экзистенциальной верификацией нашей потрясенности “самостными зовами бытия”.

На наш взгляд, в полной мере данным требованиям и ожиданиям соответствует “драматургия катарсиса”, свидетельствующая о личностных трансформациях человеческой личности перед лицом “сакральных” для ее душевной конституции “волн экзистенциального обновления”. Катарсис представляет собой “смятенное переживание смятенного переживания”, разворачивающего человека к латентным для него самого “ресурсам собственной человечности”. Жизнь в ауре катарсиса обнажает свою вечную ангажированность бытийными *Благосклонностями* Истины, Добра и Красоты и провоцирует стихийные поиски вертикальных горизонтов собственной бездны. Лучше поэта об этом пронзительном состоянии сказать, пожалуй, невозможно: “Я взглянул окрест и удивился – / Где в бесконечной глубине / Бесконечный взор мой преломился / И вернулся изнутри ко мне” (Константин Кедров).

Катарсису присуща текстура духовного озона и душевной гигиены от резонансного взаимодействия с шоками человеческого удела и пограничными ситуациями биографических траекторий. Катарсис оказывается “между” бытом и бытием, выступает симптомом встречи человека со своей, доселе отложенной на потом “всемирной отзывчивостью”. Бытие проступает из трясин повседневности, трансцендируя человека к вопрошаниям об Изначальном, проступившим в языке чуткости. Той чуткости, которой недовстало человеческому существу, заброшенному в пучины столпотворений суеты.

Зов бытия (в обликах *шоковой терапии травма(т)ургий катарсиса*) нуждается в своей философской транскрипции, в *обу-словливании* себя какой-то категориальной экспликацией, в термине, обобщающем экзистенциальность смятений вострепнувшегося духа. Этот кентавр “междумирья и междусловья” подобен постмодернистскому “шву-складке-створке-следу” бытия, ибо запараллеливает “внешние инъекции” бытовых

“вдруг-землетрясений” и (к)осмосно родственные им духовные реновации смысловой палитры человеческого “Я”.

Перебрасывая исторический мост между античностью и современностью, Хайдеггер полагает возможным утверждать, что “надо <...> обратиться к тому Собственному, <...> в котором человек и бытие друг к другу при-способлены, к тому, что мы называем *Событием* <...> Со-бытие есть внутренне мерцающая область, в которой соприкасаются человек и бытие в своей сущности и достигают своей сущностной природы <...>”. При этом “<...> бытие будет родом события, а не событие – родом бытия” [8, с. 76–77, 98]. Именно “событие” оказывается тем “домом бытия”, в ландшафтах которого меркантильные размерности человеческого существования предаются “забвению-забытью”, а человек открывает *голоса-логосы-смыслы*, которые он до этого “обывательски” игнорировал.

“Событие травматично не столько потому, что оно ужасно, сколько потому, <...> что оно бросает вызов пониманию, встряхивает и разрушает базисные допущения о мире, особенно самые хрупкие из них, согласно которым мир осмыслен <...>” [9, с. 906]. *Событие оказывается одновременно и “онтологическим” обстоятельством Сущего (“бытием-в-себе”), и антропологическим артефактом “напряжений” человеческого мировосприятия (“бытием-для-нас”).* Безличное и лично(стн)ое обнаруживают свою “единокровную укорененность” в феноменах осциллирующего бытия. *Событие “выказывается” в катарсисе, но не производно от него.* Мы в общем и целом солидарны с позицией Ж. Делеза, отмечавшего, что события (бытия и мышления о бытии) – это “поворотные пункты и точки сгибов; узкие места, узлы, очаги и центры; точки плавления, конденсации и кипения; точки слез и смеха, болезни и здоровья, надежды и уныния, точки чувствительности” [10, с. 75].

Таким образом, Мир явлен себе и нашему философствующему взору через призму “вскипаний событий”, чья плазма “заговоривших сущностей” находит себе благодарного соавтора в лице воскресшей человеческой само(сть)бытности. “Оклик-

нутый бытием” человек “удивленно” преобразуется в пилигрима по жизненным смыслам и смущенно-пронзительно соприкасается с “эйдосами” мировой софийности. Выясняется, что “<...> Человек присутствует, когда он находится в присутствии бытия, когда <...> само бытие (в целом) касается, затрагивает его, само некоторым образом присутствует в нем, есть его – человека – состояние, вернее сказать, событие с ним” [1, с. 597].

У события также особая темпоральность “сверхплотного мгновения”, в которой, по мнению Кьеркегора, *временное атакует Вечность*, а та, в свою очередь, непрерывно пронизывает время, стремясь “привести время в вертикальное состояние” [11, с. 147].

Объективируя мировоззренческую фокусировку на смысложизненных формациях повседневного существования, “выкликая” человека к диалогам с собственной сущностью, подкупая его катарсисами “восторженной растроганности” от встречи с овремененной Вечностью, события (бытия) приглашают нас на randevu с некими архетипическими (“смыслотворными”) для человеческого “присутствия” духовными испытаниями. И, прежде всего, это “*испытание тотальной пограничностью*” *любого события бытия*, свидетельствующее о необходимости постигать Сущее как такую “совокупность инаковостей”, каждая из которых выражает собою “зов Единого”, растиражированный в многоголосьи и бесконечности уникального.

Введенное в философский оборот экзистенциализмом понятие “*пограничной ситуации*” отражает всего лишь “часть” событий (человеческого) бытия, в то время как именно “событийность” Сущего в целом является подлинным “основанием” мировоззренческих смятений философствующего разума. *Сами события есть (вечные и повсеместные) пограничья бытия*, напрямую не привязанные (только и исключительно) к болезненным переживаниям человеческого существа, случающимися с ним “порой и однажды”. Следовательно, в процессе философских штудий бытия, опираясь на определенные фундаментальные “экзистенциалы” человеческого присутствия в Море, *необходи-*

мо воспринимать Бытие как “вселенную событий”, призывающих нас (не иногда, а всегда: “здесь-и-сейчас”) к встрече с самим собой “при-внутримировом-сущем”.

Прежде всего и изначально – это событие “границы”, которая отсылает (философствующего) человека к изумленному осознанию того, что все Сущее в Море (предметы, вещи, процессы, смыслы, ценности и значения) “погранично” друг другу и одновременно наделено бытийной суверенностью, качественной определенностью, имеет свою “территорию и удел”. Именно граница выступает символом “*онтологической дифференциации*” *Единого*, репликой его бытийного “размножения во Многом”, одаривает метафорой “потусторонности”, порождает ереси разномыслия. “Граница” – это нечто такое, что не только разъединяет все Сущее между собой, фиксируя его качественную определенность, но и приобщает к Вечному и не отменимому существованию “на (общих) границах с Иным”, в зоне бытийного и смыслового “соприсутствия”. Как обоснованно заявляет В.В. Библихин: “Граница, черта, запрет, безусловное “нельзя” придают человеческому миру то, без чего он стал бы пресным. Черта прочерчивает, многократно пересекая, все вокруг нас и нас самих <...> В облике границы *другое* двинулось в нашу повседневность и сложно перегородило ее <...> Опыт границы – это доступный нам в имманентной действительности опыт трансценденции <...> Все вокруг нас держится постольку, поскольку так или иначе прочерчено <...>” [12, с. 150].

Граница причудливо воплощает собой и некую “демаркационную линию” между различными бытийными образованиями, и в то же время “*событие их Встречи*”. Граница не есть нечто “третье”, существующее наряду с тем, что она же “совмещающе разводит”. Граница иносказательно свидетельствует своей бытийной (везде)сущностью, что все в бытии существует “на границах”, и потому так актуален “пограничный подход”, исповедуемый философским сознанием.

Объявляя неустранимой фундаментальную для всякого философского мышления “тему Иного”, феномен границы вызывает к критической демократии

инакомыслия, демонстрирует насущную потребность ценить “инаковость Иного” и стремиться к полноте “неограниченности”. Многоголосие философских ракурсов постижения бытия обусловлено тяготением к воссоединению всего того, что искусственно “отпало друг от друга”, что придало “естественной о(т)граниченности” видимость абсолютной раздельности. Следовательно, “*быть в модусе человека* – значит быть <...> не в границах своего бытия (не внутри своего мира), а на этих границах. Это *бытие на границах* и имеется в виду определением человеческого бытия как *экзистенции*” [1, с. 595].

Так как человек (рано или поздно) ощущает и испытывает свою ограниченность чем-то Иным, возникает (мировоззренческая) необходимость выяснять: наличествуют ли в человеческом существовании такие *фундаментальные границы*, перед лицом которых каждый человек обречен *не-отменимо и не-минуемо существовать всю свою жизнь*, вновь и заново осваивая их собственным разумом и существованием? Обозначим некоторые из них.

Событие рожденности и само(воз)рождения. В многотомном корпусе философских трудов хранится книга под названием “*Травма рождения*”. Написавший ее О. Ранк развивает гипотезу “первого крика новорожденного”, извещающего, по его мнению, об “ужасе изгнанности из рая материнского лона”. Вся последующая человеческая жизнь интерпретируется как “борьба за место под солнцем” и “поиски утраченного рая” [13]. Возможно, это и так. Но нас в этом философском сюжете “задевает” иная (не прописанная в книге) Мысль. Чтобы в этом разобраться, обратимся к феномену наших “автобиографий”, которые, как известно, начинаются с пресловутого зачина: “*Я, Ф.И.О, родился такого-то числа, такого-то месяца, в таком-то году, там-то и там-то...*”. В данном “само собой разумении” скрыты, однако, по меньшей мере две “неочевидности”.

Прежде всего *Никто из Нас не является “собственником” собственного рождения* в силу хотя бы того обстоятельства, что “порождающим началом” выступаем не мы сами, а наши благословенные

“родители” по воле и желанию которых мы “допускаемся к существованию”. Итак, *Первое событие нашей собственной жизни (лично) Нам “не принадлежит”*. Фактически уже в первом “(ф)акте” нашего бытия каждый из нас оказываемся “производным” от “Других” и “Другого” в лице установленных ими (до нас и для нас в том числе) “правил общежития”. Эта инерция “вторичности” способна поглотить человека и в последующем бытии, трансформируя его в существо “подотчетное” и несамодостаточное.

Вторая “неочевидность” нашей самобытности сокрыта в синтаксисе цитированной фразы, где знак препинания (то бишь “запятая”) между “Я” и “Ф.И.О.” порождает иллюзию сугубо “лингвистической границы” во взаимоотношениях двух обозначенных “персонажей”. Однако так ли все просто и однозначно в данном смысловом измерении? Так ли уж всегда то или иное человеческое “Ф.И.О.” имеет право автоматически именовать себя еще и в качестве “Я”? Вспомним, например, хотя бы “человека массы” или феноменологию “толпы”, растворяющей в своем воинствующем безличьи личностную ипостась человеческого “местоимения”.

Мы абсолютно согласны с Т.В. Щитцовой, настаивающей на том, что “пограничность человека” не может быть сведена лишь к одной границе – к смерти, но равноисходно должна включать и бытие к другой границе, к рождению, т. е. “*бытие к началу*”. В своем существовании человек бытийствует “между” двумя этими пределами: “не-заходимость” рождения и “не-опережаемость” смерти. Весьма симптоматично также и то, отмечает Т.В. Щитцова, что в майевтическом методе Сократа *суть философствования складывается из четырех моментов: философ рождает, рождается, помогает родить и родиться другому*. Философствующий человек мировоззренчески вынуждается к тому, чтобы одновременно “*от-работать*” свое рождение “*назад*” и “*проработать*” собственную рожденность “*вперед*”. Не в последнюю очередь человек экзистенцирует как актуализация рождения, что в “модусе подлинности” означает “способность-начинаться-заново”, или “возобновляющее повторение рождения” [14, с. 97, 115, 118, 137].

Итак, мы перед лицом непростых вопросов. Вопросы, ставящих “под вопрос” нас самих. *Как нам быть с дамокловым мечом “травмы рождения”, инкриминирующей нам подозрение в нашей бытийной (не)самостоятельности? Как преодолевать травмированную гордыню самодовольства относительно автобиографического “гимна” собственному приходу в Мир? Выход только один: надо (“порождающее”) самоопределяться и настойчиво ликвидировать заторы “бытийных запятых” собственных “паспортных двойников”. В горниле каждого (!) мгновения жить “от первого лица”! И в Бытии! И в Мысли!*

Событие случай(ност)ности (человеческого) бытия. Наши (возможно, самые искренние и философски фундированные) порывы “авторствовать” в своем повседневном существовании наталкиваются, между тем, на такие “силы бытия”, которые не поддаются рациональному прогнозу и которые столь же “пограничны”, как и наше рождение. Имя им – *Случайность!* По мнению Гегеля, “мы <...> рассматриваем случайное как нечто такое, что может быть и может также и не быть, может быть тем или иным, чье бытие или небытие, бытие того или иного рода имеет свое основание не в нем самом, а в другом” [15, с. 318].

Для того же, чтобы человек был способен противостоять травматологии случайности, ему следует жить в (катарсическом) предположении, что при всей кажущейся “нечаянности” собственного рождения и в перспективе предстоящего нам “казуса смерти” *мы в нашем бытии всегда наделены какой-то уникальной миссией и предназначением*, которые призваны осуществить и которые свидетельствуют о том, что “мир без нас не полон”.

Исходя из подобной мировоззренческой установки “человек постепенно превращает себя из случайного, каков он в акте своего рождения, через возможности, предоставленные ему жизнью, в необходимое существо, которое, даже переставая быть, уже не может не быть” [16, с. 316]. Случайности бытия не властны помешать человеку жить “с высоко поднятой головой” и с умноженной чуткостью “рождать шансы” новых смысложизненных горизонтов и креативных модальностей

своего “анонимного героизма”. Жить “не смотря на” и “вопреки” искушениям здравомыслия “плыть по течению”!

События временности, конечности и смертности человеческого бытия. Данные события эксплицируют осознание нашей темпоральной зыбкости и онтологической хрупкости. Они головокружительно свидетельствуют о том, что *смерть предстоит нам не “иногда”, а изначально и (на)всегда*, ибо мы неизбежно “смертны”, а вся наша жизнь – невольное “бытие-к-смерти”, песочные часы убывания. Экзистенциальная аналитика человеческого присутствия в бытии провозгласила нашу смерт(ь)ность “сторожем Истины” и “исповедью Абсолютным”, изъязв (тем самым) у человека-обывателя самомнение воинствующего временщика, ослепленного инфантильными упованиями длить свою празднующуюся безмятежность “до скончания веков”. “Со смертью, – пишет Хайдеггер, – (человеческое. – В.К.) присутствие стоит перед собой в его *самой своей* способности быть <...> Смерть есть *самая своя* возможность присутствия <...>. Смерть не нечто еще не наличное, <...> но скорее (пожизненное. – В.К.) *предстояние*... Говорят: смерть *наверное* придет, но пока еще нет <...>. Так люди прячут то своеобразное в достоверности смерти, что она возможна в каждое мгновение” [3, с. 284, 285, 293].

В таком случае для того, чтобы мы могли, живя “от первого лица”, пытаться исполнить свое “призвание в бытии”, нам необходимо запретить себе (перед лицом нашей “вездесущей” смертности) соблазн откладывать себя “на потом”, жить так гранично-интенсивно, *как если бы* каждое мгновение нашей жизни было потенциально последним, предсмертным мгновением, в преддверии которого мы и должны были бы *успеть исполнить себя* в собственном бытии. Конкретизируя различные хроно(с)-топы нашей смертной временности, Янкелевич черпает их образы в лапидарных формулах: “Если “Смерть точная, час точный” является формулой отчаяния, а “Смерть точная, час точный, но неизвестный” вызывает тоску; если “Смерть неточная, час неточный”, напротив, выражает безумную химерическую надежду, то асимметричную формулу “Смерть точная, час

неточный” следует признать девизом серьезной и активной воли, в равной степени далекой и от отчаяния, и от призрачной надежды” [17, с. 150].

И все же, акцентировав смертность как “бытийную” антитезу отодвигаемому “бытовому финалу смерти”, философское сознание тем не менее “слегка не договорило” этот “потрясающий смысл”, не довело его до “духовного очищения” экзистенциального катарсиса. Смертность была “выведена из тени”, но не инкорпорирована во все иные “жизненности” бытия, не стала их светотенью и алмазной огранкой, застыла в статусе “одного из” пограничных сюжетов сущего. Между тем именно символическая и семантическая универсализация смертности как пограничья всех остальных “временностей бытия” позволяет осознать тот факт, что “абсолютно все” в налично Сущем “смертельно философично”, ибо обременено и беременно своей “конечностью”, вызывает к актуализации своего предназначения и “права на” бытие.

События со-бытия Другого (человека) как суверенной территории не оккупируемой Свободы.

Особого внимания заслуживает, наконец, событие наших бытийных коммуникаций с “Иными” людьми, экосистемами и трансцендентными сущностями, или, как принято говорить, культурно-исторический диалог между “Я” и “Другим(и)”. В этом мировоззренческом контексте рождаются и продуцируются бинарные оппозиции “Я – Ты” (Л. Фейербах, М. Бубер), “Я – Мы” (С.Л. Франк, М. Бахтин), “Я – Оно” и “Я – Сверх-Я” (психоанализ), “Я – Бог, я – червь, Я – царь, я – раб (Державин)”, “Я – есть жизнь, которая хочет жить среди жизни, которая тоже хочет жить” (А. Швейцера) и т. п. Все они призваны вовлечь человеческое существо в пространства ответственного со-бытия с окружающим миром, в его проекциях многоликой самобытности.

Ответственность за Другого является неотчуждаемой, ее невозможно передать или делегировать. Она вторгается в жизнь человека как травма и поражает его душевную сердцевину. Ответствовать со своего единственного и незаместимого места в бытии – такова по Бахтину, “онтологически-событийная” и одновременно

“этическая” задача человеческого бытия. Безусловный приоритет Другого, фиксируемый им в понятии “не-алиби в бытии”, состоит в том, что Другой – это То(т), в отношении с кем (или чем) наша самость “всегда уже” априорно ответственна [15, с. 207].

Размышляя над факторами коммуникативных замыканий между людьми, Ж.П. Сартр в “Бытии и Ничто” задается вопросом о том, что составляет их “пограничное основание” и через призму каких смыслополаганий мы можем резонировать с “сущностью” Другого человека. Он пытается развенчать редукцию человеческих отношений к самообманам бытовых симпатий, плебейским склокам, флирту, неврастениям садо-мазохизма, теннису словесных игривостей, показному сочувствию и т. д. Здесь отсутствует подлинность “благорасположения”, маски лицемерия творят свой повседневный карнавал, отзывчивость не дорастает до катарсиса искренности. В качестве индикатора искомой подлинности Ж.П. Сартр избирает самое “сильное” человеческое “соитие” (оно же – событие) – литургию Любви. В его представлении, “Любовь – есть соблазн соблазнить чужую Свободу”. Не более и не менее! Речь при этом не идет о Другом человеке как существе (временно или по паспорту) “свободном” от обязательств личностного и социального плана. Нет! Другой человек, в качестве “события (нашего) со-бытия”, исходно должен быть постулирован в статусе “онтологической Свободы”, чья абсолютная суверенность не о(б)суждаема. Свободу нельзя и преступно “соблазнять”! Ее следует лишь трепетно (вос)принимать и пестовать как сакральную манифестацию уникальности иной человеческой Личности [18, с. 377–442].

Таким образом, для того, чтобы Свобода как Сущность всякого человека выступала для Нас творческим ограничением эгоистических своеволий, необходимо помнить о том, что Свобода как “событие со-бытия” начинается и заканчивается там, где мы отменяем бытовые забавы “самодовлеющей близости” и трансформируем себя в людей, восхищенных непрерывным “сближением” с откровениями космической полноты Другого.

Заключение

Размышляя над природой и спецификой философского взгляда на Мир (бытие, Сущее, Универсум), возникает естественная потребность придать этой ценностной перспективе некие *герменевтические артикуляции, создающие повествовательный словарь философского дискурса*. Под этим углом зрения на авансцену философских концептуализаций Сущего может и должно быть выведено *категориальное сказуемое “события бытия”*, свидетельствующее о том, что философские начинания Разума зарождаются там и тогда, где и когда тот или иной человек открывает для себя “вечную пограничную уникальность (всякого) Сущего” и, не отворачивая от нее своего пристального взора, обретает мужество и потребность быть “пограничником” собственной Судьбы и ее смысло-жизненных откровений.

Событие не является при этом “<...> некоторой сверх-категорией, отличной от бытия. Скорее, оно является <...> необходимым условием для категоризации бытия: чтобы говорить его, видеть, обращаться к нему с высоты неожиданности его неожиданного наступления” [19, с. 250]. Для того чтобы (философствующий) человек мог осуществить вертикально-духовное продвижение к сущности собственного бытия, он должен научиться смотреть на мир через особую “оптику”, которая включает в себя понимание всего Сущего как *одного сплошного и большого “События”*. Под событием же следует понимать все то, сталкиваясь с чем человек испытывает душевное и духовное потрясения, открывающие ему глаза на скрытые от его повседневного бытового взора смыслы и содержания мира.

Согласно Хайдеггеру, “событие” не есть одно из обозначений Бытия, иерархически подчиненных основному понятию. Событие не ограничено в пространстве и времени, это не происшествие, не случай, т. е., не “житейское” событие. Его не следует отождествлять и с “происшествием”. Событие — граница, с точки зрения которой “внутреннее” и “внешнее” имеют место [20, с. 432].

События (Иного, границы, рождения, случайности, смертности, Свобо-

ды) есть одновременно и “выход в бытие”, и “выход за быт”. Всякое событие, задевающее человека, неизбежно оказывается *Событием Встречи с (сущностно) Иным*, как с особым состоянием мира. Таким образом, *жизненный Путь человека (в его философской интерпретации) можно толковать как мировоззренческое странствие человеческого духа через События Встреч с Инаковостью Иного в поисках смысло-жизненных оснований для нашего собственного “Я”*.

Возможно, “<...> самое человеческое в человеке — это мучительное обдумывание и неодолимое обговаривание вопроса вопросов: как свою конечную, ограниченную датой рождения и датой смерти жизнь приобщить к вечности, представить миг продленным навсегда и навезде — без до и после... Навечно — в свершении времен и пространств” [21, с. 246].

В этой связи искомым адресатом курса философии должен выступать “философствующий человек” (а не “философы” и “преподающие философию”). Человек, предрасположенный (или, если угодно, инициированный нашим преподаванием) к тому, чтобы быть в состоянии МЫСЛИ(ть) об “изначальностях” бытия, одним из “событий” которого является сама его мысль как “событие бытия”.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Ахутин, А. В.** Поворотные времена / А. В. Ахутин — СПб. : Наука, 2005. — 743 с. — (серия “Слово о сущем”).
2. **Тузова, Т. М.** Специфика философской рефлексии / Т. М. Тузова. — Минск : Право и экономика, 2001. — 262 с.
3. **Хайдеггер, М.** Бытие и время / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. В. Библина. — Харьков : Фолио, 2003. — 593 с. — (Philosophy).
4. **Платон.** Полное собрание сочинений в одном томе / Платон. — Москва : АЛЬФА-КНИГА, 2015. — 1311 с.
5. **Карякин, Ю. Ф.** Достоевский и канун XXI века / Ю. Ф. Карякин. — Москва : Советский писатель, 1989. — 656 с.
6. **Айерман, Р.** Социальная теория и травма / Р. Айерман // Социологическое обозрение. — 2013. — Т. 12, № 1. — С. 121–138.
7. **Вайзер, Т.** Травмотография логоса: язык травмы и деформации языка в постсоветской поэзии / Т. Вайзер // Но-

- вое литературное обозрение. – 2014. – № 1(125). – Режим доступа: <http://www.plobooks.ru/node/4593> – Дата доступа: 17.09.2017.
8. **Хайдеггер, М.** Разговор на проселочной дороге : сборник ; пер. с нем. / под ред. А. Л. Доброхотова / М. Хайдеггер. – Москва : Высш. шк., 1991. – 192 с. (Б-ка философа).
 9. **Трубина, Е.** Множественная травма (послесловие) / Т. Трубина // Травма: пункты : сборник статей / сост.: С. Ушакин и Е. Трубина. – Москва : Новое литературное обозрение, 2009. – С. 901–911.
 10. **Делез, Ж.** Логика смысла / пер. с фр. Я. И. Свирского / Ж. Делез. – Москва : Академический Проект, 2011. – 472 с. – (Философские технологии).
 11. **Больнов, О. Ф.** Философия экзистенциализма / О. Ф. Больнов. – СПб. : Лань, 1999. – 224 с.
 12. **Бибихин, В. В.** Язык философии. – 2-е изд., испр. и доп. / В. В. Бибихин. – Москва : Языки славянской культуры, 2002. – 416 с.
 13. **Ранк, Отто.** Травма рождения и ее значение для психоанализа / О. Ранк. – Москва : Когито-Центр, 2009. – 239 с.
 14. **Щитцова, Т. В.** Memento Nasci: сообщество и генеративный опыт (Штудии по экзистенциальной антропологии) / Т. В. Щитцова – Вильнюс : ЕГУ – Москва : Вариант, 2006. – 384 с.
 15. **Гегель, Г. В. Ф.** Энциклопедия философских наук. – Т. 1 : Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. – Москва : Мысль, 1975. – 452 с.
 16. **Эпштейн, М. Н.** Философия возможного / М. Н. Эпштейн. – СПб. : Алетейя, 2001. – 334 с. – (Тела мысли).
 17. **Янкелевич, В.** Смерть (перевод с французского) / В. Янкелевич – Москва : Издательство Литературного института, 1999. – 448 с.
 18. **Сартр, Ж. П.** Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии ; пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко / Ж. П. Сартр. – Москва : ТЕРРА-Книжный клуб ; Республика, 2002. – 640 с. – (Библиотека философской мысли).
 19. **Нанси, Ж.-Л.** Бытие единичное множественное / пер. с фр. В. В. Фурс ; под ред. Т. В. Щитцовой / Ж.-Л. Нанси. – Минск : Логвинов, 2004. – 272 с.
 20. Современная западная философия : учебное пособие / Т. Г. Румянцев [и др.] ; под общ. ред. Т. Г. Румянцева. – Минск : Высш. шк., 2000. – 493 с.
 21. **Рабинович, Вадим.** Метафора смерти – дизайнер культуры / В. Рабинович // Memento vivere, или Помни о смерти : сб. статей ; под общ. ред. В. Л. Рабиновича и М. С. Уварова / РАН. Ин-т философии ; Мин-во культуры и массов. коммуникаций. Рос. ин-т культурологии. – Москва : Academia, 2006. – С. 242–269.

Поступила в редакцию 10.01.2018 г.
 Контакты: kosvadan@mail.ru
 (Костенич Владимир Анатольевич)

Kostenich V. THE CATEGORY OF “EVENT” AND ITS EXISTENTIAL MEANINGS IN THE PHILOSOPHICAL NARRATION ABOUT HUMAN LIFE.

The article reports the discussion of the categorial status of the term “event” in the structure of philosophical judgments of human existence. The author makes an attempt to find out all life aspects of the term and its worldview focuses in order to clarify their existential scale and didactic prospects in the course of teaching Philosophy.

Keywords: philosophy, astonishment, catharsis, Event, border, birth trauma, randomness, mortality, Another, freedom.

УДК 008+316.7

НОМО INFANTILIS В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Ю. В. Аленькова

кандидат культурологии,
доцент кафедры философии
Могилевского государственного
университета имени А. А. Кулешова

Статья посвящена проблеме инфантилизма как социокультурного феномена современности. Выявляются причины превращения инфантильного человека (homo infantilis) в доминирующий социально-антропологический тип современной культуры. Предлагаются пути минимализации негативных последствий инфантилизации культуры.

Ключевые слова: антропологическая модель культуры, модерн, постмодерн, инфантилизм, детство, зрелость, кидалт.

Введение

В основе того или иного типа культуры лежит определенная антропологическая модель – представления о человеке, воплощенные в знаково-символической системе культуры, в повседневных культурных практиках, запечатленные в культурных текстах (литературе, искусстве, рекламе и пр.). Эти представления органически вписываются в культурную парадигму эпохи, будучи связаны с особенностями мировоззрения, ценностной иерархией культуры и, в свою очередь, моделируют мотивы деятельности человека, его смысложизненные ориентиры.

Антропологическая модель современной культуры формируется под воздействием противоречивых факторов социокультурной динамики, на которую оказывают влияние процессы глобализации, информатизации, виртуализации общества. Ускорение темпов социального развития радикально меняет образ жизни человека. Отвечая быстро меняющимся запросам времени, культура ориентируется на архетип молодости, наблюдается омоложение поведенческих стратегий человека (ювенилизация культуры), появляется новый тип дискриминации – эйджизм

(дискриминация по возрастному признаку в профессиональной и иных сферах). Социально опасным следствием ювенилизации культуры является процесс ее инфантилизации и превращения “человека инфантильного” (homo infantilis) в доминирующий социально-антропологический тип современности [1; 2].

Цель данной статьи – анализ инфантилизма как социокультурного феномена, что может содействовать поиску путей преодоления негативных последствий инфантилизации культуры.

Основная часть

Термин “инфантилизм” впервые стал употребляться в невропатологии и трактовался как “особый вид остановки развития личности на ювенильной ступени” [3, с. 3]. Однако сегодня под ним понимаются не только психические и физические процессы в развитии человека, но и социокультурные реалии: “социальное иждивенчество”, “социальная пассивность”, “синдром пролонгированного детства” и др. [3].

Инфантилизм представляет собой парадигмальный сдвиг в культуре. Черты незрелости в поведении, в принятии решений, в способах самореализации в приватной и публичной сферах стали присущи людям разных возрастов. Это, в свою очередь, приводит к деформации некоторых социальных институтов, а также к таким опасным социальным явлениям, как преступность, наркомания, самоубийство.

Проблема инфантилизма во многом обусловлена изменением статусов детства и взрослости в современной культуре. Детство и взрослость – не просто биологические периоды жизни человека, а социокультурные феномены, которые исторически изменчивы и вписаны в определенную парадигму культуры: “<...> культура, социальные реалии задают, “полагают” образ детства – через самые различные каналы и средства. Государство, например, документально закрепляет возраст совершеннолетия, т. е. возраст, с которого наступает полная ответственность взрослого человека. В культуре, в быту создаются “места”, где ребенок “уместен” (буквально: где его место), определяются границы

допустимого в отношении детей и для детей. Этот образ закрепляется в культурных продуктах – книгах, фильмах, СМИ” [4, с. 6].

Подобно “полаганию” образа детства, конструируется и образ взрослости, критерии которого также исторически изменчивы. Если в традиционном обществе взрослость связывалась с моментом полового созревания, со способностью приступить к труду, то в индустриальном обществе ее символами стали образование, профессия, дающая экономическую самостоятельность, собственная семья. В постиндустриальном мире эти критерии расшатываются, обозначается кризис традиционных институтов, конституирующих взрослость, и, прежде всего, образования и нуклеарной семьи.

Превращение “человека инфантильного” в доминирующий антропологический тип современности связано с отказом от взрослоцентризма как принципа построения антропологической модели культуры, сложившейся в эпоху Просвещения. В статье “Ответ на вопрос: что такое Просвещение?” И. Кант писал: *“Просвещение – это выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие – это неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине имеет причиной не недостаток рассудка, а недостаток решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Имей мужество пользоваться собственным умом! – таков, следовательно, девиз Просвещения”* [5, с. 29]. Это высказывание Канта характеризует антропологическую модель просвещенческой культуры, нормой для которой является взрослость (совершеннолетие), а ее критерием выступает способность самостоятельно поступать и рационалистически мыслить.

Важным фактором, формирующим антропологическую модель новоевропейской культуры, стало развитие книгопечатания и массовое распространение книг, что, по версии Нейла Постмана, явилось причиной появления социальной демаркации между детством и взрослостью:

“До печатного пресса дети становились взрослыми, учась *говорить*, на что все люди запрограммированы биологически. После печатного пресса детям пришлось *зарабатывать* взрослость, изучая грамотность, на что люди не запрограммированы биологически” [6, с. 3]. Детство стало ассоциироваться со школой, а слова “ученик” и “ребенок” рассматривались как синонимы. Как показал М. Фуко, новоевропейская школа превратилась в дисциплинарное пространство культуры, став одним из институтов “общества надзора” [7, с. 230–232]. Именно в новоевропейской школе возникла система экзаменов на соответствие стандартам взрослости (аттестат зрелости).

Классическая новоевропейская модель демаркации детства и взрослости, несмотря на исследования психоаналитиков, изменивших научную парадигму детства, сохранилась в своих основах до второй половины XX в. Социокультурная парадигма стала радикально меняться с 60-х гг. XX в., что явилось следствием научно-технической революции, привело к расшатыванию социальных институтов и культурных основ, конституирующих общество модерна. Критика институционального контроля над индивидом, развернутая философами эпохи постмодерна, привела к отрицанию ценности рационального порядка Просвещения. Границы между детскостью и взрослостью, установленные новоевропейской культурой, фактически исчезли, результатом чего являются возникший феномен кидалтизма (кидалт – сокращение от англ. *kid* – ребенок и *adult* – взрослый) [8] и кидалт-культура как культура кроссовера (англ. *crossover* – “пересекающий границу”). Продукты кидалт-культуры: гаджеты, комиксы и пр. пригодны для всех возрастов (чем и пользуются маркетологи: продукция, ориентированная на кидалтов, составляет значительный сегмент рынка) [9].

Подобное смещение и смешение границ взрослости и детства – следствие социокультурной ситуации, названной З. Бауманом “текучей современностью”: жизнь стала непредсказуемой, условия жизни – “расплавленными” [10, с. 57]. Долгосрочную перспективу мира модерна сменила “мгновенность” постмодерна. Если моделью

жизни новоевропейского человека было рациональное поведение, то в условиях “текущей современности” такое поведение лишено смысла. Жизнь, представляющая человеку как “расширяющийся диапазон возможностей”, требует от него быть активным, динамичным, здоровым юношей, балансирующем в рамках этого расширения, но не предоставляет ему конечной цели. Новая эпоха востребует новый тип человека и создает новые культурные символы: *“Худощавое тело и готовность к движению, легкая одежда и теннисные туфли, сотовые телефоны (изобретенные для использования кочевником, который должен быть “постоянно в контакте”), портативные или одноразовые вещи – все это основные культурные символы эры мгновенности”* [10, с. 140].

Если новоевропейская модель ранжировала и оценивала детей по шкале их успехов в усвоении опыта взрослых, воплощенном в книгах, в научных истинах, в правилах социального поведения, то постмодерн отверг ценность самого этого опыта. *“Люди больше не взрослеют”*, – констатирует немецкий философ Одо Марквард. Люди живут в условиях “тахогенной чуждости миру” (*тахогенная – от греческого tachos (“скорость”) – это скорость изменений, претерпеваемых современной действительностью*) [11, с. 36]. В современной действительности человек все чаще оказывается в ситуации ребенка: опыт быстро устаревает, жизнь превращается в “жизнь понаслышке” (когда информация черпается из СМИ), происходит редукция сложности, упрощение мира.

Особенностью современной социокультурной ситуации стало изменение типа коммуникации: на смену текстоцентричному типу пришел аудиовизуальный тип коммуникации (доминирование аудиовизуальных способов получения информации характерно для восприятия реальности детьми). Если чтение книг, начиная с эпохи Нового времени, делало человека взрослым, то сегодня телевидение и интернет формируют кидалта. Если Кант призывал людей иметь мужество пользоваться своим умом, то массовая культура призывает к жизни не “по уму”, а по прихоти: “Делай, что хочется, живи, как нравится”, фактически навязывая человеку

модель поведения капризного ребенка.

Упрощение мира до бинарных оппозиций “или-или”, свойственное продуктам массовой культуры, – феномен детского сознания. Инфантилизм не терпит сложности. Отсюда – разнообразные формы эскапизма, внутри которого инфантильному человеку комфортно: бегство в реальность виртуальную, клиповую, в тусовку, шоу, гламур. Неофилия – неутолимая жажда новых впечатлений – активно поддерживается средствами массовой культуры. Главное – избегание Поступка и ответственности за него.

Инфантилизм, таким образом, – показатель внутреннего экзистенциального вакуума, порожденного условиями жизни человека в современной цивилизации, не формирующей ответственности за собственную жизнь, и страхом перед необходимостью “быть”.

Заключение

Инфантилизация культуры выступает существенным фактором социокультурной динамики. Обществу важно отыскать стратегии минимализации ее негативных последствий. Эти стратегии должны лежать, прежде всего, в выстраивании культурной политики, в сфере образования и воспитания. Важно выработать действенные механизмы культурной трансмиссии, отыскать баланс между инновациями и традицией. Согласимся с О. Марквардом, что “это возможно благодаря чувству истории, которое возникло только в современном мире как род альтернативной взрослости для тахогенных невзрослых” [4, с. 39].

Несмотря на доминирование аудиовизуальных способов постижения действительности, необходимо сохранить ценность рационального мышления. Преобладание тестовой системы проверки знаний должно быть разрушено. Найти баланс между тестом, текстом и устным высказыванием – задача педагогов, работников управления образования и пр.

Необходимо развивать социальные проекты, репрезентирующие опыт зрелости в пространстве культуры (например, опыт родительства, супружества, профессиональной ответственности и др.). Важно создать условия для символических инвестиций в зрелость молодыми людьми.

Сделать образ социально зрелого человека более привлекательным, чем образ беззаботного не стареющего тинейджера, кидалта, акцентировать внимание на ценности всех этапов жизненного пути человека и той ответственности, которую несет человек на каждом этапе жизни.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Аленькова, Ю. В.** Инфантилизация культуры и образования как тенденция современной социокультурной динамики / Ю. В. Аленькова // Романовские чтения – 12 : сборник статей международной научной конференции, Могилев, 23–24 ноября 2016 года. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2017. – С. 146–147.
2. **Аленькова, Ю. В.** Инфантилизм в парадигме советской и постсоветской культуры / Ю. В. Аленькова // Куляшоўскія чытанні : матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Могілёў, 20–21 красавіка 2017 г. ; пад рэд. В. М. Шаршнёвай. – Могілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2017. – С. 21–27.
3. **Ефимова, Г. З.** Социальный инфантилизм студенческой молодежи как фактор противодействия модернизации современного российского общества [Электронный ресурс] / Г.З. Ефимова // Интернет-журнал "Науковедение". – 2014. – № 6. – Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/09PVN614.pdf>. – Дата доступа: 10.10.2017.
4. **Поливанова, К. Н.** Детство в меняющемся мире [Электронный ресурс] / К. Н. Поливанова // Современная зарубежная психология. – 2016. – Т. 5. – № 2. – С. 5–10. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.17759/jmfp.2016050201>. – Дата доступа: 10.10.2017.
5. **Кант, И.** Ответ на вопрос: что такое Просвещение? / Иммануил Кант // Собр. соч. в 8 т. – Москва : Чоро, 1994. – Т. 8. – С. 29–37.
6. **Постман, Н.** Исчезновение детства [Электронный ресурс] / Н. Постман. – Режим доступа: https://interesi.files.wordpress.com/2011/09/postman-neil_deti.pdf. – Дата доступа: 10.10.2017.
7. **Фуко, Мишель.** Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы : пер. с франц. / Мишель Фуко ; пер. Владимир Наумов ; ред. Ирина Борисова. – Москва : Ad Marginem, 1999. – 480 с.
8. **Аленькова, Ю. В.** Кидалт как социально-антропологический тип современной культуры / Ю. В. Аленькова // Итоги научных исследований ученых МГУ имени А. А. Кулешова 2016 г. : материалы научно-методической конференции, Могилев, 25 января – 1 февраля 2017 г. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2017. – С. 7–9.
9. **Горалик, Л.** Маленький Принц и большие ожидания [Электронный ресурс] / Линор Горалик, 2012. – Режим доступа: http://linorg.ru/little_prince.htm. – Дата доступа: 19.10.2017.
10. **Бауман, Зигмунт.** Текучая современность : [пер. с англ.] / Зигмунт Бауман. – Санкт-Петербург [и др.] : Питер, 2008. – 238 с.
11. **Марквард, Одо.** Эпоха чуждости миру? / Одо Марквард // Отечественные записки. – 2003. – № 6(15). – С. 36–39.

Поступила в редакцию 08.01.2018 г.
Контакты: philos-mogilev-msu@mail.ru
(Аленькова Юлия Васильевна)

Alenkova Y. V. HOMO INFANTILIS IN THE ANTHROPOLOGIC MODEL OF MODERN CULTURE.

The article is devoted to the problem of infantilism as a socio-cultural phenomenon of the modern life. The reasons for the transformation of the infantile person (Homo Infantis) into the dominant socio-anthropological type of modern culture are revealed. The ways of minimizing negative consequences of culture infantilization are suggested.

Keywords: anthropological model of culture, modernity, postmodernism, infantilism, childhood, maturity, adulthood, kidult.

УДК 94(47+57:438):321.011

**ПРАБЛЕМА СУВЕРЭНІТЭТУ
БЕЛАРУСІ Ў КАНТЭКСЦЕ
ПОЛЬСКА-САВЕЦКІХ ПЕРАМОЎ
(жнівень 1920 – сакавік 1921 гг.)**

М. М. Мязга

доктар гістарычных навук, дацэнт
Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта
імя Ф. Скарыны

У артыкуле ўстаноўлена, што ў час польска-савецкіх мірных перамоў у Мінску і Рызе Беларусь не змагла выступіць у якасці суб'екта міжнародных адносін. Фактычна, а ў многім і фармальна-юрыдычна савецкі і польскі бакі не разглядалі ні БНР, ні БССР як суверэнную дзяржаву і не лічылі мэтазгодным удзел беларускіх прадстаўнікоў у перамовах. Палажэнні Рыжскага дагавора аб незалежнасці Беларусі мелі чыста дэкларатыўны характар.

Ключавыя словы: БССР, БНР, суверэннітэт, польска-савецкая вайна, мірныя перамовы, Польшча, РСФСР, Рыжскі дагавор, тэрытарыяльнае пытанне, падзел Беларусі.

Уводзіны

Рыжскі дагавор стаў адной з найбольш драматычных падзей у беларускай гісторыі XX ст. У выніку яго тэрыторыя Беларусі аказалася падзеленай паміж Савецкай Расіяй і Польшчай. Пры гэтым Беларуская дзяржава не была ў ліку ініцыятараў падпісання названага дагавора. Пытанні, звязаныя з уплывам Рыжскага міру на лёс Беларусі, дастаткова актыўна вывучаюцца ў беларускай гістарыяграфіі. Напрыклад, зусім нядаўна ўбачыла свет манаграфія В.М. Бароўскай, у якой разглядаецца шэраг аспектаў беларускай праблемы ў час савецка-польскіх перамоў [1, с. 155].

У дадзеным артыкуле зроблена спроба высветліць, як вырашалася і як уплывала на палітычныя крокі Савецкай Расіі і Польшчы ў час мірных перамоў праблема прызнання за Беларускай дзяржавай (у форме БССР ці БНР) суверэннітэту. Разглядаемая праблема распадаецца на некалькі аспектаў, якія патрабуюць комплекснага вывучэння. Неабходна ўстанавіць, ці выступала Беларусь у ролі суб'екта (аб'екта) перагаворнага працэсу, як вырашаліся пытанні аб прызнанні фар-

мальнай незалежнасці Беларусі, удзеле ў перамовах прадстаўнікоў БССР ці БНР; разгледзець, у якой ступені ўдзельнікі перамоў лічыліся з суверэннітэтам Беларусі пры вырашэнні тэрытарыяльных пытанняў. На сённяшні дзень у гістарыяграфіі не сфармуляваны палажэнні, якія ў поўнай меры раскрывалі б названыя праблемы.

Асноўная частка

Ужо на пачатковым этапе польска-савецкіх перамоў у Мінску Беларусь не фігуравала ў якасці суб'екта міжнародных адносін. На першым пасяджэнні канферэнцыі кіраўнік савецкай дэлегацыі гаварыў аб паўнамоцным прадстаўніцтве РСФСР і УССР і нічога не сказаў пра БССР [2, с. 302]. У савецкіх мірных прапановах, апублікаваных 19 жніўня 1920 г., прыгадваюцца ў якасці ўдзельнікаў перамоў толькі Расійская і Украінская савецкія рэспублікі, але не называецца БССР. Вайна 1919–1920 гг. характарызавалася як вайна паміж Польшчай, з аднаго боку, і Расійскай і Украінскай савецкімі рэспублікамі – з другога. Нават у тых палажэннях савецкага праекта дагавора, дзе размова ішла пра транзіт па чыгунцы Ваўкавыск – Беласток – Граева, г. з. праз беларускія тэрыторыі, Беларусь не прыгадвалася [3, с. 106–107]. Такім чынам, з першых пасяджэнняў мірнай канферэнцыі абазначылася лінія савецкай дэлегацыі, у адпаведнасці з якой Беларусь нават у асобе БССР не павінна была выступаць у якасці суб'екта пачаўшыхся перамоў. Гэта пры тым, што з моманту пачатку перамоў адным з цэнтральных пытанняў, якое на іх абмяркоўвалася, было пытанне граніц, непасрэдна закранаўшае інтарэсы Беларусі. Толькі калі на трэцім пленарным пасяджэнні мірнай канферэнцыі савецкаму боку трэба было знайсці аргументы супраць намераў палякаў адсунуць граніцу на ўсход ад “лініі Керзана”, ён узгадаў пра незалежнасць Латвійскай, Літоўскай, Беларускай і Украінскай рэспублік [2, с. 323].

Азначаную пазіцыю савецкай дэлегацыі неабходна разглядаць у кантэксце гатоўнасці бакоў шукаць кампраміс па пытанні аб межах пераважна за кошт беларускіх зямель. У час нефармальнай сустрэчы двух дэлегацый 25 жніўня была прадэманстравана гатоўнасць Польшчы

і Савецкай Расіі ісці на ўзаемныя ўступкі па тэрытарыяльным пытанні. Польскія прадстаўнікі адмаўляліся ад рэалізацыі федэралісцкай канцэпцыі пры вырашэнні ўсходняга пытання. Савецкая дэлегацыя выказала гатоўнасць ісці на тэрытарыяльныя ўступкі, аб чым паведаміў міністру замежных спраў Польшчы кіраўнік польскай дэлегацыі Я. Домбскі ў тэлеграме ад 26 жніўня [1, с. 95–96]. Для ўрада У. Леніна беларускае пытанне было падпарадкавана ўкраінскаму пытанню. Прыбыўшы ў Мінск на першым этапе перамоў К. Радэк заявіў, што праблем не будзе пры ўмове прызнання Польшчай Савецкай Украіны [4, с. 51]. Тэрыторыя Беларусі павінна была стаць для расійскага кіраўніцтва разменнай манетай для вырашэння на яго карысць пытання аб прызнанні Польшчай Савецкай Украіны.

Польская пазіцыя па пытанні суверэнітэту Беларусі на працягу перамоў прыцягвала пэўную эвалюцыю. Яшчэ да іх пачатку віцэ-прэм'ер Дашыньскі 1 жніўня 1920 г. у якасці ўмоў, на якіх Польшча гатовая пайсці на перамір'е і мір з Расіяй, назваў, у прыватнасці, “права на самавызначэнне для народнасцей, якія знаходзяцца паміж Польшчай і Расіяй” [3, с. 94]. Курс на падзел беларускіх тэрыторый першапачаткова не прадугледжваўся і ў тых інструкцыях, якія атрымала польская дэлегацыя ад Савета Абароны дзяржавы 11 жніўня. У іх гаворка ішла аб прызнанні незалежнасці Беларусі, але без вядзення перамоў аб вызначэнні яе граніц [2, с. 286]. Польская дэлегацыя ў Дэкларацыі 19 жніўня, якая з'яўлялася адказам на савецкія мірныя прапановы, заяўляла аб прызнанні незаалежнасці “Белай Русі і Украіны” на аснове свабоднага волевыяўлення беларускага і ўкраінскага народаў [3, с. 108]. Але пры гэтым адзначалася, што “польскі элемент пашыраецца далёка” за “лінію Керзана” і пры ўстанаўленні ўсходніх меж Польшчы “сіла гэтага элемента ў поўнай меры павінна быць улічана” [2, с. 320]. Дадзеная агаворка выклікае сумненні адносна гатоўнасці Польшчы прызнаць за беларусамі права на самавызначэнне. У ходзе далейшых перамоў рэальных крокаў, каб народы гэтак званых “усходніх крэсаў” мелі магчымасць рэалізаваць права на самавызначэнне, польская дэлегацыя не прадпрымала. На пасяджэнні

Савета Абароны дзяржавы 11 верасня Я. Домбскі заявіў, што палякі на мінскім этапе перамоў ставілі пытанне пра Украіну ў плане яе незалежнасці, а пра Беларусь – не [2, с. 380]. Польшча згаджалася на існаванне савецкай формы дзяржаўнасці Украіны, прызнавала права ўкраінцаў на незалежнасць, але нічога не гаварылася пра БССР і права беларусаў на самавызначэнне [2, с. 388].

1 кастрычніка 1920 г. польская дэлегацыя заявіла, што Польшча можа або згадзіцца са стварэннем на сваіх усходніх межах буферных дзяржаў (у тым ліку Беларусі), або правесці мяжу такім чынам, каб чыгунка Ліда – Баранавічы – Лунінец – Роўна – Броды знаходзілася ў глыбіні польскай тэрыторыі. Права выбару з гэтых двух варыянтаў палякі пакідалі за кіраўніцтвам РСФСР. Пасля кансультацыі з Масквой А. Іофэ аддаў перавагу другому варыянту [5, с. 48–49]. Пазіцыю савецкага ўрада па гэтым пытанні Г. Чычэрын патлумачыў у лісце У. Леніну ад 25 жніўня. Ён даказваў немагчымасць для Савецкай Расіі выступіць з прапановай аб вывадзе з тэрыторыі Беларусі і Украіны ўсіх замежных войск, бо становішча бальшавікоў на гэтых тэрыторыях няўстойлівае і ёсць рызыка страціць уладу [6, с. 4–5]. Каб парываць польскія патрабаванні аб стварэнні буферных дзяржаў, РСФСР з гатоўнасцю ішла на тэрытарыяльныя ўступкі. Г. Чычэрын прама пра гэта сказаў на 2-й надзвычайнай сесіі УЦВК 23 кастрычніка 1920 г.: “<...> мы прапанавалі Польшчы тэрытарыяльныя прырашчэнні за адмову Польшчы ад палітыкі буфералізма, ад палітыкі гэтак званага федэралізма, стварэння буфералісцкіх дзяржаў, у прыватнасці, пятлюраўскай” [3, с. 213–214]. Тым самым на перамовах канчаткова перамагла лінія на дасягненне пагаднення на аснове падзелу беларускіх і ўкраінскіх тэрыторый.

Зыходзячы з той палітыкі, якая праводзілася польскім бокам па пытанні беларускай дзяржаўнасці ў час вайны 1919–1920 гг., праграмных устаноў асноўных палітычных сіл Польшчы па пытанні польскай усходняй мяжы, наўрад ці можна гаварыць аб рэальным намеры польскага боку дабівацца ў час перамоў стварэння сапраўды незалежнай белару-

скай дзяржавы, тым больш у яе этнічных межах [7]. У ходзе дыскусіі, якая ўзнікла ўнутры польскай дэлегацыі, большасць выказалася супраць уключэння Мінска ў склад Польшчы і за падзел беларускіх зямель. Гэта азначала, што канцэпцыя федэрацыі пацярпела паражэнне, і Польшча адмовілася ад падтрымкі стварэння Беларускай дзяржавы.

Пазіцыя савецкага кіраўніцтва таксама заставалася неспрыяльнай для Беларусі. Калі яно не выказвала жадання бачыць БССР у якасці суб'екта перамоў на пачатковым іх этапе, то яшчэ менш падстаў для гэтага было на іх рыжскім этапе, на якім рэалізоўваўся курс на "згодніцкі" мір з Польшчай. Гэты курс фактычна быў адобраны Палітбюро на пасяджэнні 1 верасня, калі было прынята рашэнне аб змене складу савецкай дэлегацыі на перамовах з Польшчай [6, с. 8–9]. У апошняй дэкадзе верасня ідэя "згодніцкага" міру з Польшчай атрымала канчатковае афармленне. 20 верасня пленум ЦК даручыў камісіі ў складзе К. Радзкі, Л. Каменева, Г. Чычэрына распрацаваць праект дэкларацыі УЦВК па польска-савецкіх перамовах [6, с. 59]. У гэтыя ж дні У. Ленін пісаў А. Іофэ пра магчымасць пайсці на тэрытарыяльныя ўступкі і згадзіцца на мяжу па лініі р. Шчара – канал Агінскага – р. Ясельда, прапанаваную глянкомам С. Каменевым, пры ўмове, што мір будзе падпісаны на працягу 10 дзён [6, с. 59]. 23 верасня УЦВК прыняў пастанову аб савецка-польскіх перамовах, у якой выказвалася гатоўнасць Савецкай Расіі пайсці на значныя тэрытарыяльныя ўступкі [3, с. 400]. Такім чынам, важнейшае для лёсу Беларусі рашэнне зноў прымалася без уліку пункту гледжання прадстаўнікоў хаця б ВРК БССР. Пры гэтым у пастанове адзначалася, што Польшча і Расія пацвярджаюць незалежнасць Літвы, Беларусі і Украіны. Улічваючы палітыку кіраўніцтва РСФСР і Польшчы па вырашэнні важнейшых для Беларусі пытанняў без яе прадстаўнікоў, тэзіс аб прызнанні яе незалежнасці меў чыста дэкларатыўны характар.

Пры гэтым Савецкая Расія разглядала беларускія землі як "свае". 23 октября 1920 г., выступаючы на сесіі УЦВК па пытанні ратыфікацыі прэлімінарнага дагавора, Г. Чычэрын адзначыў, што Польшча

"абяцае не ўмешвацца ва ўнутраныя справы Савецкай Расіі і Савецкай Беларусі ў той частцы Беларусі, якая застаецца за Расіяй <...>. Такім чынам, мы пазбаўляемся ўсходняй часткі Віленскай губерні, <...> трэцяй часткі Мінскай губерні <...>" [6, с. 99].

28 верасня А. Іофэ прадставіў польскай дэлегацыі савецкія мірныя прапановы, у аснове якіх ляжалі палажэнні пастановы УЦВК ад 23 верасня. У артыкуле 5 праекта дагавора вызначалася лінія мяжы: "ад дзяржаўнай граніцы Літвы з Беларуссю каля ўпадзення ракі Свіслач у раку Нёман да паселішча Свіслач, Рудня, Белавеж, Камянец-Літоўск, Брэст-Літоўск" [2, с. 401–403]. Тым самым фактычна паўтаралася "лінія Керзана" з невялікімі ўступкамі на карысць Польшчы за кошт беларускіх тэрыторый. Пры гэтым незразумела, як савецкія прапановы стыкаваліся з савецка-літоўскім дагаворам ад 12 ліпеня 1920 г., які прадугледжваў перадачу зямель паўночна-заходняй Беларусі Літве. Савецкі праект ўтрымліваў і патрабаванне да Польшчы прызнаць незалежнасць Літвы, Беларусі і Украіны і грамадскі лад, які там усталяваўся [2, с. 402–407]. Са свайго боку польская дэлегацыя не прызнала БССР суверэннай дзяржавай, спаслаўшыся, у прыватнасці, на тое, што Расія лічыла сябе ў праве распараджацца беларускімі землямі пры падпісанні дагавора з Літвой 12 ліпеня 1920 г. [2, с. 328].

У ходзе далейшых перамоў расійская савецкая дэлегацыя ішла на новыя тэрытарыяльныя ўступкі, перадаючы Польшчы землі БССР, незалежнасць якой Масква юрыдычна прызнала і фармальна не магла распараджацца яе тэрыторыяй. Але тэрытарыяльныя ўступкі за кошт Беларусі з'яўляліся платой РСФСР за хуткі мір з Польшчай, да чаго ў той момант імкнуўся ўрад У. Леніна. Дзеля дасягнення гэтай мэты Масква лічыла магчымым адкінуць гульню ў суверэннітэт БССР. 2 кастрычніка палітбюро прыняло рашэнне "згадзіцца на лінію, якая аддае Польшчы чыгунку Ліда – Баранавічы пры ўмове, што мір (і перамір'е) будзе падпісаны ў самы кароткі тэрмін (тры дні прыкладна)". У той жа дзень Г. Чычэрын паведаміў А. Іофэ, што палітбюро вырашыла прыняць мяжу, якая праходзіць на ўсход ад чыгункі

Ліда – Баранавічы – Лунінец – Роўна [8, с. 396–397]. 9 кастрычніка палітбюро прыняло рашэнне ісці на далейшыя ўступкі палякам пры ўмове неадкладнага падпісання мірнага дагавора, аб чым было паведамлена А. Іофэ [3, с. 183].

У прэлімінарным мірным дагаворы заяўлялася аб прызнанні незалежнасці Украіны і Беларусі і ўсталяванні меж Польшчы менавіта з гэтымі краінамі [2, с. 429]. Але ў наступных артыкулах дагавора гаворка ідзе аб правах толькі ўкраінскіх і расійскіх грамадзян і не прыгадваюцца беларускае грамадзянства і нацыянальнасць [2, с. 430]. Адным з важнейшых аспектаў прэлімінарнага мірнага дагавора, падпісанага без удзелу беларускіх прадстаўнікоў, стаў падзел Беларусі. Яе заходняя частка адыходзіла да Польшчы, а ўсходнія беларускія землі заставаліся ў складзе РСФСР.

Кіраўніцтва БССР рабіла пэўныя захады, каб дабіцца ўдзелу ў перамовах, якія непасрэдна закраналі інтарэсы Беларусі. Як вядома, 10 верасня ВРК БССР прыняў рашэнне “выдаць РСФСР самы шырокі мандат на вядзенне перагавораў з Польшчай па пытанні галоўным чынам аб вызначэнні меж Беларусі”. На пачаўшыхся у Рызе перамовах савецкай дэлегацыі важна было прадставіць палякам дакументы, якія б пацвярджалі яе права на ўсталяванне меж Беларусі [3, с. 163]. У адпаведнасці з тым жа рашэннем ВРК ад 10 верасня былі намеры накіраваць на перамовы і прадстаўніка ад БССР В. Ігнатоўскага “для абароны інтарэсаў самастойнасці Рэспублікі Беларусь” [3, с. 143]. Насамрэч ад імя ВРК БССР у Рыгу прыбыў А. Чарвякоў. Яго рэальны ўдзел у перагаворах залежаў ад гатоўнасці Савецкай Расіі і Польшчы прызнаваць БССР у якасці суверэннай дзяржавы. Польскі бок не прызнаваў лігітымнасці савецкай формы дзяржаўнасці на тэрыторыі Беларусі, а адсюль і права прадстаўнікоў ВРК БССР удзельнічаць у перамовах. У якасці аднаго з аргументаў для абгрунтавання сваёй пазіцыі палякі звярталі ўвагу на нявызначанасць усходняй мяжы Беларусі. Таксама негатыўную пазіцыю адносна ўдзелу прадстаўнікоў БССР у перамовах заняла савецкая расійская дэлегацыя. У тэлеграме Г. Чычэрыну ад 23 верасня А. Іофэ

выказваў меркаванне, што А. Чарвякоў павінен заставацца ў ролі кансультанта ці эксперта да больш спрыяльнага моманту [1, с. 155, 157]. Такім чынам, калі і быў варыянт удзелу прадстаўніка БССР у перамовах, то не як дэлегата ад незалежнай краіны. Гэты ўдзел патрэбен быў савецкаму ўраду на той выпадак, калі б польскі бок паставіў пытанне аб ўдзеле ў перамовах у якасці прадстаўнікоў Беларусі дэлегацыі ад БНР. Тады можна было б заявіць, што Беларусь на перамовах ужо прадстаўлена. 14 верасня Г. Чычэрын пісаў А. Іофэ, што ў сувязі з выступленнем Ластоўскага “я папрасіў Смілгу паскорыць прыезд беларускага савецкага прадстаўніцтва” [2, с. 143]. Для ўрада У. Леніна пытанне аб удзеле БССР у перамовах у Рызе набыло высокую ступень актуальнасці ў сувязі з падрыхтоўкай склікання 2-га Усебеларускага з’езда Саветаў. 14 верасня ВРК ССРБ па ўказанню з Масквы прыйшлося тэрмінова прымаць рашэнне аб адмене выбараў на Усебеларускі з’езд Саветаў [9, с. 8], бо існавала апасенне, што на з’ездзе можа быць узнята пытанне аб удзеле дэлегацыі БССР у перамовах.

Кіраўніцтва БССР, якая была звездзена да шасці паветаў Мінскай губерні, не магло пярэчыць Маскве і на сумесным пасяджэнні ВРК і Цэнтральнага бюро прафесійных саюзаў Беларусі 27 кастрычніка правяло ратыфікацыю прэлімінарнага міру з Польшчай. Але пры гэтым яно лічыла неабходным свой удзел у савецка-польскіх перамовах аб распрацоўцы канчатковага варыянту дагавора і паставіла адпаведнае пытанне перад савецкім расійскім урадам. 8 лістапада 1920 г. ЦК КП(б) абмеркаваў даклад В. Кнорына аб паездцы ў ЦК РКП(б) для перамоў па справах Беларусі. Ён паведаміў, што М. Крэсцінскі пасля размовы з Г. Чычэрыным заявіў аб адсутнасці неабходнасці ўдзелу беларускай дэлегацыі ў перамовах [1, с. 159]. На новым этапе перамоў Савецкая Беларусь па-ранейшаму не разглядалася прадстаўленымі на іх бакамі як суб’ект міжнародных адносін. Напрыклад, калі на пасяджэнні дэлегацыі 13 лістапада зайшла гаворка аб магчымым аднаўленні вайны, то мелася на ўвазе, што гэта будзе вайна “Расіі і Украіны з Польшчай” [3, с. 231]. У прынятым у ходзе перамоў пра-

таколе аб стварэнні Пагранічнай камісіі нічога не было сказана пра прадстаўніцтва ў ёй БССР разам з РСФСР і УССР [2, с. 531].

Пытанне аб месцы Беларусі на польска-савецкіх перамовах зноў актуалізавалася для расійскага савецкага ўрада ў снежні 1920 г. у сувязі са скліканнем Усебеларускага з'езда Саветаў. 12 снежня прадстаўнік РСФСР у Мінску Іарданскі паведаміў Г. Чычэрыну, што на з'ездзе, магчыма, будзе ўзнята пытанне аб удзеле беларускага дэлегата ў перамовах у Рызе, і прасіў адпаведных інструкцый [3, с. 247]. У сувязі з выбарамі на Усебеларускі з'езд Саветаў у маскоўскага кіраўніцтва не было ўпэўненасці, што “на з'езд пройдуць савецкі настроеныя элементы” [3, с. 235]. Абмеркаванне дадзенага пытання адбылося ў ходзе тэлефоннай размовы Кнорына і Чычэрына 13 снежня. Расійскі наркам замежных спраў звярнуў увагу на неаформленасць беларускага ўрада, што рабіла немагчымым яго ўдзел у перамовах. Наяўнасць у Рызе беларускага прадстаўніка, па словах Г. Чычэрына, была б нязручнай пасля таго, як асноўныя пытанні ўжо былі аформлены ў прэлімінальным дагаворы [3, с. 247]. Але відавочна, што “аформленасць” урада БССР цалкам залежала ад Масквы. Цікавую пазіцыю адносна ўдзелу прадстаўнікоў Савецкай Беларусі ў перамовах заняў А. Іофэ. Ён разглядаў такую магчымасць толькі ў выпадку павелічэння тэрыторыі Беларускай рэспублікі за кошт Віцебскай і Гомельскай губерняў [1, с. 159]. Але ў канцы 1920 г. савецкае кіраўніцтва лічыла немэтазгодным далучэнне да БССР усходніх губерняў, бо, як пісаў Г. Чычэрын у адным з лістоў, “мы яшчэ не ведаем, праз якія цяжкасці можа прайсці лёс Беларусі, і павялічваць загадзя тую тэрыторыю, якая праз гэтыя цяжкасці будзе праходзіць, было б надзвычай неасцярожна” [3, с. 221]. 17 лістапада ў Маскве адбылася нарада з удзелам кіраўнікоў БССР – А. Чарвякова, В. Кнорына, на якой разглядалася пытанне “аб тэрыторыі Савецкай Беларусі”. У прынятай пастанове канстатавалася “прызнаць у сучасны момант несвоечасовасць вырашэння гэтага пытання” [10, с. 140]. 18 лістапада політбюро ЦК РКП(б) адобрыла рашэнне, прынятае па беларускім пытанні на названай нарадзе [11].

Адсутнасць беларускага ўрада, альтэрнатыўнага савецкаму і прызнанага Польшчай, дазваляла савецкаму расійскаму ўраду не настойваць на ўдзеле ў перамовах дэлегацыі БССР у адрозненне ад УССР. Тым больш што ход перамоў патрабаваў ад савецкага ўрада новых тэрытарыяльных уступак Польшчы за кошт Беларусі. 30 снежня Г. Чычэрын у лісце палітбюро чарговы раз даказваў немэтазгоднасць удзелу прадстаўнікоў Беларусі ў перамовах з палякамі, бо гэта “разбура ўсе нашы дыпламатычныя камбінацыі” [3, с. 258]. Гэтыя дыпламатычныя камбінацыі ўключалі далейшыя тэрытарыяльныя ўступкі Польшчы. У снежні 1920 г. савецкі бок пагадзіўся перадаць Польшчы ў раёне Турава каля 3000 кв. верст у параўнанні з прэлімінальным дагаворам [3, с. 253]. У лютым 1921 г. А. Іофэ заявіў аб гатоўнасці аддаць Польшчы тэрыторыі ў раёне Радашковіч [3, с. 295].

Заклучэнне

Такім чынам, Беларусь не змагла выступіць у ходзе польска-савецкіх мірных перамоў як іх фармальны ўдзельнік у статусе, роўным таму, які мела УССР. Як Савецкая Расія, так і Польшча не былі зацікаўлены ва ўдзеле прадстаўнікоў Беларусі ў перамоўным працэсе, бо гэта магло стварыць праблемы ў дасягненні кампрамісу паміж яго ўдзельнікамі, у аснове якога ляжаў падзел беларускіх тэрыторый. Пры гэтым як савецкі, так і польскі бок абсалютна не звярталі ўвагі на суверэнітэт Беларусі і лічылі сябе ў праве распараджацца беларускімі землямі для рэалізацыі сваіх дыпламатычных камбінацый. У такой сітуацыі абвешчаная Рыжскім дагаворам незалежнасць Беларусі мела чыста дэкларатыўны характар.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Бароўская, В. М.** Беларускае пытанне на савецка-польскіх перагаворах 1918–1921 гг. / В. М. Бароўская. – Мінск : Беларуская навука, 2017. – 269 с.
2. Документы и материалы по истории советско-польских отношений : в 14. – Москва : Наука, 1965. – Т. 3. – 609 с.
3. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.) : зборнік дакументаў і матэрыялаў : у 4 т. / склад.: А. Ф. Вялікі [і інш.] ; рэкал.: С. М. Мартынаў [і інш.]. – Мінск : Юніпак, 1997. – Т. 1, ч. 2. – 393 с.

4. Wojdyło, W. Traktat w Rydze w koncepcjach obozu narodowego ze szczególnym uwzględnieniem roli Stanisława Grabskiego / W. Wojdyło // Traktat Ryski 1921 roku po 75 latach. – Toruń : Wyd. UMK, 1998. – S. 47–61.
5. **Kumaniecki, J.** Pokyj polsko-radziecki, 1921. Geneza, rokowania, traktat, komisie mieszane / J. Kumaniecki. – Warszawa: Biblioteka Narodowa, 1986. 240 s.
6. Польско-советская война 1919–1920 (Ранее не опубликованные документы и материалы) : в 2 ч. – Москва : Институт славяноведения и балканистики, 1994. – Ч. 2. – 236 с.
7. **Мязга, М. М.** Пытанне беларускай дзяржаўнасці ў палітыцы Польшчы ў час польска-савецкай вайны 1919–1920 гадоў / М. М. Мязга // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны : зборнік навуковых артыкулаў. – Вып. 2. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2013. – С. 59–66.
8. В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. – Москва : РОССПЭН, 2000. – 607 с.
9. **Лазько, Р. Р.** Польска-савецкія мірныя перагаворы 1920 г. і лёс Беларусі / Р. Р. Лазько // Беларускі гістарычны часопіс. – 2011. – № 12. – С. 5–12.
10. **Ладысеў, У. Ф.** Паміж Усходам і Захадам: Станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.) / У. Ф. Ладысеў, П. І. Брыгдзін. – Мінск : БДУ, 2003. – 307 с.
11. [Электронный ресурс]. – <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=57995;tab=img0091>. – Дата доступа: 10.10.2017.

Поступила в редакцию 08.11.2017 г.
 Кантакты: nmezga@gsu.by
 (Мязга Мікалай Мікалаевіч)

Miazga, M. THE ISSUE OF BELARUSIAN SOVEREIGNTY IN THE CONTEXT OF POLISH-SOVIET NEGOTIATIONS (August 1920 – March 1921).

The article confirms that during the Soviet-Polish peace talks in Minsk and Riga Belarus failed to act as a subject of international relations. In fact, both the Soviet Union and Poland did not consider the Belarusian People's Republic and the Byelorussian Soviet Socialist Republic as a sovereign country, and they did not find the participation of the Belarusian representatives in the peace talks to be meaningful. The statements of the Peace of Riga about Belarusian independence were totally declarative.

Keywords: BSSR, BPR, sovereignty, Soviet-Polish war, peace talks, Poland, RSFSR, the Peace of Riga, territory problem, partition of Belarus.

УДК 94(47+57)

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В ПРОГРАММЕ И ТАКТИКЕ ТРУДОВОЙ НАРОДНО- СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1917 г.

А. С. Мельникова

кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой истории Беларуси
и восточных славян
Могилевского государственного
университета имени А. А. Кулешова

В статье рассматривается аграрная программа Трудовой народно-социалистической партии и меры по ее популяризации на территории Беларуси в 1917 г. На основе анализа источников автор приходит к выводу о том, что аграрная программа партии, рассчитанная на преодоление земельного кризиса посредством поступательных эволюционных мероприятий при регулирующей роли государства, популярностью среди большинства крестьянства не пользовалась. Приведенный в статье фактический материал углубляет понимание причин невысокой конкурентоспособности умеренных реформистских доктрин в условиях революционных событий 1917 г.

Ключевые слова: народные социалисты, трудовики, партия, программа, тактика, эволюция, аграрный вопрос, национализация, социализация, крестьянство, трудовая норма, кооперация.

Введение

Проблема решения аграрного вопроса политическими партиями в 1917 г. рассмотрена в значительном количестве научных публикаций. Однако многие ее аспекты по-прежнему нуждаются в детальном изучении. К их числу относится аграрная программа и меры по ее популяризации Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП), созданной в конце июня 1917 г. в результате объединения трудовиков и энесов.

С 1990-х гг. начался пересмотр ранее сложившихся подходов к оценке деятельности политических партий начала XX в., что значительно повысило интерес исследователей к данной проблематике. При этом следует отметить, что основная роль

в изучении программы и тактики трудовиков и энесов до сегодняшнего дня принадлежит российским ученым, среди которых необходимо выделить Н.Д. Ерофеева, Е.В. Емельянова, А.В. Сыпченко, Е.В. Белоглазова и др. [1; 2; 3]. В Беларуси подобные исследования пока немногочисленны. Важный вклад в разработку истории региональной деятельности трудовиков и энесов внесли публикации В.К. Коршука, В.Е. Козлякова, Н.Е. Семенчика и др. [4; 5; 6].

Аграрная программа ТНСП, предусматривавшая национализацию земельного фонда, признание приоритета государственного управления в сфере земельной политики, развитие кооперативного движения, практической реализации не получила, однако ее принципы сохранили актуальное звучание, что делает целесообразным обращение к теоретическому наследию данной партии.

Основная часть

Трудовая группа (трудовики) и Народно-социалистическая партия (НСП, народные социалисты, энесы) официально заявили о себе в 1906 г. При разработке партийной программы энесы уделили пристальное внимание аграрному вопросу. Согласно их проекту, нашедшему отражение в программе трудовиков, предусматривалось огосударствление земельного фонда с последующей передачей земли в пользование трудовому народу по трудовой норме, при которой за основу брался учет возможностей крестьянской семьи обработать полученный надел самостоятельно, без применения наемной рабочей силы. Энесы делали упор на государственное регулирование земельным сектором с целью достижения стабильности в области развития аграрных отношений. Отдавая приоритет крупным формам хозяйствования, они не считали нужным отказываться от мелких форм до тех пор, пока преимущество первых не будет очевидно и крестьянство добровольно не перейдет к ним [7, с. 13].

Февральская революция 1917 г. способствовала переходу трудовиков и энесов на легальные позиции. Некоторое время партийное руководство было сосредоточено на возможности объединения трудовиков, энесов и эсеров в единую

партию. Однако договориться им так и не удалось. Эсеры набирали популярность среди широких слоев населения, и постепенно переговоры об объединении с Трудовой группой и НСП прекратили.

Неудавшаяся попытка интеграции затормозила процесс самостоятельного партийного строительства трудовиков и энесов. В Беларуси Трудовая группа (с апреля 1917 г. – Трудовая социалистическая партия) и НСП активизировали политическую работу с апреля–мая 1917 г., когда значительная часть политически активного населения уже определилась со своими предпочтениями. Наиболее заметно энесы проявили себя в Витебской губернии, трудовики – в Могилевской. Социальную основу обеих партий на территории Беларуси составили отдельные представители интеллигенции, часть земских служащих, рабочих, работников кооперативных организаций. В сельской местности трудовики и энесы заметной популярностью не пользовались. Однако в дальнейшем обе партии рассчитывали пополнить свою социальную базу и количественный состав за счет крестьянства. Основания для такого оптимизма весной 1917 г. у них еще были.

Трудовики и энесы поддерживали идею воссоздания Всероссийского крестьянского союза (ВКС). Особенно активно стремились к сотрудничеству с данной организацией энесы. ВКС, пытавшийся вернуть популярность и массовость рядов периода первой российской революции, от союзнических отношений не отказывался. В местных печатных органах энесы публиковали обращения к крестьянам, в которых, помимо разъяснений о целях и задачах создания организаций ВКС, содержались призывы отказаться от земельных захватов и неорганизованных выступлений до решения аграрного вопроса на Учредительном собрании. Однако попытка энесов весной 1917 г. опереться на ВКС не дала результатов. Последний так и не стал популярной организацией в белорусских губерниях.

Во время поездок по сельской местности энесы отмечали, что значительное число крестьян поддерживают идею социализации земли [8, л. 37об.]. Объяснение этому факту они усматривали в усилении

влияния на деревню со стороны эсеров, которые в условиях легальной деятельности быстрыми темпами вытесняли своих политических конкурентов.

Неудача с ВКС заставила энесов и трудовиков обратить пристальное внимание на работу в Советах крестьянских депутатов и земельных комитетах. Работа в последних, помимо участия в подготовке земельной реформы, предоставляла им возможность пропагандировать свою аграрную программу [9, л. 40об.]. Вместе с тем крестьянство Беларуси критично реагировало на выступления трудовиков и энесов. Наиболее оживленную полемику вызывал вопрос о вознаграждении за отчуждаемые земли владельцам приобретенных земельных участков.

Оставаясь немассовыми партиями, трудовики и энесы приняли решение об объединении, что было поддержано представителями партийных организаций на территории Беларуси. Однако на объединительном съезде с их стороны прозвучала критика в адрес партийной земельной программы. Так, Е.С. Канчер в своем выступлении отметил, что редакция аграрной программы имеет много недостатков и что крестьяне в ней плохо разбираются [10, с. 12]. Тем не менее ее основные положения были оставлены съездом без изменений, корректировке подверглись лишь частности.

Наибольшим изменениям подвергся тот пункт программы, в котором излагались порядок и способы перехода земли в общенародную собственность. В его новой редакции говорилось, что национализация земли осуществляется немедленно переходом к государству права распоряжения всеми землями, недрами и водами. За бывшими владельцами наделной и частной земли в пределах трудовой нормы предусматривалось оставить лишь право пользования этими землями. В программу был введен также и новый пункт, определяющий нормы землепользования. Они должны были устанавливаться по экономическим районам в соответствии с местными общественно-хозяйственными условиями и не превышать трудовой нормы. Значительно полнее был разработан раздел программы о мерах, дополняющих аграрную реформу. В нем заявлялось о

том, что партия будет отстаивать необходимость самых широких мер для поддержания и развития трудовых хозяйств и поднятия производительности путем правильного землеустройства, мелиорации, предоставления доступного кредита, развития путей сообщения и др. Признавая наиболее совершенной формой землепользования и сельскохозяйственного производства коллективное и земледельческое хозяйство, программа обещала всяческое содействие развитию сельскохозяйственной кооперации. В вопросе о том, каким путем должна осуществляться земельная реформа, энесы последовательно отстаивали государственную точку зрения [11, с. 30].

После создания ТНСП в белорусских губерниях начался объединительный процесс. Членов новой партии преимущественно называли "народными социалистами, энесами, реже – трудовиками".

В своей работе региональные партийные деятели руководствовались решениями объединительного съезда. Они пропагандировали идею национализации, доказывая, что и при отмене частной собственности на землю без собственника она оставаться не может, верховным же собственником земельного фонда должно являться государство. Энесы считали, что передача земли в собственность государства успокоит население на предмет вопроса о наличии крупного земельного владения.

Представители ТНСП принимали участие в правительственных мероприятиях по подготовке земельной реформы. Они убеждали крестьян, что для подготовки аграрного проекта требуется громадная затрата труда и времени, а разработка его деталей вызовет значительные трудности [12, с. 28].

Неоднократно сталкиваясь с критикой по поводу теоретической неопределенности аграрной программы ТНСП в отношении вопроса о выкупе, энесы в выступлениях перед крестьянством подчеркивали свое стремление к тому, чтобы земля перешла к нему безо всякого выкупа [13, л. 98об.].

Важным средством борьбы с захватническими тенденциями энесы считали пропагандистскую работу, в ходе кото-

рой они выдвигали умеренные лозунги и обещания, реализовать которые считали возможным до созыва Учредительного собрания. Они инициировали рассылку воззваний к населению с призывами не прибегать к погромам имений, захватам земли, самовольной рубке лесов. Энесы пытались преодолеть недоверие крестьянства к создаваемым Временным правительством органам самоуправления. Они разъясняли, что волостные земства являются самыми близкими сельскому населению учреждениями [14, с. 2].

Важное значение энесы придавали пропаганде среди крестьянства различных форм кооперации, развитие которых они считали одним из условий преодоления кризисных явлений в аграрном секторе. Осенью 1917 г. вопросом расширения кооперативного движения занимались съезды кооперативов, в которых представители ТНСП приняли непосредственное участие [15, с. 9–10]. При их прямом участии на территории Беларуси была создана сеть кредитных и потребительских кооперативов. Однако развитие кооперативного движения, по мнению энесов, тормозилось недостатком внимания губернских и уездных земств к данному вопросу.

В центре внимания представителей ТНСП находился и продовольственный вопрос. Они считали недопустимым попустительство спекуляции хлебом и другими продуктами, сокращению посевных и уборочных работ, выступая за применение в данных случаях мер воздействия вплоть до уголовной ответственности. Партийные деятели призывали население к своевременной обработке полей и качественному, без прямых потерь, сбору и хранению урожая [16, л. 74–74об.].

Энесы придавали большое значение поднятию уровня ветеринарного дела, напрямую оказывающего влияние на качественное состояние животноводства в белорусских губерниях в целом и на решение продовольственного вопроса в частности. Они выступали инициаторами организации курсов повышения квалификации для ветеринарных работников, регулярного санитарного обследования животноводческих хозяйств, вели научные разработки в сфере ветеринарии.

Однако последовательное отстаивание энесами позиции о том, что решение земельного вопроса является прерогативой Учредительного собрания, а также порицание ими захватнических тенденций встречали понимание лишь среди небольшой части крестьянства Беларуси. Это убедительно подтверждают резолюции, выносимые крестьянскими съездами [17, с. 6]. В целом крестьянские съезды, проходившие в июле–октябре 1917 г., неизменно принимали эсеровские резолюции. Однако энесы предполагали, что “по мере того, как трудовое крестьянство начнет само разбираться в государственных вопросах и самом важном для него земельном вопросе, оно начнет не только прислушиваться к голосу народных социалистов, но даже искать их” [18, с. 2].

В начале осени 1917 г. в отдельных публикациях энесов появляются нотки разочарования. Стараясь в условиях кризиса поддержать падающий авторитет Временного правительства, энесы вынуждены были идти в форватере той политики, которую это правительство проводило. При этом ряд действий правительства им было сложно объяснить населению. К примеру, ошибкой Временного правительства энесы считали отказ от твердых закупочных цен на хлеб. Эту ненужную в условиях войны уступчивость они не одобрили, но от тактики поддержки правительства не отказались. Вместе с падением авторитета последнего уменьшались шансы на успех представителей ТНСП.

Октябрьскую революцию 1917 г. энесы встретили отрицательно. Тем не менее документы свидетельствуют, что, несмотря на критику действий большевиков, представители ТНСП на территории Беларуси продолжили созидательную работу. Кризисное положение страны и региона вынудило их отдать предпочтение решению текущих вопросов социально-экономического характера, а не партийных и политических. К примеру, энес В.П. Столповский занял должность заведующего отделом сельского хозяйства Витебского губернского союза потребительской кооперации. В характеристике, выданной на его имя, отмечалось, что данным специалистом “был проведен ряд крупных в губернии работ по изуче-

нию сельского хозяйства и составлению плана его восстановления” [19, л. 10, 16]. А.Я. Кюссе-Тюз и М.П. Демидов, являясь членами правления Совета кооперативных объединений Витебской губернии, занимались развитием системы потребительских кооперативов [20, с. 80–81]. Среди ярких специалистов в области ветеринарии и агрономии необходимо также назвать бывших энесов Е.Ф. Алонова, Я.И. Неклепаева, А.С. Лубкина, А.А. Богдановского, Г.К. Крейера.

Заключение

ТНСП не стала массовой политической организацией на неоккупированной территории Беларуси. Предлагаемый ею умеренный реформистский путь выхода из кризиса, в том числе аграрного, поддержки со стороны большинства населения не получил. Как показал исторический опыт, в условиях углубления политической и социально-экономической нестабильности весны–осени 1917 г. отклик у широких масс нашли партии, предлагавшие решительные меры по преодолению насущных проблем.

После прихода к власти большевиков региональные представители ТНСП, в отличие от партийного центрального руководства, спустя короткое время отказались от открытой конфронтации с новой властью. Углубление кризисных явлений в общественно-политической и социально-экономической сферах жизни Беларуси не оставило их пассивными наблюдателями, и постепенно энесы стали включаться в работу реорганизованных большевиками органов и учреждений. Дистанцировавшись от партийной деятельности, они приняли участие в разработке комплекса мер по преодолению культурно-хозяйственной разрухи, в том числе в аграрном секторе. Практический опыт и активная деятельность энесов по созданию кооперативных организаций, подъему ветеринарного дела, решению продовольственного вопроса, просвещению крестьянства и т. д. способствовали постепенному преодолению кризисных явлений в сельском хозяйстве на неоккупированной территории Беларуси и переходу к мирным условиям развития на советской основе.

**СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ
ИСТОЧНИКОВ**

1. **Ерофеев, Н. Д.** Народные социалисты / Н. Д. Ерофеев // Политическая история России в партиях и лицах / сост.: В. В. Шелохаев (рук.), Н. Д. Ерофеев, И. Е. Задорожнюк [и др.]. – М., 1994. – С. 74–92.
2. **Сыпченко, А. В.** Трудовая народно-социалистическая партия: теория и практика / А. В. Сыпченко. – Самара : Изд-во СГПУ, 2004. – 516 с.
3. **Белоглазов, Е. В.** Трудовая группа и ее деятельность в условиях Февральской революции в России : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е. В. Белоглазов. – М., 1994. – 207 л.
4. Программа Трудовой (народно-социалистической) партии / подг. к печ. В. К. Коршук ; авт. предисл. В. К. Коршук // Весн. Бел. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 1993. – № 2. – С. 59–63.
5. **Козляков, В. Е.** Национальный вопрос и неонароднические партии. Начало XX в. – конец 20-х гг. (На материалах России, Беларуси, Украины) / В. Е. Козляков. – Минск : БГТУ, 2001. – 246 с.
6. **Сяменчык, М. Я.** Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 – сакавік 1918 гг.) : у 2 ч. / М. Я. Сяменчык. – Мінск : Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка, 2001. – Ч. 1 : Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах дэмакратычнага рэжыму. – 199 с.
7. **Мельникова, А. С.** Народные социалисты и трудовики в поисках путей преобразования России начала XX века: программные основы / А. С. Мельникова // Весн. Магілёўск. дзярж. ун-та імя А. А. Куляшова. Сер. А, Гуманіт. навукі : Гісторыя. Філасофія. Філалогія. – 2016. – № 2(48). – С. 12–15.
8. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 3445. Оп. 1. Д. 63. Л. 37–37 об.
9. НИАБ. – Ф. 2679. Оп. 1. Д. 5. Л. 40–40 об.
10. Протоколы: I-го Всероссийского съезда Народно-социалистической партии, VI-го Всероссийского съезда Трудовой группы, I-го Всероссийского съезда Трудовой народно-социалистической партии. 17–23 июня 1917 г. – Петроград : Тип. “Задруга”, 1917. – 208 с.
11. **Аноприева, Г. С.** Народные социалисты / Г. С. Аноприева, Н. Д. Ерофеев // Кентавр. – 1995. – № 1. – С. 20–34.
12. **Канчер, Е. С.** Аграрный вопрос и политические партии в России / Е. С. Канчер. – [б. м., 1917?]. – 30 с.
13. НИАБ. – Ф. 3445. Оп. 3. Д. 38. Л. 98–98 об.
14. **Богданов, М.** Что такое волостное земство? / М. Богданов // Известия Витебского губернского Совета крестьянских депутатов. – 1917. – 8 сент. – С. 2.
15. Районный съезд кооперативов в г. Витебске // Витебский край. – 1917. – 10 сент. – С. 9–10.
16. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 10050-п. Оп. 2. Д. 1. Л. 74–74 об.
17. Витебский уездный крестьянский съезд // Известия Витебского губернского Совета крестьянских депутатов. – 1917. – 4 окт. – С. 6.
18. Съезд народно-социалистической партии // Народный социалист. – 1917. – 22 июня. – С. 2.
19. ГАВО. – Ф. 14. Оп. 2. Д. 453. Л. 10–16.
20. Витебская губерния. 1917–1924 гг. : документы и материалы / сост. Н. В. Воронова [и др.] ; редкол.: В. И. Адамушко [и др.]. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2012. – 408 с.

Поступила в редакцию 27.10.2017 г.
Контакты: +375 29 607 45 56
(Мельникова Алеся Сергеевна)

**Melnikova A.S. AGRARIAN QUESTION
IN THE PROGRAM AND TACTICS OF THE
LABOUR POPULAR SOCIALIST PARTY IN THE
TERRITORY OF BELARUS IN 1917.**

The article considers the agrarian program of the Labour Popular Socialist Party and the measures to popularize it in the territory of Belarus in 1917. The analysis of the sources enables the author to conclude that the party's agrarian program aimed at the overcoming of land crisis through progressive evolutionary measures with a regulatory role of the state was not popular among the majority of the peasantry. The factual material adduced in the article facilitates understanding of the reasons for low competitiveness of moderate reformist doctrines in the conditions of the revolutionary events of 1917.

Keywords: Popular Socialists, Trudoviks, party, program, tactics, evolution, agrarian question, nationalization, socialization, peasantry, labour norm, cooperation.

УДК 343.811:94(476.4)“19”

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX в.

С. Н. Чайкин

заместитель начальника колонии
по тыловому обеспечению
исправительного учреждения
“Исправительная колония № 8”
УДИН МВД по Витебской области

На основе изучения архивных данных исследуется процесс развития системы мест лишения свободы в Могилевской губернии с начала 1830-х гг. XIX в. Определяются закономерности становления системы мест лишения свободы, общие для Могилевской губернии и Российской империи в целом. Выявляются региональные особенности ее развития, связанные с восстанием 1863 г.

Ключевые слова: Российская империя, Могилевская губерния, места лишения свободы, тюремный замок, восстание 1863 г.

Введение

Управление любым государством, деятельность его центральной и местной администраций, реализация правовых норм обеспечивается его силовыми структурами, к числу которых относится институт, гарантирующий исполнение уголовных наказаний, или пенитенциарная система. В научных исследованиях дореволюционного (С.К. Гогеля, Н.Ф. Лучинского, В.Н. Никитина, С.В. Познышева, И.Я. Фойницкого) и советского периодов (М.Н. Гернета, Р.С. Мулукаева, Д.И. Шинджикашвили), а также современных российских ученых (М.Г. Деткова, А.Г. Лисина, А.П. Печникова, И.В. Упорова) развитие системы мест лишения свободы на землях Беларуси не рассматривалось. В отечественной научной литературе данная проблема как самостоятельный объект не исследовалась и в настоящее время представлена либо историей развития отдельных мест лишения свободы (в работах В.М. Лисицына и А.М. Ненадовца), либо как составная часть отечественной пенитенциарной системы с древнейших времен до наших дней (в монографии А.В. Шаркова). Исследование развития системы мест лише-

ния свободы на белорусских землях (на примере Могилевской губернии) в XIX в. необходимо для определения закономерностей указанного процесса, общих для Могилевской губернии и Российской империи в целом, а также для выявления его региональных особенностей.

Основная часть

С вхождением белорусских земель в состав Российской империи на их территории получило распространение и российское уголовное законодательство, в том числе в части деятельности пенитенциарной системы. Начало формирования этой системы как самостоятельного органа государственной власти в Российской империи происходило в 1830-х гг. и связано с изданием нормативно-правовых актов, непосредственно регламентирующих деятельность мест лишения свободы, – “Инструкции смотрителю губернского тюремного замка” 1831 г. и “Свода учреждений и уставов о содержащихся под стражею” 1832 г.

К 1830 г. тюрьмы на территории Могилевской губернии находились в Могилеве, Бабиновичах, Белице, Быхове, Климовичах, Копыси, Мстиславле, Рогачеве, Орше, Сенно, Чаусах, Черикове. Численность содержащихся в тюрьмах осужденных (называемых в правовых актах “арестантами”) определялась социально-экономическим положением губернии. Увеличение феодальных повинностей, массовое обезземеливание крестьянства, частые неурожай вели к упадку крестьянского хозяйства. Разорение крестьян и, как следствие, их неповиновение помещикам определило направленность в их отношении государственной карательной политики. Так, в октябре 1829 г. в тюрьмах Могилевской губернии содержалось 90 арестантов, из которых 67 составляли крестьяне. Из них 29 были осуждены за кражи, 22 – “за волнения и буйство против владельцев”, 7 – за бродяжничество, 4 – “за дачу отравы своим владельцам” [1, с. 19]. Усиление карательной политики полицейско-судебной системы в отношении самого многочисленного сословия – крестьянства – определило одну из основных проблем функционирования пенитенциарных учреждений губернии – переполненность тюрем. Ситуацию усугубило содер-

жание в тюрьмах в течение XIX в. наряду с осужденными лиц, находящихся под следствием, которые должны были содержаться в специально предназначенных для этого арестных помещениях при полицейских частях, в которых также не хватало мест для содержания арестованных. Из-за отсутствия возможности финансирования строительства арестных помещений царское правительство в "Своде учреждений и уставов о содержащихся под стражею" 1832 г. законодательно закрепило содержание подследственных в тюрьмах. Причиной переполненности тюрем явились также начавшиеся в 1830-х гг. мероприятия по практической реализации принципа раздельного содержания арестантов (по полу, возрасту и видам преступлений), предусмотренного "Инструкцией смотрителю губернского тюремного замка" 1831 г., в связи с чем места для размещения арестантов требовалось куда больше, чем имелось в наличии.

Состояние тюрем могилевской губернии в 1830-х гг. не позволяло разместить в них всех осужденных к лишению свободы. Из 12 имевшихся в губернии тюрем 5 (в Белице, Климовичах, Копыси, Орше, Черикове) располагались в нанимаемых у частных лиц деревянных зданиях [2, с. 30], которые, по донесениям проверявших их чиновников, "не имели фундаментов и находились в очень ветхом состоянии", а арестанты, "не разделенные по родам преступлений, размещались в крайней тесноте" [3, с. 128]. Не в лучшем состоянии находились и казенные тюремные замки. Так, здание тюрьмы в Сенно было "близко к разрушению", в Бабиновичах "помещение для содержания арестантов было вовсе неудобное", а в Мстиславле "по множеству арестантов было очень стеснено" [3, с. 134]. В 1833 г. генерал-губернатором витебским, могилевским и смоленским отмечалось, что "Могилевский городской острог по своей тесноте не представляет никакой возможности ни к порядочному содержанию арестантов, ни к размещению их по родам преступлений" [4, с. 21].

Одним из направлений государственной политики Российской империи по решению проблемы переполненности тюрем с начала 1830-х гг. стало строительство новых тюремных замков. В октябре 1843 г.

могилевским купцом Кивой Гранатом был окончен капитальный ремонт Могилевского тюремного замка, на который из казны было выделено 13 500 рублей. На крыше замка был надстроен второй этаж, на который была перенесена находившаяся ранее на первом этаже тюремная церковь и построена "особая камера для уголовных преступников", а в освободившихся помещениях первого этажа были размещены 2 камеры для дворян, 2 "секретные" камеры (для одиночного заключения) и камера для "маловажных арестантов", после чего вместимость Могилевского замка увеличилась до 150 человек [5, с. 180, 218]. Строительство новых тюрем началось и в уездах Могилевской губернии, в первую очередь в тех городах, где осужденные содержались в помещениях, нанятых у частных лиц. В 1835 г. Могилевской казенной палатой было выделено 17 900 рублей на постройку деревянного на каменном фундаменте тюремного замка на 20 арестантов, который в 1837 г. выстроил в Климовичах губернский предводитель дворянства Петр Сакович [6, с. 114]. В 1837 г. из казны было выделено 72 850 рублей на постройку тюрьмы в Сенно, на которые в 1839 г. помещиком Севериным Подвинским был возведен каменный двухэтажный тюремный замок с камерами для "раздельного содержания мужчин от женщин, тяжких преступников от маловажных и больных преступников от здоровых" [7, с. 139]. В 1842 г. в здании бывшего по-иезуитского коллегиума была размещена тюрьма в Орше [5, с. 1].

В то же время развитие системы мест лишения свободы сдерживало недостаточное финансирование государством строительства тюрем. Так, еще в 1819 г. в Министерство внутренних дел местными властями были направлены проекты и сметы на строительство в уездных городах 8 тюремных замков на общую сумму 139 509 рублей, однако их строительство так и не состоялось в связи с отсутствием в казне соответствующих денежных средств [8, с. 14]. В 1833 г. в Главное управление путей сообщения и публичных зданий был направлен проект каменного двухэтажного тюремного замка, строительство которого было оценено на сумму 209 300 рублей и планировалось в Могилеве [4,

с. 21]. Однако в связи с отсутствием средств на строительство тюрьма построена так и не была.

В связи с тем, что для постройки тюрем во всех уездах, где в этом имелаась необходимость, денег в казне не хватало, Комитет министров 5 сентября 1839 г. предоставил министру внутренних дел право разрешать строительство казенных зданий (в том числе и тюрем) за счет городских доходов и земских сборов. Тем не менее, увеличения финансирования строительства тюрем после указанного распоряжения не произошло, а губернские власти получили благовидный предлог для отклонения ходатайств об их строительстве. Так, в октябре 1842 г. генерал-губернатор витебский, могилевский и смоленский отклонил запрос могилевского гражданского губернатора о выделении из казны средств на постройку городского острога в Черикове, указав, что “с 1839 г. устройство тюрем относится за счет земств” [9, с. 15].

В связи с недостатком в казне средств на постройку тюрем правительство было вынуждено прибегнуть к еще одному финансовому источнику – собственным средствам подрядчика. 20 апреля 1843 г. Комитет министров Положением “О найме помещений для учреждений ведомства МВД” предписал местным властям осуществлять постройку тюрем за счет средств частных лиц. Сумма, необходимая для строительства, могла полностью либо частично выделяться подрядчику с возвратом ее после окончания строительства. Построенное здание оставалось собственностью подрядчика с отдачей его в аренду государству на срок от 12 до 24 лет и более. Недостатки такого способа строительства заключались в том, что сумма арендной платы, ежегодно уплачиваемая государством, зачастую была намного больше стоимости постройки. Кроме того, все “хозяйственные распоряжения и производство работ по постройке” в соответствии с Положением “представлялись в полную волю хозяина нанимаемого строения”, в связи с чем качество произведенных подрядчиком работ зачастую оказывалось крайне низким. Так, в августе 1850 г., в ходе приемки Чериковского острога, построенного на собственные средства уездным предводителем дворянства Ар-

кадием Рожковским, было установлено, что “фундамента под зданием не имеется, ограда сделана из тонких бревен, между которыми имеются большие дыры, а ворота в ограде разрушаются при небольшом усилии” [9, с. 223].

Проблема переполненности тюрем в Могилевской губернии, как и в Российской империи в целом, в первой половине XIX в. усугублялась ухудшением экономической обстановки. С 1820 по 1850 г. в Могилевской губернии было 10 неурожайных лет, однако помещики с целью увеличения прибыльности имений расширяли посевы за счет крестьянских наделов, что вело к разорению крестьян и росту преступности в губернии [10, с. 91]. Усиление карательной политики государства, в первую очередь в отношении крестьян, являлось причиной увеличения численности арестантов, содержащихся в тюрьмах. Так, в июне 1845 г. в 11 тюремных замках губернии одних только подследственных содержалось 418 человек (для сравнения: в июне 1829 г. – 90 арестантов всех категорий) [11, с. 90]. Влияние полицейского произвола на численность подследственных в Могилевской губернии характеризует количество арестантов, оправданных судами, то есть содержавшихся в тюрьмах без достаточных оснований. Численность арестантов с 1857 по 1859 г. составила 63% от общего количества арестованных, или 4 место по количеству оправданных в Российской империи в целом [12, с. 520]. Направленность карательной политики государства характеризовалась и социальным составом арестованных, из которых 343 человека составляли крестьяне, 37 – мещане и 26 – дворяне. Наибольшее количество крестьян – 114 человек – было арестовано за бродяжничество, что объясняется как усилением помещичьего произвола в отношении крестьян, так и их разорением. На это указывает и численность крестьян, арестованных за имущественные преступления (кражи и грабежи), – 117 человек. 28 крестьян находились под стражей за неповиновение владельцам, что также свидетельствовало о кризисе феодально-крепостнической системы [11, с. 100].

Кроме социально-экономических причин роста численности арестованных, на

этот процесс повлияло и изменение уголовного законодательства – издание в 1845 г. нового “Уложения о наказаниях”. Для российской пенитенциарной системы указанный правовой акт значим в связи с определением в качестве одного из основных видов наказаний тюремного заключения. Если в “Своде законов” 1832 г. данное наказание упомянуто лишь в 18 статьях, то в Уложении 1845 г. – в 333 [12, с. 47]. Особенность реализации в Могилевской губернии правовых норм Уложения заключалась в том, что если в Российской империи в целом наряду с тюремным заключением широко применялись иные виды лишения свободы – отдача в арестантские роты гражданского ведомства (составлявшие в период с 1847 по 1851 г. 42% от всех назначенных видов лишения свободы) и заключение в рабочий и смиренный дома (составлявшие 17% соответственно), то на территории губернии тюремное заключение стало основным видом наказания [12, с. 50]. Построенные в Могилеве в 1836 г. смиренный и рабочий дома практически не функционировали в связи с тем, что местными судами наказание в виде заключения в указанные учреждения почти не назначалось (за период с 1839 по 1841 г. там содержалось всего 27 человек), и в 1843 г. здание смиренного и рабочего дома передали дому инвалидов [13, с. 164]. Планируемое по распоряжению министра внутренних дел в 1850 г. учреждение в Могилеве арестантской роты гражданского ведомства не состоялось, потому что согласно “Положению об арестантских ротах” от 15 августа 1845 г. устройство и содержание арестантских рот осуществлялось за счет земских повинностей, а необходимой для этого суммы в 77 081 рубль собрать не удалось. Как следовало из донесения могилевского гражданского губернатора, “из-за бывших неурожаев и бедности жителей губернии постройка здания арестантской роты за счет сумм земского сбора сделана быть не может” [14, с. 73]. Соответственно, в связи с приоритетом тюремного заключения численность арестантов в тюрьмах губернии возросла еще больше: если в 1829 г. там содержалось 243 человека, то в 1853 г. – 1 413 человек [1, с. 13]. По состоянию на октябрь 1854 г. одних только

подследственных в тюрьмах насчитывалось 423 человека, причем первое место среди совершенных ими преступлений по-прежнему занимало бродяжничество, второе – кражи, третье – сопротивление помещичьей власти [11, с. 115].

Важнейшим правовым актом XIX в., оказавшим влияние не только на социально-экономическое развитие России, но и на применение уголовных наказаний и, соответственно, на динамику численности осужденных в местах лишения свободы, стал закон от 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права. Отменив право помещиков на назначение крестьянам наказаний, закон определил их подсудность государственным судебным учреждениям, что привело к очередному росту численности осужденных в местах лишения свободы Российской империи. Соответственно, осталась велика и численность арестованных в тюрьмах Могилевской губернии. Так, к 1863 г. там содержалось 1 151 человек (без учета арестованных – участников восстания 1863 г.) [15, с. 43]. В главном тюремном учреждении губернии, Могилевском тюремном замке, в конце 1851 г. содержалось 100 человек, а в конце 1863 г. – 210 человек (также без учета “политических арестантов”) [16, с. 15]. Из них 64 человека (в основном крестьяне) были арестованы за кражи и грабежи в связи с тем, что после проведения реформы они не могли приспособиться к новой социально-экономической обстановке и их материальное положение ухудшилось. 46 крестьян содержались в тюрьме за бродяжничество, что отражало проблему увеличения численности населения, не имеющего определенного места жительства, отмечавшуюся и могилевским гражданским губернатором, который в отчете о состоянии губернии за 1863 г. указывал, что “за год полицией в губернии было поймано 600 нищенствующих бродяг” [15, с. 47].

Для решения проблемы переполненности тюремных замков, вызванной указанными причинами, в Могилевской губернии было продолжено строительство новых тюрем. В 1851 г. каменный тюремный замок, на строительство которого из казны было выделено 37 992 рубля, был построен в Черикове [17, с. 75]. В резуль-

тате количество каменных тюрем в губернии в сравнении с 1830 г. увеличилось с 2 до 5. Также в 1863 г. вместо нанимаемых в Белице у частных лиц помещений деревянная, на каменном фундаменте тюрьма за средства подрядчика была построена в Гомеле [15, с. 75]. Однако ситуация усугублялась совместным содержанием осужденных и подследственных из-за отсутствия возможности размещения подследственных в арестных помещениях. Как отмечалось в указанном выше отчете за 1863 г., «арестантские помещения при полицейских управлениях в губернии находятся в самом жалком состоянии, а содержащиеся в них лица виновны в проступках, влекущих лишь ничтожные штрафы» [15, с. 75]. Для решения проблемы переполненности тюрем императорским указом от 17 июля 1846 г. во всех тюремных замках Российской империи предписывалось построить деревянные, на каменном фундаменте здания для отдельного содержания следственных арестантов. Указанные помещения в 1849 г. были построены в Оршанском, Быховском и Чаусском городских острогах, на что было израсходовано 5 665 рублей [18, с. 18]. Однако ввиду того что финансирование строительства этих помещений в соответствии с указом осуществлялось из земских сборов, которых для дальнейшего строительства было недостаточно, в остальных тюрьмах губернии помещения для подследственных построены не были.

Проблема отсутствия в тюрьмах мест для размещения арестантов стала особенно актуальной на землях Беларуси во время восстания 1863 г. В ходе его подавления в Могилевской губернии под арестом содержалось более 800 повстанцев [15, с. 43]. Только в Могилеве с начала деятельности следственной комиссии с апреля до декабря 1863 г. их содержалось 396 человек [19, с. 215]. Для устранения переполненности тюрем губернские власти организовали содержание арестантов в других помещениях, в Могилеве – в казармах батальона внутренней стражи и богоугодных заведений, а в уездных городах – в домах, нанятых у частных лиц [19, с. 21]. Однако в этих помещениях могло содержаться не более 10-12 человек, в то время как только с мая 1863 г. за 2 месяца

работы следственных комиссий «по позорению в мятеже» в Орше содержалось 65 человек, в Черикове – 78 человек, в Сенно – 80 человек» [20, с. 186]. В соответствии с приказом командующего войсками Могилевской губернии в Могилевском тюремном замке должны были содержаться только те участники восстания, следственные действия в отношении которых были завершены, а также повстанцы, которых в связи с «их дерзким поведением» предписывалось «содержать в секретной камере на хлебе и воде» [21, с. 84]. Тем не менее, к ноябрю 1863 г. численность арестованных повстанцев в Могилевском тюремном замке составила 90 человек, в результате чего при лимите наполнения тюрьмы в 150 человек общая численность заключенных под стражу составила 300 человек. И, как отмечалось в прошении находящихся под стражей в Могилевском замке повстанцев, «от чрезвычайной стесненности здоровье подследственных крайне расстроилось и среди них начались различные болезни» [22, с. 96]. В целом содержание в тюрьмах губернии участников восстания 1863 г. привело к очередному росту численности арестантов – с 1 413 в 1853 г. до 1 950 – в 1863 г., что существенным образом усложнило функционирование пенитенциарной системы в губернии.

Заключение

Таким образом, кризис феодально-крепостнической системы Российской империи во второй четверти XIX в. обусловил усиление деятельности государственного карательного аппарата, что привело к увеличению численности лиц, содержавшихся в тюрьмах, как в общегосударственном масштабе, так и в Могилевской губернии, что стало причиной роста на территории губернии числа мест лишения свободы. Развитие пенитенциарной системы ускорило как изменение уголовного законодательства, так и реформа 1861 г. в связи с последовавшим за их реализацией ростом численности лиц, подвергнутых тюремному заключению. Особенность Могилевской губернии состояла в том, что тюремное заключение на ее территории стало основным видом наказания, а становление системы мест лишения свободы осуществлялось путем строительства

тюремных замков, в результате чего в конце первой половины XIX в. указанный процесс в Могилевской губернии был завершен. В то же время развитие системы мест лишения свободы сдерживали причины экономические (недостаточное финансирование государством строительства тюрем) и правовые (отсутствие в законодательстве норм, предусматривающих как отдельную подведомственность, так и раздельное содержание осужденных и подсудимых), в результате чего тюрьмы в Могилевской губернии на протяжении XIX в. в основном использовались как место содержания подсудимых, что привело к переполнению их арестантами. Для Могилевской губернии указанная проблема стала особенно актуальной в ходе подавления восстания 1863 г., когда водворение в тюрьмы, наряду с осужденными, подсудимых участников восстания привело к отсутствию в тюрьмах мест для размещения арестантов и существенным образом усложнило функционирование пенитенциарной системы в губернии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. НИАБ. – Ф. 1297. Оп. 1. Д. 4352.
2. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1297. Оп. 1. Д. 4198.
3. НИАБ. – Ф. 1297. Оп. 1. Д. 7514.
4. НИАБ. – Ф. 2001. Оп. 1. Д. 92.
5. НИАБ. – Ф. 2224. Оп. 1. Д. 23.
6. НИАБ. – Ф. 2224. Оп. 1. Д. 19.
7. НИАБ. – Ф. 1297. Оп. 1. Д. 9034.
8. НИАБ. – Ф. 2001. Оп. 2. Д. 42.
9. НИАБ. – Ф. 2224. Оп. 1. Д. 135.
10. **Ковкель, И. И.** История Беларуси с древнейших времен до нашего времени / И. И. Ковкель, Э. С. Ярмусик. – Минск : Аверсэв, 1998. – 592 с.
11. НИАБ. – Ф. 1297. Оп. 1. Д. 25805.
12. **Гернет, М. Н.** История царской тюрьмы : в 5 т. / М. Н. Гернет. – Москва : Госюриздат, 1961. – Т. 2. – 582 с.
13. НИАБ. – Ф. 1297. Оп. 1. Д. 5913.
14. НИАБ. – Ф. 2224. Оп. 1. Д. 283.
15. НИАБ. – Ф. 2001. Оп. 1. Д. 886.
16. НИАБ. – Ф. 2150. Оп. 1. Д. 53.
17. НИАБ. – Ф. 2224. Оп. 1. Д. 371.
18. НИАБ. – Ф. 1297. Оп. 1. Д. 18634.
19. НИАБ. – Ф. 2001. Оп. 2. Д. 54.
20. НИАБ. – Ф. 2001. Оп. 2. Д. 41.
21. НИАБ. – Ф. 2150. Оп. 1. Д. 49.
22. НИАБ. – Ф. 2001. Оп. 2. Д. 32.

Поступила в редакцию 03.01.2018 г.
Контакты: + 375 44 709-15-39
(Чайкин Сергей Николаевич)

Chaikin S. THE DEVELOPMENT OF DETENTION SYSTEM IN MOGILEV PROVINCE IN THE XIX CENTURY.

The examination of the archived data on the development of detention places in the Mogilev province and the whole Russian Empire is provided in the article. The local peculiarities of detention system development related to the revolt in 1863 are revealed.

Keywords: the Russian Empire, Mogilev province, detention places, prison, the revolt of 1863.

УДК 327

**ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
БЕЛОРУССКО-ИЗРАИЛЬСКОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В 2000-х –
НАЧАЛЕ 2010-х гг.**

К. В. Ших

аспирант

Белорусского государственного университета

В статье рассматриваются ключевые направления двустороннего взаимодействия между Республикой Беларусь и Государством Израиль в 2000-х – начале 2010-х гг. Выявлены три блока, отражающие основные подходы и особенности развития политического диалога, характеризующегося неоднократным пересмотром данного сотрудничества, расширением экономических контактов, а также углублением культурных связей. Автор подводит итоги совместной кооперации, сопряженные с развитием межгосударственных отношений, экономическими возможностями двух государств и общей историей двух культур и народов.

Ключевые слова: Беларусь, Израиль, внешняя политика, экономика, культура, двусторонний диалог, отношения, углубление сотрудничества.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена, прежде всего, недостаточной степенью изученности белорусско-израильских двусторонних отношений в современной белорусской историографии.

Для Республики Беларусь Израиль является важным партнером на Ближнем Востоке, поскольку он занимает лидирующие позиции по росту ВВП, а его экономика основывается на постоянном инновационном совершенствовании [1]. На примере данной публикации предпринята попытка углубленного анализа приоритетных направлений в двустороннем сотрудничестве.

При написании статьи были использованы соглашения и договоры, подписанные между двумя государствами, регулирующие двустороннее взаимодействие [2, с. 19–20], и нормативно-правовой акт Республики Беларусь, закрепляющий основные направления внутренней и внешней политической деятельности нашей стра-

ны [3]. Проблема белорусско-израильского взаимодействия исследуется в работах белорусских, израильских, российских и французских авторов. Среди белорусских ученых данную тематику исследовали А. Цыбулько [4] и И.П. Кирилюк [5]. Следует также отметить публикации газеты “Авив”, отражающие практический характер взаимодействия между Беларусью и Израилем. В данной статье автор попытался обобщить совместный опыт в приоритетных сферах двустороннего сотрудничества, основываясь также на исследованиях и работах М. Фарфеля [6], Т.А. Карасовой [7], Л.М. Хуажевой [8], И. Фридмана [9], С. Le Foll [10], З. Бен-Ар’е [11], З. Ханина [12]. Дополнительными источниками для исследования проблемы явились электронные сайты Президента Республики Беларусь, Премьер-министра Государства Израиль, Министерства иностранных дел Республики Беларусь, Посольства Республики Беларусь в Израиле, а также ряд белорусских и израильских журналов, газет и информационных порталов.

Главной целью работы является выявление динамики отношений между двумя государствами, а также анализ встречающихся противоречий, стимулировавших в конечном счете дальнейшее политическое, экономическое и культурное развитие двусторонних связей между государствами.

Основная часть

Белорусское государство, ориентирующееся на плодотворную работу в своем сотрудничестве как с западными, так и с восточными партнерами, всегда исходило из необходимости выстраивания прагматичного диалога между странами [3]. Основываясь на ключевых показателях всестороннего сотрудничества с государствами Ближнего Востока, Беларусь придает важное значение развитию кооперации с Израилем в таких вопросах, как расширение политических контактов, углубление экономического и культурного взаимодействия [13, с. 2]. Белорусская ближневосточная политика на современном этапе представляет собой целый комплекс мер, принятых внешнеполитическим ведомством страны, которые позволяют выявлять существующие тенденции

в развитии отношений с зарубежными государствами.

Установление доверительных и тесных отношений Беларуси со странами Ближнего Востока, в частности с Израилем, является неотъемлемым атрибутом внешней политики современного, независимого государства. Изучение основных механизмов данного сотрудничества через призму деятельности министерств, ведомств, учреждений, общественных организаций является исключительно важным для налаживания максимально интенсивного диалога и продуктивного сотрудничества между двумя государствами. Для понимания сформировавшегося и выработанного внешнеполитического курса, проводимого Беларусью в отношении Израиля и наоборот, необходимо проследить динамику отношений в следующих сферах.

Политическая сфера. С момента установления дипломатических отношений в 1992 г. именно политический блок двусторонних взаимоотношений являлся одним из самых уязвимых в двусторонней кооперации [6, с. 106]. С одной стороны, миролюбивая внешняя политика Беларуси позволила государству заявить о себе на международной арене и наладить контакты с большинством стран мира, в том числе государствами, которые имеют давние неразрешенные конфликты с официальным Тель-Авивом. Еще в 2000 г. в Иерусалиме глава белорусского государства на встрече с израильским коллегой отметил важность расширения двусторонних контактов по всем направлениям. Выполнение своих обязательств перед партнером не просто громкие слова, а разработанная Беларусью внешнеполитическая доктрина, стимулирующая развитие связей с зарубежными государствами. Как отметил Президент Беларуси А. Лукашенко, во время выступления с посланием белорусскому народу и Национальному собранию в 2013 г., «недопустимо, чтобы между такими странами, как Беларусь и Израиль функционировал визовый режим». Было также отмечено, что «в Израиле около 15% населения являются выходцами из СССР, которые также принимают активное участие в жизни государства» [14]. В этой связи, несмотря на затягивание процесса израильской стороной по ратификации со-

глашения, введение в 2015 г. безвизового режима между странами говорит о высоком уровне доверия и эффективности дипломатии как инструмента внешней политики государств [15].

С другой стороны, необходимо учитывать основные принципы, цели и задачи внешнеполитического курса израильского руководства, которые направлены на максимальное расширение и углубление контактов со своим основным союзником – США [7, с. 445–448; 8, с. 54–57].

Развитие отношений со странами бывшего Советского Союза остается важным для Тель-Авива, однако не приоритетным. В этой связи следует обратить внимание на порой «волнообразную» модель поведения в отношении Беларуси, связанную с принятым решением о закрытии, затем открытии израильского представительства в Минске в 2003 и 2015 гг. [16]. Помимо фактора внутривосточной борьбы между правящей партией Ликуд и партией НДИ (Наш дом Израиль), в которой израильское посольство в Минске стало инструментом давления на лидера партии НДИ А. Либермана, по мнению израильского руководства, Беларусь не входила в число стран, способных самостоятельно принимать решения относительно той или иной сложившейся ситуации как внутри страны, так и на международной арене [17; 18]. В конечном счете финальной целью данных решений было ограничиться израильским культурным центром в Минске, который бы взял на себя все необходимые обязательства в качестве основного координатора между двумя государствами, но на самом деле выполнял бы исключительно информативную функцию в виде распространения информации об Израиле в стране пребывания. Однако окончательное переосмысление вопроса о деятельности израильского посольства в Беларуси, способствующего укреплению связей между странами и подтверждающего значимость их «особых отношений» и той роли, которую играет Беларусь в попытках урегулировать вооруженный конфликт на востоке Украины, в целом не могло не оказать влияние на принятие израильским правительством решения о возобновлении работы посольства в белорусской столице [19; 20, с. 2; 21].

Более того, активизация сотрудничества по линии МИД и парламентов двух государств позволила активнее вносить предложения по углублению взаимодействия и расширению контактов на всех уровнях. Следует отметить, что кооперация Беларуси и Израиля в международных организациях, на международных площадках, сотрудничество по линии холокоста позволили двум государствам выявить основные точки соприкосновения, которые естественным образом вылились в новые темы для переговоров, как введение безвизового режима, позволив наладить конструктивный разговор по целому ряду существующих проблем [2; 22].

Политический диалог между Беларусью и Израилем не в полной мере характеризует уровень и потенциал двусторонних отношений. На высшем уровне как активности таковой за исследуемый период не наблюдалось. В отличие от начала 1990-х гг., где партнеры были заинтересованы в углублении связей и регулярно поддерживали контакты на самых разных уровнях, прорыва в 2000-х и начале 2010-х гг. так и не произошло. Вместе с тем следует отметить заинтересованность Беларуси в развитии долгосрочных отношений с еврейским государством, основанных на прагматизме и взаимодоволии. Позиция Минска по закрытию своей дипмиссии в Тель-Авиве в 2003 г. является тому подтверждением. Более того, необходимо учитывать внешнюю политику Израиля, который после Шестидневной войны в 1967 г. стал ориентироваться в большей степени на Вашингтон. Ввиду напряженных отношений Минска с США следует рассматривать политику Израиля в отношении Беларуси, которая на протяжении всего периода была открыта к диалогу с Тель-Авивом, как осторожную.

Второй важнейшей сферой является *экономика*. Общие интересы и проекты в области экономики лишь способствовали развитию отношений Беларуси с Израилем в полном объеме. Если в 1990-е гг. Израиль больше проявлял интерес к белорусскому рынку, то в начале 2000-х гг. уже белорусские деловые круги, ведущие предприятия и заводы страны стали постепенно осваивать израильский рынок [23, с. 1].

Экономическое сотрудничество двух государств характеризуется поэтапным ростом взаимного товарооборота. За последние годы он значительно вырос (с 78 млн долл. США в 2009 г. до 127 млн долл. США в 2014 г.) [24, с. 216]. В данном случае пример кооперации Беларуси с Израилем позволяет констатировать взаимную заинтересованность в налаживании контактов в различных областях экономики. При этом следует отметить, что, сотрудничая с Израилем, Беларусь акцентирует внимание на установлении долгосрочных контактов с израильскими партнерами и укреплении позиций белорусских производителей на израильском рынке. Именно с этой целью была создана основательная договорно-правовая база, регулирующая торгово-экономическое сотрудничество Республики Беларусь и Государства Израиль, состоящая из:

- межправительственных соглашений о торговом и экономическом сотрудничестве; о сотрудничестве в области сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности; о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций; о сотрудничестве в области стандартизации, метрологии и оценки соответствия;

- протоколов о финансовом сотрудничестве между Правительством Республики Беларусь и Правительством Государства Израиль; о внесении изменений и дополнений в рамочное соглашение о финансовом сотрудничестве между Правительством Республики Беларусь и Правительством Государства Израиль;

- Конвенции об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов на доходы и капитал [25; 26; 27].

Помимо этого, Израиль представляет особый интерес для Беларуси в сфере финансов и инвестиций. Приоритетным направлением в данном сотрудничестве являлось инвестирование в различные сферы белорусской экономики (начиная от сферы недвижимости и заканчивая сельским хозяйством) [4, с. 1–2; 9, с. 102; 28, с. 2]. Интерес у белорусской стороны был вызван тем, что Израиль может привнести новые технологии в отечественную промышленность и наладить производ-

ство с использованием израильских работ. Израильские бизнесмены только через коммерческие структуры в третьих странах ежегодно инвестировали в белорусскую экономику до 400 млн долл. США [29, с. 68]. Регулярное проведение круглых столов как в Минске, так в Тель-Авиве и Иерусалиме по экономическому блоку способствовали налаживанию контактов между финансовыми институтами двух государств [30].

Ввиду целого ряда причин, по которым сотрудничество Республики Беларусь с рядом государств Ближнего Востока ограничивается определенным перечнем конкретных позиций, экономическая кооперация с Израилем, в свою очередь, выходит за пределы привычного списка экспортируемых белорусских товаров и основывалась прежде всего на диверсифицированном перечне продаваемых товаров на израильском направлении. Однако, помимо уже зарекомендовавших себя товаров тяжелой и легкой промышленности, в последние годы замечен рост экспорта именно IT-услуг, что не может не свидетельствовать о разноплановости белорусской внешнеэкономической политики [31].

Несмотря на это, необходимо отметить, что в данной сфере потенциал двух стран не в полной мере был использован. Это касается деятельности белорусских экспортеров, которые недооценивали потребности Израиля и не использовали имеющиеся возможности не только с целью закрепиться на этом рынке, но и выйти на соседние. Наряду с этим, товарооборот между государствами ежегодно рос, однако доля в нем израильского импорта заметно превышала долю белорусского экспорта. В начале 2010-х гг. отношения с Израилем были больше ориентированы на диверсификацию белорусского экспорта на израильском направлении. Это, отнюдь, не естественная задача, поставленная белорусским руководством перед отечественными производителями, а необходимая мера по расширению географии экспорта.

Культурная дипломатия. Данная сфера способствует укреплению взаимопонимания между всеми участниками международных отношений. В данном

случае, Израиль — объективно интересный и неординарный партнер для Беларуси в данной сфере. Историческая близость и общая многовековая история двух народов являются прочным фундаментом взаимоотношений между двумя странами [10, с. 9–11; 11, с. 6; 32]. Наличие в Израиле крупнейшей белорусской диаспоры в регионе также способствует сближению двух наций [5, с. 390–391; 12, с. 1–2]. Взаимодополняемость культур позволила тут же найти представителям общественных организаций общий язык для обсуждения насущных проблем. С момента установления официальных контактов между странами культурный диалог приобрел новую силу и стал духовным локомотивом во взаимоотношениях между Беларусью и Израилем.

Широкую популярность получило проведение дней культуры обеих стран. Помимо Минска и Тель-Авива, многие другие города по очереди принимали участников торжественных мероприятий. В частности, в Израиле представили свое творчество белорусские художники, артисты, вокальные ансамбли. Традицией стали концерты, посвященные истории Беларуси, а также встречи белорусских дипломатов с израильскими общественными организациями и студентами с целью по ближе ознакомить израильтян с синеокой. В свою очередь, дни израильской культуры в Беларуси со временем стали популярными. Это вызвано, прежде всего, неподдельным интересом к стране, с которой у белорусов с евреями общая многовековая история. Более того, Израиль стал еще более привлекательным с введением безвизового режима и популяризацией IT-индустрии, в которой преуспели оба государства.

Особенное место в культурном диалоге занимает проблема холокоста. В Беларуси, как и в Израиле, чтут память жертв времен Второй мировой войны. Из 51 государства Беларусь занимает 9-ю строчку по количеству Праведников народов мира [33]. Люди, удостоенные звания «Праведник народов мира», награждаются специальной медалью с именем спасителя, отчеканенном на ней, и Почетным удостоверением. Имя Праведника вывешивается на мемориальной стене в Саду

Праведников, находящемся на территории Яд Вашем в Иерусалиме. Являясь сторонником увековечивания памяти павших в годы войны и противником тех, кто предпринимает попытки переписать историю, белорусское руководство совместно с израильским проводило целый ряд памятных мероприятий с целью не дать забыть общественности о тех трагических событиях.

Следует обратить внимание на тот факт, что белорусская сторона уделяет особое внимание развитию и поддержанию связей с белорусами зарубежья. Кроме памятных сооружений, установленных за границей и посвященных известным белорусским деятелям, общепризнанным культурным мостом стали сами белорусы, проживающие за пределами своей родины. С образованием Консультативного совета при МИД Беларуси по делам белорусов зарубежья в 2014 г., который, по словам министра иностранных дел В. Макея, «может выступать в качестве важной площадки для дискуссии по разработке государственной стратегии «Беларусь-диаспора» на период до 2025 г.», появилась возможность активнее сотрудничать с властями и деловыми кругами тех государств, в которых проживают выходцы из Беларуси [34]. В этом контексте следует отметить огромную роль, которую играет белорусское землячество в Израиле для укрепления связей между двумя государствами во всех сферах.

На Ближнем Востоке Беларусь имеет надежную опору во главе с белорусским землячеством в Израиле и соответствующими организациями, которые с момента своего основания еще в прошлом веке уделяли и продолжают уделять большое внимание белорусско-израильскому культурному диалогу [35].

Взаимодействие в области культуры придает особое значение белорусско-израильскому сотрудничеству. Участие высших должностных лиц в мероприятиях, посвященных окончанию Второй мировой войны, а также трагедии холокоста способствует укреплению отношений. Культурная дипломатия стала одним из основных инструментов белорусской ближневосточной внешней политики. На примере Израиля Беларуси удалось наладить конструктив-

ный диалог с ближневосточными партнерами, акцентируя при этом внимание на необходимости перехода от пассивности к активному участию в решении культурно-гуманитарных вопросов в двустороннем взаимодействии.

Заключение

История взаимоотношений Беларуси с Израилем основывается на прочных исторических связях. Она выходит за рамки традиционных дипломатических отношений и распространяется как на экономическую, так и на культурную сферы. Несмотря на то что Государство Израиль не входит в число основных внешнеторговых партнеров Республики Беларусь, это государство проявляло заинтересованность в сотрудничестве в области сельского хозяйства, строительства и высоких технологий, что делает изучение опыта двусторонних белорусско-израильских отношений не только теоретически, но и практически значимым. В условиях новейших технологий и новых возможностей, с которыми сталкиваются государства, Беларуси интересен израильский опыт, в связи с чем руководство страны придает важное значение развитию отношений с ближневосточным партнером, прежде всего, в сфере экономики. Созданные условия позволили деловым кругам активизироваться и наметить планы, ориентированные на расширение связей в различных отраслях данной сферы. За исследуемый период Беларуси удалось отойти от устаревших мер, предпринимаемых в целях увеличения отечественного экспорта в государства, являющиеся традиционными партнерами, и перейти к новому формату, ориентированному на наращивание экспортного потенциала в другие регионы (в частности, на Ближний Восток). Однако необходимо констатировать понимание Беларусью емкости израильского рынка и желание переориентировать данное взаимодействие в инвестиционную плоскость, которая, в свою очередь, превышает суммарный товарооборот в несколько раз.

Договорно-правовая база между государствами позволила расширить круг сфер деятельности для бизнес-кругов, научных и культурных институтов. Созданные политические, экономические и культурные пло-

щадки для переговоров и обмена мнений по наиболее актуальным вопросам двустороннего взаимодействия явились фундаментом для реализации комплексных мер по углублению и укреплению взаимодоверительного диалога между двумя государствами. Очевидным является тот факт, что в двустороннем сотрудничестве политический уровень контактов заметно отстает от других сфер. Отсутствие полноценного диалога на высшем уровне тормозило развитие отношений. Возможное “дистанцирование” израильских властей от более тесного взаимодействия с Беларусью по политической линии можно охарактеризовать как время упущенных возможностей. Несмотря на это Минску было важно продолжать углублять связи с израильскими коллегами, которые в конечном счете привели, с одной стороны, к необходимости в отношениях с Израилем выработать новый подход, основанный на прагматизме, с другой – подписание соглашения о безвизовом режиме.

Пример двусторонних отношений Беларуси с Израилем демонстрирует, что социально-политическая устойчивость и рост экономического уровня в сочетании с активной разносторонней дипломатией могут способствовать повышению международного имиджа двух стран. На протяжении последних лет культурная дипломатия позволила Республике Беларусь выстроить отношения с зарубежными партнерами таким образом, что если несколько лет назад о Беларуси знали очень мало, то сегодня наше государство на слуху у большинства субъектов международных отношений.

Беларусь проводит многовекторную и миролюбивую внешнюю политику и является государством, в котором на протяжении многих веков проживали представители различных конфессий и национальностей, среди которых особое место занимают евреи, потомки татар и др. Данные факторы обусловили высокую репутацию Беларуси как в Израиле, так и в ближневосточном регионе в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Беларусь и страны Африки и Ближнего Востока [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – 2014. – Режим доступа: http://mfa.gov.by/bilateral/asia_africa/. – Дата доступа: 28.09.2017.
2. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Государства Израиль об отмене виз для владельцев национальных паспортов [Электронный ресурс]: [заключено в г. Минске 19.09.2014 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
3. Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 14 ноября 2005 г. № 60-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
4. **Цыбулько, А.** Агробизнес без границ: в последнее время сотрудничество между Беларусью и Израилем в области сельского хозяйства развивается довольно успешно / А. Цыбулько // Белорус. нива. – 2010. – 3 дек. – С. 1–2.
5. **Кирилюк, И. П.** Основы развития белорусско-еврейского межкультурного диалога / И. П. Кирилюк, М. М. Урбан // Европейский Союз и Республика Беларусь: перспективы сотрудничества: Междунар. конф. : сб. материалов / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. – Минск, 2014. – С. 390–394.
6. **Фарфель, М.** Открытый перелом / М. Фарфель. – Тель-Авив : Слово, 2009. – 253 с.
7. **Карасова, Т. А.** Израиль и США: основные этапы становления стратегического партнерства, 1948–2014 / Т. А. Карасова. – Москва : Аспект-Пресс, 2015. – 462 с.
8. **Хуажева, Л. М.** К вопросу о влиянии произраильского лобби на внешнюю политику США (90-е гг. XX – начало XXI вв.) / Л. М. Хуажева // Вестн. Адыгейс. гос. ун-та. Сер. 1, Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2013. – № 3. – С. 53–58.
9. **Фридман, И.** “Мы верим в белорусский рынок” / И. Фридман // Дело: бизнес в Беларуси. – 2013. – № 3. – С. 102–103.
10. **Le Foll, C.** Les juifs de Biélorussie dans l'historiographie occidentale et russe / C. Le Foll // Bull. du Centre de recherche fr. de Jerusalem. – 2002. – № 11. – P. 9–27.
11. **Бен-Ар'е, З.** “Радуюсь вашим успехам...” : [гутарка з Надзвычай. і Паўнамоц. Паслом Ізраіля ў Беларусі Зэевам Бен-Ар'е] / З. Бен-Ар'Е ; гутарыла

- Н. Кірпічэнкава // Культура. – 2008. – 9–15 лют. – С. 6.
12. **Ханин, З.** Белорусская диаспора в Израиле – одна из самых влиятельных // Дом Януша Корчака в Иерусалиме. 2012. – № 23. – С. 1–2.
13. Беларусь-Израиль: горизонты сотрудничества [беседа с Послом Израиля в Беларуси Э. Валк] // Авив. – 1993. – дек. – С. 2.
14. Послание к белорусскому народу и Национальному собранию [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь. – 2013. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/poslanie-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-8567/. – Дата доступа: 28.09.2017.
15. О встрече Министра иностранных дел Беларуси В. Макея с Министром абсорбции Израиля С. Ландвер и подписании Соглашения об отмене виз между Беларусью и Израилем [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – 2015. – Режим доступа: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/a265b40724c370d2.html. – Дата доступа: 20.07.2017.
16. **Либерман, А.** “Ликуд” создает партию “русских провокаторов”. Интервью [Электронный ресурс] // Новостной портал newru.co.il. – 2015. – Режим доступа: http://www.newru.co.il/israel/03sep2015/lib_int_701.html. – Дата доступа: 12.08.2017.
17. Странное решение [Электронный ресурс] // Газета Авив. – 2016. – Режим доступа: <http://aviv.by/news/strannoe-reshenie/>. – Дата доступа: 12.08.2017.
18. Israel to close Philadelphia consulate, representations in four other cities [Electronic resource] // The Jerusalem Post. – 2016. Mode of access: <http://www.jpost.com/Israel-News/Politics-And-Diplomacy/Israel-to-close-Philadelphia-consulate-representations-in-4-other-cities-439640>. – Date of access: 12.10.2017.
19. Посол Израиля: от закрытия посольства в Минске отказались из-за особых отношений [Электронный ресурс] // Белорусские новости. – 2017. – Режим доступа: <http://naviny.by/article/20170216/1487251473-posol-izraylya-ot-zakrytiya-posolstva-v-minske-otkazalis-iz-za-osobyh>. – Дата доступа: 20.10.2017.
20. Министр иностранных дел Беларуси поставил жирную точку [о ситуации с закрытием израильского посольства в Минске] // Авив. – 2016. – апр.–май. – С. 2.
21. PM Netanyahu Decides Not to Close the Israel Embassy in Minsk, Belarus [Electronic resource] // Prime Minister's office. – 2016. Mode of access: <http://www.pmo.gov.il/English/MediaCenter/Spokesman/Pages/spokeBelarus160316.aspx>. – Date of access: 12.10.2017.
22. Belarusian town marks 75th anniversary of nazi destruction of town's ghetto [Electronic resource] // European Jewish congress. – 2014. – Mode of access: <http://www.eurojewcong.org/communities/belarus.html>. – Date of access: 15.09.2017.
23. Мы формируем свою политику: [интервью М. Фарфеля перед отъездом в Израиль] // Авив. – 1992. – июль. – С. 1.
24. **Ших, К. В.** Современное состояние белорусско-израильских торгово-экономических отношений / К.В. Ших // Беларусь в современном мире : материалы XV Междунар. науч. конф., посвящ. 95-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 27 окт. 2016 г. – Минск, 2016. – С. 216–217.
25. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Государства Израиль о сотрудничестве в области стандартизации, метрологии и оценки соответствия [Электронный ресурс]: [заключено в г. Иерусалиме 18.10.2009 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
26. Об утверждении Государственной программы развития рыбохозяйственной деятельности на 2011–2015 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 07.10.2010 г., № 1453 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
27. Торгово-экономическое сотрудничество между Республикой Беларусь и Государством Израиль [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Государстве Израиль. – Режим доступа: http://israel.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/trade_economic/. – Дата доступа: 13.08.2017.
28. Экономика – основное направление в отношениях Израиля и Беларуси // Авив. – 2009. – май. – С. 2.
29. **Ших, К. В.** Политическое и торгово-экономическое сотрудничество Республики Беларусь с Государством Израиль в 1992–2015 гг. / К. В. Ших // Журнал международного права и международных отношений = Journal of International Law and International Relations. – 2017. – № 1–2. – С. 65–70.

30. Израиль верит в белорусскую экономику [Электронный ресурс] // Информационный интернет-портал. – 2014. – Режим доступа: <http://maxpark.com/community/4391/content/2498702>. – Дата доступа: 14.09.2017.
31. О развитии сотрудничества в культурно-гуманитарной, научно-технической и образовательной сферах [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Государстве Израиль. – 2017. – Режим доступа: http://israel.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/cultural/. – Дата доступа: 01.08.2017.
32. תולדות תהי"ח מבלל (История евреев в Беларуси) [Электронный ресурс] // Мемориальный комплекс истории Холокоста – Яд Вашем. – 2015. – Режим доступа: <http://www.yadyisroel.com/>. – Дата доступа: 04.10.2017.
33. Праведники народов мира [Электронный ресурс] // Мемориальный комплекс истории Холокоста Яд Вашем. – 2017. – Режим доступа: http://www.yadvashem.org/yv/ru/righteous/honoring_the_righteous.asp. – Дата доступа: 08.11.2017.
34. О заседании Консультативного совета при МИД Беларуси по делам белорусов зарубежья под председательством Министра иностранных дел В. Макея [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – 2017. – Режим доступа: http://mfa.gov.by/press/news_mfa/a8e9913e04001329.html. – Дата доступа: 02.10.2017.
35. Объединения выходцев из Беларуси в Израиле [Электронный ресурс] // Белорусское землячество. – 2014. – Режим доступа: http://www.souz.co.il/clubs/categories.html?Club_ID=1&cat=1. – Дата доступа: 17.08.2017.

Поступила в редакцию 24.10.2017 г.
Контакты: kostishykh@tut.by
(Ших Константин Викторович)

Shykh K. PRIORITY DIRECTIONS OF THE BELARUSIAN-ISRAELI COOPERATION IN THE 2000s – EARLY 2010s.

The article examines the key areas of bilateral cooperation between the Republic of Belarus and the State of Israel in the 2000s and early 2010s. The author identifies three main clusters which reflect the key approaches and tendencies of political dialogue development, expanding economic ties and deepening cultural ties. The author describes the process of development linked to the adoption of various measures to strengthen cooperation. The results of such cooperation have been summed up involving intergovernmental relations and economic opportunities of the countries and common history between the cultures and peoples.

Keywords: Belarus, Israel, foreign policy, economy, culture, bilateral dialogue, relations, deepening of cooperation.

УДК 94 (476) "1906"

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1906 г.

Н. А. Шемплехова

аспирант

Могилевского государственного
университета имени А. А. Кулешова

Статья посвящена деятельности представителей белорусских земель в Государственном Совете Российской империи. В ней подробно освещается их участие в первой сессии Госсовета, проходившей с 27 апреля по 4 июля 1906 г. Основой статьи являются стенографические отчеты заседаний, которые позволяют проследить темы выступлений, мнения членов верхней палаты и окончательные решения поставленных вопросов.

Ключевые слова: Государственный Совет, белорусские губернии, И. О. Корвин-Милевский, Г. В. Выковский, С. И. Лопацинский.

Введение

Исследование создания и функционирования Государственного Совета Российской империи является важной темой для изучения, так как дает возможность проследить эволюцию политической системы в Российской империи, позволяет проанализировать соотношение политических сил и популярность различных политических течений.

Помимо опубликованных источников по истории, деятельности и функционированию Государственного Совета Российской империи, использовались архивные документы, содержащиеся в Национальном историческом архиве Беларуси [1, л. 15]. Данные материалы позволяют исследовать процесс выборов в Государственный Совет и дать характеристику его членам от Виленской, Могилевской и Витебской губерний.

Для исследования деятельности представителей белорусских губерний в Государственном Совете Российской империи важным источником являются стенографические отчеты, которые позволяют проследить этапы обсуждения различных законопроектов в Госсовете,

определить позиции членов верхней законодательной палаты и узнать итог обсуждаемых на заседаниях вопросов.

Основная часть

Весной 1906 г. в Государственный Совет Российской империи были избраны: И.О. Корвин-Милевский от Виленской губернии, Г.В. Выковский от Могилевской губернии, С.И. Лопацинский от Витебской губернии. Одним из виднейших представителей белорусских губерний в Госсовете был Ипполит Оскарович Корвин-Милевский.

Он родился 25 июля 1848 г. По вероисповеданию был католиком, по национальности поляком, принадлежал к дворянскому сословию. В 1868 г. окончил юридический факультет Дерптского университета. Получил степень доктора римского и государственного права. Являлся владельцем 4600 десятин и винокуренного завода в Виленской губернии (1906 г.). 11 апреля 1906 г. был избран членом Государственного совета от землевладельцев Виленской губернии. На заседаниях выступал исходя из центристских позиций. 9 мая 1909 г. сложил звание члена Госсовета, так как был не согласен с поддержкой общим собранием решения о сокращении срока полномочий избранных в 1909 г. членов Государственного Совета от западных губерний до одного года. В сентябре этого же года был вновь избран на 1 год по закону от 17 июня 1909 г. В июне 1910 г. был за окончанием срока полномочий [2, с. 134]. Активно участвовал в публичных спорах, хорошо владел русским языком. Прекрасно знал законодательство стран Западной Европы, французскую и английскую парламентскую практику. Также нередко выступал в качестве эксперта, любил демонстрировать свои знания [3, с. 5].

Свою деятельность в Государственном Совете И.О. Корвин-Милевский начал 3 мая 1906 г. В ходе второго заседания первой сессии предметом обсуждения являлись вопросы об образовании комиссий по следующим направлениям: 1) для рассмотрения заявлений членов Государственного Совета о предоставлении всеподданнейшего адреса его Императорскому Величеству; 2) для проверки правильности выборов членов Государственного Совета;

3) для составления наказа Государственному Совету [4, с. 1]. Корвин-Милевский считал, что вопрос о числе членов комиссии должен решаться предварительно, так как от этого числа может зависеть баллотировка и группировка членов на 10, 12 человек и т. д. Он предлагал составить комиссию из 18 человек по той причине, что примерное количество членов Государственного Совета составляло 180 человек. Таким образом, этого числа было бы достаточно для представления всех мнений. Состав комиссии было решено определить в количестве 18 человек [4, с. 1].

В ходе данного заседания в члены комиссии для рассмотрения заявления членов Госсовета о предоставлении всеподданнейшего адреса Его Императорскому Величеству был избран по подсчету голосов Эдвард Войнилович – член Государственного Совета от землевладельцев Минской губернии. На голосовании он получил 76 голосов [4, с. 1].

Также на данном голосовании ставился вопрос о том, необходимо ли образовывать комиссию без особых указаний со стороны Государственного Совета или, наоборот, дать эти указания. Первоначально голосование по данной проблеме проходило в форме вставания, а позже было решено голосовать с помощью подачи белых и синих билетов. Всего в голосовании участвовало 156 человек: 58 проголосовали “за”, 98 – “против”. Решение было следующим: не давать комиссии особых указаний. [4, с. 6].

В комиссию по составлению наказа Государственного Совета вошел И.О. Корвин-Милевский. Он получил 51 голос. В состав комиссии по проверке правильности выборов был избран член Государственного Совета от Виленской губернии – граф А.И. Тышкевич. За его кандидатуру проголосовало 32 человека [4, с. 8].

Таким образом, были сформированы комиссии по всем трем направлениям, заявленным в начале заседания.

Дальнейшая работа И.О. Корвин-Милевского отразилась на третьем заседании первой сессии Государственного Совета 4 мая 1906 г. На данном заседании рассматривался составленный комиссией проект адреса, который предоставлялся его Императорскому Величеству [4, с. 1].

Проект имел различные варианты. Так, например члены Госсовета по назначению В.В. Верховский и А.С. Ермолов предложили комиссии вариант проекта, связанный с объявлением амнистии виновным в политических преступлениях [4, с. 1]. С данным проектом не согласились 4 человека, которые внесли свой проект адреса, а также член комиссии профессор Д.И. Багалей, не присутствовавший на заседании комиссии, а принимавший участие в составлении третьего проекта, который был роздан на данном заседании [4, с. 1].

И.О. Корвин-Милевский высказался по всем трем проектам всеподданнейшего адреса. Первые два из них, на его взгляд, являлись неконституционными, так как член Госсовета по назначению С.С. Гончаров в своем выступлении подчеркивал, что Госсовет должен стоять на защите самодержавия [4, с. 2]. “Первый проект отрицает все значение исторического акта, совершившегося 27 апреля, потому что на основании основных законов и по воле самого монарха Государственный Совет вовсе не призван охранять непоколебимость самодержавной власти, а призван быть одним из трех равноправных органов, составляющих законодательную власть” [4, с. 22–23]. По второму проекту (Д.И. Багалей) должен был осуществляться переход от конституционной системы к парламентской. Кроме того, по мнению Корвин-Милевского, обсуждение данных проектов потребовало бы очень много времени [4, с. 23]. Исходя из позиции выступающего понятно, что он поддерживал проект комиссии Государственного Совета, аргументируя это тщательной проработкой и тем, что тот являлся результатом коллективного труда, а не личного мнения. Кроме того, Корвин-Милевский считал неправильным допускать серьезные расхождения по темпам работы с нижней палатой парламента [4, с. 23]. В итоге по результатам работы заседания более 2/3 членов Совета в качестве адреса императору выбрали проект, представленный от имени комиссии В.В. Верховским и А.С. Ермоловым [4, с. 1].

Активность И.О. Корвин-Милевского в Государственном Совете проявилась и на седьмом заседании первой сессии 23 июня 1906 г. На нем продолжалось рас-

смотрение статей для составления проекта наказа Государственного совета, который регламентировал его деятельность. В статьях определялись права на отпуск и кратковременные отлучки членов верхней палаты, их вознаграждение в период отсутствия на заседаниях [4, с. 5]. Ипполит Оскарович предложил исключить статью № 6 о запрете группе депутатов лично подавать прошения, а также являться для их объяснения в Государственный Совет. Согласно шестой статье в случае, если член Совета отлучался на один день, он должен был обязательно сообщить о своем отсутствии. Но при этом мог уезжать на целую неделю без уведомления председателя. Корвин-Милевский считал первую меру бессмысленной [4, с. 5]. В итоге обсуждений было принято решение баллотировать статью 6 в первоначальном варианте [4, с. 9].

Следующее заседание, на котором И. О. Корвин-Милевский выступил со своими рассуждениями, касалось порядка избрания членов комиссий от Государственного Совета. Оно проходило 24 июня 1906 г. На заседании члены парламента предлагали свои поправки по этому вопросу (ст. 31, 32) [4, с. 1], которые заключались в следующем:

1) предоставить право выборов всем членам высшей палаты (члены Госсовета: от землевладельцев Царства Польского – А.Ю. Напиорковский, по назначению – С.С. Манухин);

2) разделить верхнюю палату на отделы и провести выборы на основе жребия (члены Государственного Совета: от Смоленского земства – В.П. Энгельгардт, по назначению – С.А. Толь, С.М. Лукьянов, Д.Ф. Кобеко, от Саратовского губернского земского собрания – граф Д.А. Олсуфьев, от торговли – С.М. Ротванд.

3) образовать отделы по соглашению (члены Госсовета: по назначению П.А. Сабуров, от Курского губернского земского собрания – князь Касаткин-Ростовский).

Все эти варианты были рассмотрены комиссией по Наказу, в которой состоял Корвин-Милевский [4, с. 13].

Но сам он выступал против разделения Госсовета на отделы по жребию по следующим причинам: Во-первых, он считал жребий слишком рискованным

способом для решения такой серьезной задачи, как выборы членов комиссии Государственного Совета. Во-вторых, Корвин-Милевский полагал, что разделение на отделы по жребию может привести к тому, что меньшинство и большинство голосов у “правых” и “левых” будет не соответствовать количеству их представителей. В-третьих, в результате выборов по жребию вполне вероятно преобладание большинства, а это значит, отсутствие противоположных мнений [4, с. 13].

По оставшимся двум процедурам выборов Корвин-Милевский не выступал. В результате обсуждения проекта Наказа Госсовета было решено принять поправку, предложенную князем Н.Ф. Касаткиным-Ростовским, которая заключалась в образовании отделов по добровольному соглашению.

На десятом заседании первой сессии, 28 июня 1906 г., где обсуждалась проблема наказа Государственного Совета, высказывался И.О. Корвин-Милевский. Он считал излишней поправку члена Государственного Совета по назначению Н.М. Аничкова по статьям 37, 38, так как эта поправка уже содержалась в статье 45: “Председатель и Вице-Председатель Государственного Совета могут присутствовать в заседаниях комиссии и принимать участие в ее занятиях” [4, с. 2]. Выражение “принимать участие в занятиях”, по мнению Аничкова, не указывало на право голоса, поэтому он предложил добавить “с правом совещательного голоса”. В итоге поправка Аничкова была принята Государственным советом [4, с. 2].

Кроме того, на этом же заседании И. О. Корвин-Милевский выступил с поправкой 48 статьи. Он предлагал ведение протокола заседаний для учрежденной комиссии. “<...> Чтобы члены могли проверить редакцию и содержание постановлений” [4, с. 13]. Также считал весомым аргументом в пользу ведения протокола длительность заседаний: “Труд комиссии может затянуться надолго, например, года на два. Как же быть, если нет протокола. В конце концов, члены совершенно забудут, что они постановили в первых заседаниях” [4, с. 13].

И.О. Корвин-Милевский также выступал за составление доклада не канцеляр-

ским лицом, а избранным докладчиком из членов комиссии. Составление же доклада Государственной канцелярией могло происходить, только в случае отказа написания доклада члена Государственного совета. Обсуждая данный вопрос, он ссылался на английскую парламентскую практику, считая неверным давать право на составление доклада лицу, которое не имеет законодательных полномочий. В итоге поправка Корвин-Милевского была принята, но с небольшим изменением: обязательность составления протокола на каждом заседании была отвергнута [4, с. 18].

Помимо данных проблем, И.О. Корвин-Милевский высказывался по вопросу об избрании членов согласительных комиссий. Он предлагал избирать их не отделами по соглашению, а в «Общем Собрании Совета из полного его состава» [4, с. 19]. Свое предложение аргументировал тем, что данные комиссии являются связующим звеном между Госсоветом и Государственной думой, поэтому они должны отражать не отдельные мнения разных групп Государственного Совета, а целостно представлять точки зрения верхней и нижней палат. Путем голосования поправка Корвин-Милевского была отклонена. Противники поправки считали неуместным обсуждать вопрос о согласительных комиссиях в наказе в связи с упоминанием не только о Госсовете но и о Государственной думе [4, с. 19].

Следующее выступление И.О. Корвин-Милевского состоялось на двенадцатом заседании Государственного Совета. Оно касалось рассмотрения дела об ассигновании в размере 15 миллионов рублей в течение 1906 г. Этот кредит планировалось использовать для нужд губерний, пострадавших от неурожая. Корвин-Милевский по этому вопросу высказывался следующим образом: он считал, что бюджет 1906 г. уже утвержден и что Государственный Совет не может его изменять. Но, несмотря на это, важно было избежать конфликта с Государственной думой, которая являлась инициатором рассматриваемого проекта. Так как она действовала в интересах крестьянства, он считал нужным утвердить этот проект [4, с. 4].

В результате голосования законопроект Государственной думы был принят.

Всего проголосовало значительное большинство членов Госсовета [4, с. 7].

На тринадцатом заседании Госсовета И.О. Корвин-Милевский выступал против статьи 58, в которой шла речь о принятии и отклонении законопроектов в связи с тем, что, по его мнению, в статье были допущены орфографические ошибки: «В том виде, как статья изложена, я не могу ее принять, так как она составлена вопреки правилам грамматики. В статье указывалось: «Утвержденных его Императорским Величеством и не удостоившихся Высочайшего утверждения». Законопроект не может быть одновременно и утвержденным, и не удостоившимся Высочайшего утверждения, поэтому предлагаю вставить слово «о» перед словами «не удостоившихся»» [4, с. 4]. Поправка Корвин-Милевского была отвергнута, и принята статья 59 в редакции комиссии. Представитель белорусской губернии выступил за поправку статьи 62, сделанную членом Государственного Совета Д.И. Багалеем, и предложил допустить прочтение нужных документов на заседаниях Госсовета для разъяснения проблемы [4, с. 8].

Помимо вышеперечисленного, И.О. Корвин-Милевский поддержал 79 статью Наказа, которая предусматривала самостоятельность Государственного Совета в разработке законопроектов: «<...> Не будь статьи 79 Наказа, право законодательного почина, дарованное Государственному Совету, было бы уничтожено, то есть закон не имел бы своего смысла, потому что тогда мы лишились бы права законодательного почина и могли бы только обращать внимание г. г. Министров на желательность того или иного законопроекта» [4, с. 20]. По итогам голосования статья 79 была сохранена [4, с. 27].

Вторым по степени активности представителем белорусских губерний в Государственном Совете был Густав Викентьевич Выковский. Он родился в 1860 г., окончил Полоцкую гимназию. Учился на медицинском факультете Варшавского университета, но был исключен из-за участия в демонстрации против попечителя Варшавского учебного округа А.Н. Апухтина. После исключения обучался Ягеллонском университете в Кракове [2, с. 48], а также в университете Берна,

где получил степень доктора медицины. С 1903 г. состоял на земской службе в Могилевской губернии, был одним из основателей Могилевского отдела партии кадетов [4, с. 94]. В апреле 1906 г. Густав Викентьевич был избран членом Государственного Совета от съезда землевладельцев Могилевской губернии. Входил в левую группу. 9 июля 1906 г. сложил свои полномочия в знак протеста против роспуска Государственной думы. В 1910–1911 гг. принимал участие в выборах в Госсовет. По национальности являлся поляком, римско-католического вероисповедания, из потомственных дворян, владел 1423 десятинами (1906 г.) [2, с. 48].

На заседании верхней палаты от 27 июня 1906 г. Г.В. Выковский выступал против принятия статьи 7 проекта Наказа, то есть считал невозможным просить отпуск в случае удаления от дел Государственного Совета [4, с. 1]. Также он был противником смертной казни и считал все доводы Государственной думы в пользу ее отмены абсолютно ясными и убедительными. Высказываясь на десятом заседании первой сессии Госсовета по вопросу избрания комиссий для обсуждения законопроекта об отмене смертной казни, он считал, что вопрос об отмене смертной казни хорошо подготовлен, поэтому настаивал на трехдневном сроке, а в крайнем случае – недельном, для подготовки доклада комиссией. В итоге оба варианта Выковского отвергли на голосовании. Было принято решение не назначать срок подготовки доклада, но по возможности закончить работу как можно скорее [4, с. 1].

Еще одним представителем белорусских губерний, который выступал по вопросу смертной казни, был Станислав Игнатьевич Лопацинский. Он родился 18 марта 1851 г. По национальности являлся поляком. Придерживался римско-католического вероисповедания. В 1872 г. окончил юридический факультет Варшавского университета. Являлся владельцем родовых имений в 10 тысяч десятин в Витебской и 3 тысяч десятин в Виленской губернии (1906, 1913 гг.) [2, с. 155]. В апреле 1906 г. был избран членом верхней палаты парламента от землевладельцев Витебской губернии. Как и Корвин-Милевский, входил в центристскую группу Госсо-

вета, а после – в Польское коло. В 1909 г. был переизбран в связи с окончанием срока полномочий. В 1913 г. избран членом Госсовета от землевладельцев Виленской губернии вместо выбывшего за окончанием срока полномочий представителя от Виленской губернии А.С. Хоминского. Входил в Польское коло, был членом бюро Центра группы (1907–1909) [2, с. 155].

Как было указано выше, Лопацинский участвовал в обсуждении проблемы смертной казни по политическим преступлениям на проходившем девятом заседании первой сессии Государственного Совета. Выступал против отмены смертной казни. Свое мнение аргументировал с юридической, практической, но в большей степени с религиозной позиции: “<...> Существует один закон, который исполнялся вчера, исполняется сегодня и будет исполняться завтра. Этот закон – “не убий”, и для убийц не может быть амнистий, для них нельзя допустить ее даже с религиозной точки зрения. Если вспомнить слова Иисуса Христа, то он нигде не одобрял убийства” [4, с. 4]. По итогам заседания было принято решение передать рассматриваемый вопрос в комиссию из 15 человек для обсуждения законопроекта, которое было осуществлено на десятом заседании. В результате законопроект об отмене смертной казни не был рассмотрен Госсоветом в связи с роспуском Государственной думы [4, с. 10].

С.И. Лопацинский высказывался и по статье 134 проекта Наказа Государственного Совета, которая касалась создания согласительных комиссий. В данном случае Лопацинский поддерживал поправку И.О. Корвин-Милевского, который считал, что если инициатива создания согласительной комиссии принадлежит Госсовету, то он может определить количество членов, имеющих право быть избранными. Если такой инициативы нет, то от Государственного Совета избирается то же число, что и от Государственной думы [4, с. 4]. Лопацинский считал, что при обмене мнениями даже самые небольшие группы должны обладать правом высказывать свою точку зрения. В случае же принятия решения по образованию комиссий большинством мнение этого большинства должно быть представлено в составе ко-

миссии [4, с. 7]. В итоге поправка Корвин-Милевского была принята значительным большинством и внесена в Наказ Государственного Совета.

Заключение

Белорусские губернии в Государственном Совете Российской империи были представлены в основном помещиками римско-католического вероисповедания. Анализ их выступлений на заседаниях верхней палаты показывает, что наиболее инициативно проявлял себя член Госсовета от Виленской губернии И.О. Корвин-Милевский. Он часто принимал участия в спорах, свои рассуждения по тем или иным вопросам доносил до своих оппонентов в четкой, часто “острой” форме. Входил в политическую группу Центра, позднее стал одним из участников Польского кола. Еще один представитель от белорусских губерний – Г.В. Выковский. Входил в левую группу Госсовета, которая полностью поддерживала Государственную думу. С.И. Лопацинский был представителем Центра – политической группы, которая в начальный период работы Госсовета составляла большинство и в дальнейшем разделилась на большое количество подгрупп.

Всех вышеперечисленных представителей белорусских губерний в Государственном совете объединял либерализм и стремление к активной законотворческой работе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Материалы о выборах в члены Государственного совета от Могилевского губернского земского собрания. Циркуляр Министерства юстиции по выборам членов Государственного совета / Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2058. Оп. 1. Д. 14.
2. Государственный совет Российской империи 1906–1917 / редкол.: В. В. Шелохаев. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 343 с.
3. **Юрковский, Р. Я.** “Пузырек с ядом”. Ипполит Корвин-Милевский в Государственном совете в 1906–1910 гг. / Р. Я. Юрковский // Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность : материалы междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 11–12 декабря 2013 г. / Общество с ограниченной ответственностью “ЭлекСис”; под ред. А. Б. Николаева. – Санкт-Петербург, 2014. – С. 5–12.
4. Стенографические отчеты / Гос. Совет. – Санкт-Петербург : Государственная типография, 1906 г. Сессия 1. Заседания 1–15. (28 апреля – 7 июля). – 1906 г.

Поступила в редакцию 27.11.2017 г.

Контакты: schemplekhova@mail.ru

(Шемплехова Наталья Александровна)

Shemplekhova, N. REPRESENTATIVES OF BELARUSIAN PROVINCES IN THE STATE COUNCIL OF THE RUSSIAN EMPIRE IN 1906.

The article is devoted to the activities of the representatives of the Belarusian territories in the Russian Empire. It details their participation in the first session of the State Council held from April 27 to July 4, 1906. The article deals with verbatim records of the meetings which allow us to trace the issues of statements, opinions of the upper chamber members and the final resolutions of the issues raised.

Keywords: State Council, Belarusian provinces, I. O. Corvin-Milevsky, G. V. Wykowski, S. I. Lopacinsky.

УДК 347.787 "16/18"

**АРХИТЕКТУРА ПОЛОЦКОГО
ИЕЗУИТСКОГО КОЛЛЕГИУМА
В КОНЦЕ XVI–XVIII вв.:
КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ
И ВНЕШНИЕ ВЛИЯНИЯ
(на примере печных изразцов
и строительных технологий)**

А. А. Соловьёв

аспирант
национального Полоцкого
историко-культурного
музея-заповедника

В статье исследуется воздействие внешних факторов, повлиявших на становление и развитие архитектуры и планировки Полоцкого иезуитского коллегиума. В архитектурно-декоративной керамике (печных изразцах как части архитектурного убранства зданий) Полоцкого иезуитского коллегиума наиболее ярко влияние выражено в декоре лицевых пластин. Орнаменты найденных в Полоцке и Вильнюсе пластин были оттиснуты в одинаковых (если не в одних и тех же) матрицах, которые привезли с собой в Полоцк гонимые в XVI – начале XVII вв. Проведено сопоставление архитектурно-планировочной структуры и конструктивных решений иезуитских кирпичных коллегиумов Гродно, Несвижа и Виленской иезуитской академии XVII – первой половины XVIII в. с элементами планировки ансамбля и конструкциями отдельных зданий Полоцкого иезуитского коллегиума. Активное и масштабное монументальное строительство Полоцкого иезуитского коллегиума началось только со второй трети XVIII в., в том числе под влиянием архитектурных традиций иезуитов Гродно, Несвижа и Вильни. При проектировании и строительстве иезуитского костела св. Стефана в Полоцке многие архитектурно-планировочные решения интерьера храма в Несвиже получили свое дальнейшее развитие. Также выяснилось, что многие архитектурно-планировочные и конструктивные наработки виленских иезуитов, которые они не имели возможности полностью реализовать при реконструкциях корпусов академии, оказались максимально востребованы и реализованы при возведении существующих корпусов Полоцкого иезуитского коллегиума.

Ключевые слова: Полоцкий иезуитский коллегиум, виленская иезуитская академия, Якуб Руофф, аркады, Вильня, Ломжа.

Введение

Вопрос влияния внешних факторов на становление и развитие архитектуры Полоцкого иезуитского коллегиума является одним из наиболее малоисследованных направлений в отечественной историографии и требует глубокого изучения. Крупнейший на территории Беларуси архитектурный ансамбль, построенный иезуитами, возводился с применением новейших разработок в области строительных материалов, технологий, конструкций и архитектурно-планировочных решений своего времени. В них полностью раскрылись опыт и талант многих архитекторов иезуитов, участвовавших в возведении и реконструкции коллегиума, что со второй половины XVIII в. позволило не только начать преподавание архитектуры в его стенах, но и превратить иезуитский коллегиум (с 1812 г. – Академию) в кузницу архитектурных кадров.

Изображений или подробных инвентарных описаний Полоцкого иезуитского коллегиума конца XVI–XVII вв. не обнаружено. В ходе археологического исследования территории существующего кирпичного архитектурного ансамбля, возведенного Полоцкими иезуитами в XVIII в., предшествовавших его возведению значительных остатков оснований деревянных построек, на основе которых нам удалось бы провести их реконструкцию и выявить особенности архитектуры, планировки и конструкций, нами также выявлено не было. Единственным археологическим свидетельством существования у иезуитов плотной застройки территории нынешнего архитектурного ансамбля в XVII в., являются обилие и разнообразие такого вида архитектурно-декоративной керамики, как печные изразцы. Они найдены как в культурном слое, так и в насыпке сводов существующих иезуитских корпусов, построенных в XVIII в. После каждого катаклизма, в результате которого уничтожались деревянные сооружения коллегиума, иезуиты тщательно выбирали уцелевшие изделия из развалов печей и использовали вновь для печей восстанавливаемых построек. Наиболее ранние остатки изразцовых печей, найденных в иезуитских постройках, относятся ко второй трети XVII в. Они связаны

как с появлением в структуре деревянных зданий первых кирпичных конструкций – фундаментов и сводчатых подвалов, так и с возведением первого на территории коллегиума кирпичного здания – сакристии. Основная масса найденных нами при изучении существующего ансамбля коллегиума изразцов конца XVI–XVII вв. представлена целыми образцами и фрагментами коробчатых изделий. Именно изображения на их пластинах позволяют определить источник происхождения некоторых орнаментов и сюжетов, которые украшали печи в постройках полоцких иезуитов.

Первые прорезные и пластинчатые изразцы появились в Полоцке еще в конце XV – первой половине XVI в. Этому способствовало дарование Полоцку Магдебургского права в 1498 г. и одновременное приглашение в город великим князем Александром монахов-бернардинцев, основавших в 1468 г. свою миссию в Вильне [1, с. 427]. Теперь им была предоставлена территория на Заполоты. Монастырь бернардинцев располагался там до Ливонской войны 1563–1579 гг. Археологические свидетельства его существования были нами обнаружены в 2006 и 2010–2011 гг. Кроме специфических предметов, таких как импортная керамика, накладка от книги, шашка и шахматы, были найдены и пластинчатые изразцы первой половины – середины XVI в. различных видов [2, с. 61]. В Полоцке это было третье место их обнаружения после находок из пристройки дворца княжеского наместника на Верхнем замке и возле Софийского собора. Некоторые из них украшены полукруглым сегментом и имеют аналогии в материалах Вильни [3, с. 220: мал. 3: 1, 4, 5]. Не меньший интерес представляют коронки с монограммой Девы Марии. Композиция их пластины с антропоморфным завершением (голова отбита), фигурные очертания геральдического щита, как и широкое обрамление, имеют близкие аналогии в изделиях из Вильни [4, р. 78, 282]. Таким образом, появлению первых пластинчатых изразцов в Полоцке и первых камерных печей способствовали не только немецкие мастера, приехавшие из городов Ганзейского союза, но и из столичной Вильни, будучи приглашенными полоцкими бернардинцами [3, с. 221: мал. 4].

После Ливонской войны 1563–1579 гг. опустевший Полоцк заселяли не только крестьяне окрестных деревень, но и приезжие. Среди новопоселенцев некоторые торговцы, мастера, ремесленники могли быть из Вильни. Полоцк с Вильней связывал прямой сухопутный путь, начинающийся от Экимани, одна из улиц которой называлась Виленской. Косвенно об этом говорит наличие сходных сюжетов на изразцах Полоцка и Вильни, речь о которых пойдет ниже. Возрождающийся город представлял собой для них огромный неосвоенный рынок для производства и сбыта готовой продукции. Этому способствовало и то, что именно из Вильни в Полоцк приехали первые иезуиты для основания новой коллегии. Собственно контакты с виленскими иезуитами являлись важнейшим фактором, влиявшим на становление и развитие материальной культуры и архитектуры Полоцкого иезуитского коллегиума. Среди прибывавших в Полоцк ремесленников, вероятно, были и зависимые от иезуитов ремесленники (в частности, гончары). В отличие от местных мастеров приехавшие из Вильни хорошо владели технологиями формовки и качественного обжига керамики и производства разноцветных глазурей. Местом поселения новых гончаров и могла стать Экимань – крупнейшая иезуитская юрídика и центр гончарного производства. Переселение ремесленников могло происходить на протяжении конца XVI–XVII вв.

Первые иезуиты были призваны виленским епископом для восстановления на территории Речи Посполитой сил ослабленного в борьбе с протестантизмом и православием католицизма. Основателем виленского коллегиума был отец Магиус. Рост влияния ордена на землях Польши и ВКЛ начался с 1576 г. при польском короле Стефане Батории [5, с. 232]. Возрождавшиеся старые связи между крупнейшими городами ВКЛ, как и поддержка короля, теперь немало способствовали их водворению в традиционно православном Полоцке.

С первых дней своего существования, Виленский коллегиум (с 1579 г. – академия) стал основным центром иезуитского ордена на территории ВКЛ и Речи Посполитой. Петр Скарга, ректор академии,

непосредственно выезжал в Полоцк для обустройства там первых иезуитов, которые должны были составить основу будущего коллегіума. Для монахов-иезуитов отвели бывший Петропавловский монастырь за стенами Верхнего замка. Среди прибывших в 1580 г. в Полоцк первых иезуитов с Петром Скаргой были Станислав Ленчинский и Ян Аланд [6, с. 6–7]. В дальнейшем именно из виленской академии велось пополнение новыми братьями Полоцкого коллегіума.

Основная часть

Материальная культура иезуитского коллегіума до конца XVI в. не отличалась от уровня быта окружавших их горожан. Во-первых, переданные иезуитам имения и церкви были разрушены и запущены за годы Ливонской войны. Во-вторых, длительные служебные тяжбы с горожанами, практически полное отсутствие учеников в школе и основанном в 1585 г. коллегіуме также не способствовали их более основательному обустройству. Положение начинает меняться только после 1597 г., когда главного противника иезуитов, кальвиниста Николая Дорогостайского, сменил убежденный католик Андрей Сапега [6, с. 48–49]. Сопротивление со стороны горожан, лишенных теперь влиятельных союзников из среды городского нобилитета, значительно ослабло. Это позволило иезуитам заняться более основательным обустройством своего быта и переданных имений.

К началу XVII в. город частично преодолел военные разрушения. Масштабное строительство велось на Великом посаде, который Иваном Грозным не восстанавливался. К этому времени полоцкие иезуиты имели в Полоцке (на правобережной его части) как минимум три юрдики. Самая старая из них располагалась на Верхнем замке, основой для которого стали уцелевшие постройки бывшего православного Петропавловского монастыря. Там была устроена небольшая школа, которая в первые годы практически все время пустовала [6, с. 10–11, 14, 31, 32]. Другая юрдика иезуитов располагалась в восточной части современного Заполотья. Необходимость в данной юрдике возникла после отклонения горожанами планов Стефана Батория по строительству коллегіума на острове за Двиной. Теперь для

него “было избрано другое место – между замком и Заполотьем в самом городе”. Таким образом, иезуитское учебное заведение решено было расположить в непосредственной близости от потенциальных учеников. Королевскими комиссарами за соответствующую компенсацию у мещан был отчужден ряд “пляцев”, и прежние постройки их снесены. Все строительные работы по зданиям коллегіума завершились только к 1597 г. [6, с. 32]. Последней иезуитами была приобретена юрдика на территории Великого посада, который фактически заново застраивали дворами горожан после Ливонской войны 1563–1579 гг. Практически с нуля велось и создание его уличной сети. Данное строительство велось крайне медленно, поскольку горожане предпочитали ему уже обжитое, но перенаселенное Заполотье. Тем более, что до 1638 г. он не имел никаких оборонительных сооружений [7, с. 104; 8, с. 19]. Данные обстоятельства не благоприятствовали возможности размещению на его территории коллегіума, но в то же время позволяли ордену более свободно приобретать дворы горожан, т. н. “пляцы”, избегая их раздробленности и сводя к минимуму конфликты с горожанами. Таким образом, юрдика на территории Великого посада могла первоначально использоваться орденом для хозяйственных или жилых нужд. Иезуитам были предоставлены “пляцы” на месте древней торговой площади, существовавшей до Ливонской войны. Они располагались у восточной границы Никольского кладбища при уцелевшей Рождественской церкви. На этих территориях располагались иезуитские строения, на базе которых позже устраивали коллегіум, до этого переносимый несколько раз. Окончательно коллегіум в западной части территории Великого посада был обустроен с 1641 г. [8, с. 19]. Это обстоятельство можно объяснить тем, что к этому моменту были завершены фортификационные работы по укреплению Великого посада, и его территория начала активно заселяться полочанами.

К этому времени на территории Великого посада иезуиты уже имели ряд строений. Среди них костел на каменных крипах 1636 г., кирпичная сакристия, возведенная незадолго до пожара 1643 г., и

ряд деревянных зданий. Остальная иезуитская застройка на площади, как и в других частях города, была деревянная.

Виленские аналоги печных изразцов Полоцкого иезуитского коллегиума

Наши исследования территории и каменных зданий иезуитского коллегиума показали, что от деревянной застройки остались только отдельные развалы печей, относившихся к более поздним зданиям т. н. “скромного коллегиума” последней трети XVII – первой половины XVIII в. Среди артефактов, свидетельствующих о связях и влиянии на материальную культуру полоцких иезуитов в первые десятилетия XVII в., наиболее яркими и многочисленными свидетельствами являются изразцы. Многие изразцы из разрушенных печей использовались повторно. Так, изразцы начала XVII в. оказались в печах середины XVIII в. Они располагались в деревянных зданиях прежней иезуитской усадьбы. После того как вместо нее был заложен большой комплекс монументальных зданий существующего коллегиума с использованием передовых технологий и материалов в русле новейших веяний в архитектуре XVIII в., от применения старых изделий печники почти полностью отказались. Причиной явилось то, что пригодных изделий, позволявших сформировать печные наборы, теперь оказалось крайне мало.

Только в редких случаях отдельные стеновые пластины XVII в. использовались в качестве вставок для стенок одной из печи на втором этаже [9, с. 36, 73].

При сравнении образцов пластин XVII в., находимых на территории и в зданиях Полоцкого коллегиума, с виленскими изразцами XVI–XVII вв., нами выявлено более десятка их частичных или полных аналогий, характерных для XVII в. Узоры некоторых пластин были оттиснуты в одинаковых формах или имели различия только в мелких деталях. Единственная отличительная особенность их была в том, что если виленские находки были в основном глазурованными или полихромными, то среди полоцких материалов преобладают терракотовые экземпляры. Обращает на себя внимание и тот факт, что изразцы из Вильни литовскими исследователями датируются в границах XVI – первой половины XVII вв., но для Полоцка, находившегося 16 лет в составе Московии, хронологические рамки этих изделий (прежде всего, их нижнюю границу) необходимо сместить на конец XVI – середину XVII в. Причем данное обстоятельство относится не только к коробчатым, но и мисковым изразцам [4, р. 58: 1.26, 59: 1.27, 148: 6.148, 169: 6.232, 183: 7.19, 256: 9.185, 292: 9.311, 295: 9.319 и 9.321, 319: 9.406, 320: 9.407 и 410, 330: 9.445, 336: 9.470, 339: 9.482 – 483, 340: 484, 341: 9.490] (Рис. 1 и 2).

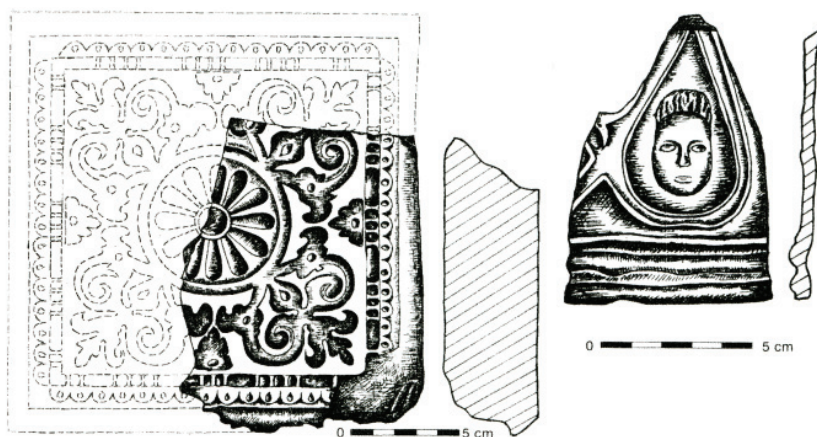

Рисунок 1 – Фрагмент матрицы для оттиска пластины стенового изразца с мотивами кованого металла и изразца коронки из города Биржи. Рисунок (обработан) из статьи Roma Songailė. Tyrienėjimai Biržų senamiestyje (Ромы Сонгалите “Исследования в старом городе Биржи”)

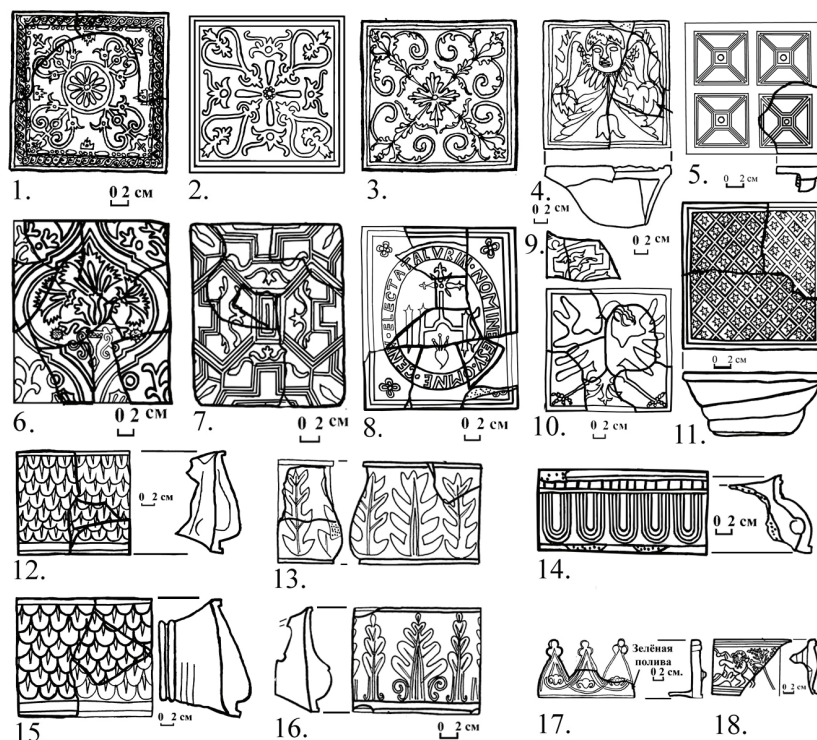

Рисунок 2 – изразцы Полоцкого иезуитского коллегиума, имеющие точные аналоги или созданные на основе орнаментов и сюжетов изразцов Вильни (1-16, 18) и Биржи (17) конца XVI – середины XVII в. 1-3 – стеновые изразцы с мотивами кованого металла;

4 – изразец стеновой (мог использоваться и для выкладки фриза); 5 – изразец с пирамидальными нишами; 6 – изразец стеновой с ковровым орнаментом;

7 – изразец стеновой с ковровым орнаментом; 8 – изразец стеновой иезуитский;

9 – изразец стеновой с ковровым орнаментом; 10 – изразец стеновой орлений;

11 – стеновой изразец с сетчатым орнаментом; 12 и 15 – карнизные изразцы (черепицы)

с орнаментом в виде черепичной кровли; 13 и 16 – карнизные изразцы с растительным орнаментом; 14 – карнизный изразец с аркатурным орнаментом; 17 – изразец-коронка;

18 – карнизный изразец с геральдическими мотивами

Мастера, приехавшие в Полоцк, везли с собой не столько сами готовые изделия, которые бы разбились в пути (с учетом качества покрытия сухопутных дорог в XVI–XVIII вв.), сколько технологии и оборудование, в частности, глиняные формы. Форма, подобная тем, что виленские (и не только) гончары привезли в Полоцк, была найдена в городе Биржи, который расположен на территории современной Литвы и является центром Паневежского повета Трокского воеводства. Рисунок изразца имеет точные аналоги в материалах Вильни и Полоцка [10, р. 239]. Таким образом, можно полагать, что подобная форма была привезена в Полоцк и мастерами из Вильни или Биржи (Биржаи) (Рис. 1). Отдельно необходимо остано-

виться на коронке. Фрагмент найденного изделия в Биржае имеет маскароны в виде человеческих лиц, находка на территории Полоцкого иезуитского коллегиума имеет изображение бараньих голов(?) [10, р. 239] (Рис. 1; 2: 17). Таким образом, именно по формам, привезенным в Полоцк из Вильни и Биржи, были изготовлены первые полоцкие изделия с мотивами кованого металла (Рис. 2: 1-3).

С началом восстановления Великого посада, начавшегося с 1579 г., наиболее ранними являются изразцы с мотивами кованого металла и четырьмя пирамидальными нишами, имевшими четырехстороннюю симметрию, и сетчатым орнаментом (Рис. 2: 1-3, 5, 11). Среди сюжетных и геральдических пластин полоцких изразцов,

выполненных по матрицам или после переработки сюжетов, привезенных из Вильни, наиболее ранние образцы представлены пластинами с изображением путти и одноголовых орлов, которые отличаются монументальностью и лаконичностью, мелкие детали на рисунках минимальны (Рис. 2: 4 и 10).

Дальнейшие исследования изразцов с другими видами орнаментов показали, что по образцам форм, привезенным из столичной Вильни, полоцкие иезуиты изготовили первые пластины с символикой ордена (Рис. 2: 8). Самые ранние экземпляры пластин из Полоцка с монограммой Иисуса Христа относятся к 30-м гг. XVII в. [11, с. 90]. Немного позже, по всей видимости, появились и первые экземпляры ковровых изразцов с мотивами “вазы с цветами”. Именно данный вид коврового изразца, согласно результатам проводимых археологами в Полоцке (не только на коллегиуме) исследований, получил массовое распространение в убранстве печей горожан (Рис. 2: 6). Иные же виды узоров имеют единичные случаи применения [12, с. 24] (Рис. 2: 7 и 9). Обломки “иезуитских” и “ковровых” пластин, найденные в заполнении забутовки середины “двухпанцирных” стен сакристии, датируются 40-ми гг. XVII в. Эту датировку подтверждает и упоминание данной постройки в хронике 1643 г. [13, ф. 8].

Подобная ситуация сложилась и с карнизными изразцами и коронками. Некоторые орнаменты и сюжеты копировались полоцкими мастерами без изменений (Рис. 2: 14), а некоторые подвергались корректировке и адаптации для применения (Рис. 2: 12, 13, 15, 16). Так, геральдический орнамент поясных (фризовых) изделий из Вильни, полоцкие гончары приспособили для украшения карнизов (Рис. 2: 18).

Строительные технологии

Полоцкого иезуитского коллегиума

На начальном этапе (конец XVI – начало XVII в.) все постройки Полоцкого иезуитского коллегиума были деревянными, первые кирпичные конструкции на территории существующего коллегиума относятся только ко второй трети XVII в. Только под влиянием виленских иезуитов, которые непрерывно вели реконструкции старых и строительство новых корпусов

виленской иезуитской академии, в Полоцке начало возрождаться каменное строительство, эпицентром которого становятся иезуитский коллегиум и фольварк Спас.

Первым свидетельством, говорящим о возникновении каменного строительства полоцких иезуитов, стало появление качественных строительных материалов – кирпича и черепицы. Изготовление этих массивных изделий требовало значительного повышения уровня развития производственных технологий и, прежде всего, обжига. Ряд кирпичей, обнаруженных нами на территории коллегиума, может относиться к недостроенной первоначальной ратуше, возведение которой было прервано Ливонской войной. Возможно, после передачи территории будущего коллегиума иезуитам, остатки недостроенной ратуши ими были обнаружены и разобраны для нужд нового строительства. Захват “пустого ратушного места” в начале XVII в. мог стать первым источником кирпича для иезуитов. Именно этот кирпич мог быть частично использован при ремонте Спасского храма XII в. в иезуитском фольварке Спас, часть кирпича могли применить и при возведении построек на территории самого коллегиума. Характерной особенностью данного кирпича были не только значительные размеры (7,5–9,0х13,0–15,0х30,0–31,0; 7,0–8,0х15,0х 30,0; 8,0–8,5х13,0–13,5–14,0х27,0; 8,0х 15,0х36,0 см), но и соотношение сторон (от 6:3:2 до 4:2:1) [14, с. 222].

Полноценное кирпичное строительство полоцкие иезуиты смогли начать с 30-х гг. XVII в. Отправной точкой его стало возведение костела на каменных крипах в 1636 г. архитектором В. Будаком [12, с. 21]. Несколько позже строится сакристия с несколькими комнатами при ней и деревянная башня на кирпичном основании. Она неоднократно восстанавливалась после пожаров и войн.

После войны 1654–1667 гг. сакристия, даже будучи полуразрушенной, станет своеобразной точкой отсчета кирпичного строительства коллегиума. Первые кирпичные здания Полоцкого коллегиума возводились при помощи и поддержке виленских иезуитов. Это наиболее отчетливо проявилось в сходстве систем кирпичных кладок, которое особенно заметно при изучении торцевых стен в отсеках подвалов

кирпичной сакристии, сложенной иезуитами в Полоцком иезуитском коллегиуме и подвалах домов XVI–XVII вв., построенных в Вильне. Важным обстоятельством был тот факт, что ко времени развертывания активного каменного строительства орденом в Полоцке виленские иезуиты уже обладали огромным опытом строительства новых корпусов Виленской академии и бережной перестройкой старых кирпичных зданий. Они располагались на некоторых городских “пляцах”, приобретенных в 1568 и 1571 гг. Масштабные перестройки уже имевшихся иезуитских зданий велись и после пожара 1610 г. [15, с. 423, 426–427].

Косвенным свидетельством участия виленских иезуитов в восстановлении зданий полоцкого иезуитского коллегиума можно считать бережное отношение к уцелевшим после русско-польской войны 1654–1667 гг. конструкциям кирпичной сакристии, искусное включение в состав новостройки стен и сводов сохранившегося сегодня ее подвала. Об этом говорит место сопряжения старой и новой частей свода, которые, несмотря на различный формат и размеры кирпичей, были выполнены мастерами в единой системе тычковой кладки и соединены настолько аккуратно, что даже при внимательном осмотре помещения малозаметны [12, с. 21, 25]. Была восстановлена и деревянная башня на кирпичном подвале (она зафиксирована на планах Полоцка 1707 и 1720 гг.).

Наиболее ярко влияние архитектуры Виленской академии на Полоцкий иезуитский коллегиум проявилось с возведением существующего ныне ансамбля. Надо учесть и существенные различия в архитектурно-планировочной ситуации, которая сложилась в XVI–XVII вв. у архитекторов-иезуитов в Вильне и Полоцке. В столице иезуиты старались приспособиться к приобретаемой ими недвижимости. Это были разбросанные и никак не связанные между собой разнохарактерные и разноплановые капитальные кирпичные здания, которые надо было максимально полно и бережно включить в состав нового ансамбля. Именно поэтому корпуса академии в Вильне часто не имеют прямых углов в местах соединения и параллельных стен, подчиняясь существовавшей уличной сети, относительно

которой их строили прежние владельцы. В Полоцке ситуация была иной: медленное заселение территории Великого посада, близость огромного Никольского кладбища, как и, по сути, заново формировавшаяся уличная сеть между Верхним замком и “рынком” (современная площадь Свободы), позволяли ордену скупать нужные им “пляцы” практически в неограниченном количестве. Часть их они заселили верными им людьми или сдавали в аренду, и горожане жили на “кгрунте езовицьком” [7, с. 159]. Те “пляцы”, что примыкали к их “юридице”, расположенной на месте древней торговой площади, после 1641 г. становятся частью территории коллегиума. Полученные участки не имели капитальной застройки, что значительно облегчало архитекторам планировочные решения в расположении иезуитских строений, поэтому возводимые кирпичные конструкции иезуитам не только удавалось вписать в складывавшуюся градостроительную ситуацию, но и позже частично использовать при возведении существующего ныне ансамбля. Именно на их основе создается “старый коллегиум”, как называли в середине XVIII в. полоцкие иезуиты нынешний корпус “В” Полоцкого государственного университета [12, с. 21, 25, 34–35; 13, с. 423].

Преобладание у полоцких иезуитов деревянной застройки коллегиума, не раз уничтожавшейся пожарами и войнами, позволяло возводить со второй трети XVIII в. новый ансамбль практически с “чистого листа”. Отправной точкой его строительства является начало сооружения костела. В отличие от храма в Вильне, который был предоставлен им уже в завершенном виде с главным входом, обращенным к кирпичным корпусам академии, полоцкие иезуиты имели возможность расположить и устроить костел согласно архитектурно-строительной концепции нового ансамбля. Главный вход храма обращен на площадь и открыт людям. Более того, здание было выдвинуто на главную площадь и прикрывало собой коллегиум. Впервые это было опробовано при размещении коллегиума и костела в Несвиже в XVI в. [16, S. 308 Rys. 6]. Теперь во второй трети XVIII в. это было сделано и в Полоцке. Костел св. Стефана стал точкой отсчета стро-

ительства нового ансамбля, скорректировав центральную ось площади и став началом формирования нового градостроительного ансамбля.

Строительство нового храма позволило полоцким архитекторам отработать опыт возведения масштабного сооружения в новых условиях. Впервые ими были использованы при строительстве железные связи, которые не давали стенам деформироваться при воздействии на них распора свода центрального нефа. Сравнивая планы различных иезуитских костелов ВКЛ, обращает на себя внимание сходство внутреннего интерьера Несвижа и Полоцка. Оба храма представляют собой базилики в форме латинского креста, увенчанные световым барабаном с куполом. Боковые ветви хоров открывались в центральный неф большими прямоугольными окнами с лучковыми арками (в польской литературе они называются "emproge"), столбы между арками украшали пилястры [16, S. 314 Rys. 15; 317 Rys. 23]. Близость многих элементов архитектуры интерьеров несвижского и полоцкого костела позволяет полагать, что именно интерьер первого в ВКЛ барочного иезуитского храма был взят за основу полоцкими архитекторами при проектировании своего.

Когда пожар 1750 г. очередной раз уничтожил деревянные корпуса коллегиума и повредил строящийся костел (особенно сильно пострадала крыша), полоцкими иезуитами была освоена принципиально новая кирпичная конструкция – "łuki ceglany". Впервые она была использована на костеле св. Казимира в Вильне и вновь устроена в Полоцке [17, S. 491].

В дальнейшем в третьей четверти XVIII в. все эти наработки получают распространение при возведении новых корпусов коллегиума.

Строительство корпусов нового ансамбля началось в конце второй четверти XVIII в. с трехэтажных зданий нового коллегиума. С самого начала иезуитами планировалось возведение огромного взаимосвязанного и гармоничного ансамбля, поэтому в строительстве использовались как новейшие технологии и наработки XVIII в., так и старые архитектурно-строительные приемы и конструктивно-планировочные решения,

отработанные при возведении многих городских зданий Вильни. Фундаменты новых трехэтажных корпусов были заложены Якубом Руоффом (руководил работами при строительстве в Полоцке 1747–1749 гг.), который до этого работал в Гродно, возведя там ряд роскошных изразцовых печей [18, S. 526; 19, S. 53; 20, S. 215].

В Полоцке Якубом Руоффом в 1747 г. возводится здание иезуитской школы параллельно костелу. За основу им был взят план иезуитской школы в Ломже, которую он начал возводить в 1733 г. (работал также и на иезуитской стройке костела св. Рафала в Вильне в 1732–1733 гг.), но, в отличие от него, полоцкая постройка не имела признаков аркад в коридорах. Если же они и были, то, возможно, оказались замурованы в более позднее время [20, S. 215]. Этим же архитектором была разработана легкая и жесткая конструкция фундаментов здания на основе применения различных типов арок и сводов. Данная конструктивная особенность здания иезуитской школы в Полоцке обнаружилась при ее разрушении в 1965–1966 гг. [21, с. 86]. Подобная конструкция фундамента позволяла распределить нагрузку от массы здания на определенные точки и разместить там опоры. Арки фундамента позволяли прокладывать кирпичные тоннели для подземных коммуникаций, не затрагивая конструкций здания.

При этом на уровне фундамента Якубом Руоффом был создан каркас, основанный на системе аркад, позволивший максимально сэкономить кирпич и распределить нагрузку от зданий на углы и места соединения внутренних стен. Использование сплошных фундаментов для поперечных стен им было сведено к минимуму, и их заменили мощные разгрузочные арки. Данная конструкция получила широкое применение в постройках Вильни еще в XVI–XVII вв., но там она имела эпизодический характер употребления. Застройка раскопанного литовскими археологами квартала имела архаичный характер планировки и формировалась путем постепенного добавления новых конструкций с приспособлением их к существующим. Постройки не имели единого первоначального проекта. Об этом говорит разная толщина стен и конструкции арок

и сводов, расчищенных исследователями, которая хорошо прослеживалась даже в пределах одного здания [22, р. 251–253, 330, 331, 333]. Теперь при проектировании была разработана тщательно продуманная и выверенная система, позволившая не только рационально распределить и сосредоточить нагрузку от всего здания на определенных участках фундамента, но позднее активно применить ее в конструкциях стен всех этажей.

Имеющиеся фотографии, как и план здания 1828 г. бывшей иезуитской школы в Полоцке, фиксируют, что здание имело значительные различия на фасадах, обращенных на реку и городскую площадь. На фасаде, обращенном на реку, видны только клинья металлических связей, которые обеспечивали погашение распора от сводов, перекрывавших обширные учебные классы. Он не имеет ни рустов на уровне первого этажа, ни пилястр. Данные элементы убранства более характерны для классицизма, который преобладал в архитектуре последней четверти XVIII – начале XIX в. [23; 24; 25, с. 289, 379], при этом они присутствуют на фасадах, обращенных в сторону городской площади. В связи с этим возникает вопрос как о первоначальном виде фасадов данного здания, так и времени появления данных архитектурных элементов. С учетом того что в XVIII–XIX вв. русты и пилястры выполнялись в кирпиче, а не по штукатурке, можно полагать, что к стенам школы была сделана прикладка толщиной в кирпич или полтора (35–50 см), а в стенах пробиты штрабы для ее перевязки. Именно таким образом были соединены со старыми корпусами стены корпуса-перемычки, построенного Габриэлем Грубером в конце XVIII в. [26, фото 3].

Планировка здания в Полоцке по сравнению с иезуитской школой в Ломже отличается большей монументальностью, судя по обмерному плану 1828 г. и сохранившимся фотографиям конца XIX – начала XX в. Толщина его стен на первом и втором этаже была около 1,5 м, что, как и устройство металлических связей, было вызвано необходимостью перекрытия помещений классов кирпичными сводами [26, с. 39]. Возможно, первоначально здание было двухэтажное. Позднее в его помещениях устроили типографию и учили-

ще. Третий этаж для размещения театра могли надстроить позднее – к 1780 г. (время посещения Полоцка Императрицей Екатериной II) [25, с. 22–23]. Он уже имел более тонкие стены [27] и был с деревянными перекрытиями и стропилами крыши.

По всей видимости, Якубом Руоффом велось проектирование и строительство (на начальном этапе) главных корпусов коллегиума в Полоцке (ныне корпуса “А”, “Б”, “Г” и разрушенное восточное крыло). За основу им были взяты нереализованные в Ломже варианты проектов 1619 и 1621 гг. Они были во многом скорректированы и приспособлены архитектором к градостроительной ситуации Полоцка, сложившейся в середине XVIII в. Об этом говорит характер расположения корпусов относительно костела и наличие двух замкнутых внутренних дворов. Один из них (“школьный”?) располагался между костелом и школой. Другой двор (“хозяйственный”?) был окружен жилыми и хозяйственными помещениями [20, S. 189–192, 236: Rys. 4 и 5, 237: Rys. 6]. В ходе строительства комплекса зданий Полоцкого иезуитского коллегиума это реализовалось следующим образом. Хозяйственный двор был окружен по периметру Е-образным новым и “старым” коллегиумом. Корпус с библиотекой и трапезной фактически разделил его на две равные части – “западную”, где был колодец и арка проезда со стороны улицы, и “восточную”, куда выходили окна коридора и только две двери. Двор (“костельный”?) при костеле св. Стефана был образован после строительства Г-образного дома для ксендзов-пенсионеров. Позже, после соединения главного корпуса коллегиума и здания с театром и типографией перемычкой с музеем и лабораторией, появился еще один дворик, открытый со стороны площади.

При этом Якубом Руоффом была определена очередность их возведения. Данные здания имели подвалы, конструктивная система которых также была основана на системе арок различной конструкции. При возведении наземной части корпусов наработки виленских архитекторов-иезуитов применялись еще более активно. Новые корпуса планировались сразу трехэтажными, с приспособлением верхнего этажа под жилье, как это было в корпусах иезуитской ака-

демии в Вильне. Именно поэтому своды 3-го этажа более низкие по сравнению со вторым и первым. Учитывая устройство подвалов под корпусами и не желая ослаблять нижние части их стен, полоцкие иезуиты отказались от галерей, открывавшимися на улицы и во дворы аркадами. В климатических условиях Великого Княжества Литовского это было непрактично, поэтому даже в корпусах академии в Вильне в XVIII в. у некоторых корпусов их частично пришлось замуровать. Полоцкие иезуиты, отдавая дань старой традиции устройства открытых аркад галерей вместо коридоров, решили их имитировать двумя способами. В коридорах первого этажа они сделали огромные арочные окна, напоминавшие аркаду. На третьем этаже архитекторы имитировали замурованную аркаду. Для этого они в коридоре третьего этажа корпуса “Г” воспроизвели столбы с профильным завершением, которые выступали в интерьере в виде пилястр.

Наблюдения за устройством и планировкой библиотеки, кухни и трапезной Полоцкого иезуитского коллегиума при сравнении их с Виленской академией также выявили ряд сходств. Фактически на примере возведения академии во второй пол. XVII в. архитекторы-иезуиты нарабатывали первый опыт по перекрытию бесстолпных залов больших размеров эллиптическими сводами, дававшими на наружные стены здания сильный боковой распор. При сравнении проектных планировочных решений данной части комплекса академии в Вильне и сохранившихся зданий и обмерных планов коллегиума Полоцка обращает внимание сходство с ним проекта 1642 г. Перед залом имелись обширные сени, слева к ним примыкала кухня, соединявшаяся с ними проходом. В зале имелась ниша под огромную печь, которую позже заменили “теплым полом”. Подобным образом виленскими архитекторами-иезуитами была запроектирована и главная библиотека, расположенная над трапезной [15, с. 415; 421; 434: Rys. 10; 435: Rys. 11]. Данный проект иезуитами был позже скорректирован, и поэтому на плане бывшей академии в Вильне, снятом в 1773 г., очертания кухни и сеней перед трапезной иные. Полоцкие иезуиты, взяв его

за основу, доработали при строительстве существующего ныне корпуса в XVIII в. В отличие от корпусов академии в Вильне в Полоцке под корпус сразу закладываются мощные фундаменты и стены нового здания. Кухня связывается проходами (как с трапезной, так и с сенями). Сами сени от коридора отделяются круглыми колоннами с восьмигранными капителями, а не стеной. В этом помещении уже нет печей или предпечей для их обслуживания. При проектировании трапезной полоцкими иезуитами, в отличие от виленских, сразу планируется “теплый пол”. Именно отсутствие обычных печей позволило соединить напрямую кухню с трапезной [12, с. 43]. Учитывая возможность деформации сводов при распоре ими боковых стен, которые произошли вскоре после строительства залов в академии, полоцкие архитекторы сразу принимают меры для избегания данной проблемы. Без учета венчающего карниза здания минимальная толщина его стен предусматривается в 1,5 м. При этом в массивах простенков закладываются металлические связи, которые скрываются и в верхней части кладки перекрытия.

Нынешний корпус “В” Полоцкого государственного университета строился уже после возведения главного трехэтажного здания коллегиума с трапезной и библиотекой. Именно он имеет наиболее архаичные планировочные и конструктивные решения, которые особенно заметны на уровне подвала. Это сближает корпус с виленскими городскими постройками XVI–XVII вв. [22, р. 251–253, 330, 331, 333], что нашло отражение не только в конструкциях подвалов старых построек сакристии, башни и библиотеки, встроенных в его структуру, но и во вновь возводимых помещениях и фундаментах здания. Обращает на себя внимание активное применение разгрузочных арок в качестве фундаментов продольных стен, на которых держались своды помещений первого этажа. Сходна и смешанная кладка массива стен: через каждые 3–4 ряда кирпича имелся ряд небольших булыжников [12, с. 36].

После вхождения Полоцка в состав Российской империи строительные работы на Полоцком иезуитском коллегиуме

вновь возобновились. К 1780 г. возводится обширное здание мануфактур, начинавшееся от аптечной лаборатории (сейчас на ее месте сквер) и кончавшееся в нескольких десятках метров от главной площади. Одновременно с ним строится и дом для ксендзов-пенсионеров, примыкавший одним концом к костелу, а другим – к главному трехэтажному зданию коллегиума. Сравнивая фасады и планировки этих корпусов, обращает на себя внимание существенная разница их конструктивных решений.

Конструктивные решения нового здания практически не отличались от более ранних иезуитских построек коллегиума. Они имели глубокие сплошные фундаменты без разгрузочных арок, менее толстыми оказались стены. При возведении северной части мануфактур полоцкие иезуиты, наконец, устроили полноценные аркады, позволившие заменить коридоры перед входами в помещения мастерских и складов своеобразными галереями. В отличие от учебно-жилых помещений членов ордена и их воспитанников здесь не требовалось поддержания особого комфорта, тепла и чистоты. Части аркад мануфактур бывшего Полоцкого коллегиума сохранились к началу XX в. только частично. Судя по пропорциям арок и столбов, зафиксированных на фотографиях начала XX в., за их основу при проектировании полоцкими архитекторами-иезуитами были взяты аркады Папской семинарии (алюмината) или детинца Почобута по северной стороне в Вильне [15, s. 423, 441: Rys. 19; 23, с. 23, 269]. Полоцкие образцы были выполнены в более упрощенном виде. Это было последнее проявление влияния на архитектуру Полоцкого иезуитского коллегиума академии.

Относительно дома ксендзов-пенсионеров, корпуса Габриэля Грубера, бursy и богадельни, то в них влияние со стороны архитектуры Виленской академии уже проследить не удалось. В 1773 г. иезуитская академия в Вильне была закрыта. Наблюдается тенденция к упрощению и удешевлению архитектурно-конструктивных и планировочных решений большинства построек, возведенных полоцкими иезуитами после 1773 г., на смену барокко приходит классицизм. Более того, в связи с

ликвидацией иезуитского ордена в Западной Европе многие архитекторы-иезуиты приезжают в Полоцк, и очень скоро в Полоцком иезуитском коллегиуме стали готовить своих архитекторов, уже работавших в новых условиях, вне зависимости и влияния Вильни.

Заключение

Таким образом, сравнивая образцы архитектурно-декоративной керамики XVI–XVII вв., найденной при исследовании иезуитского коллегиума Полоцка и исторической застройки Вильни, совершенно очевидно, что влияние художественных традиций мастеров столицы было значительным. Гончары, приезжавшие из Вильни в Полоцк, везли с собой готовые формы и на их основе либо воспроизводили знакомые им сюжеты, либо создавали местные, отличные от столичных. Особенно эти тенденции проявились в конце XVI – первой половине XVII в. Необходимо отметить, что хронологические рамки бытования одних и тех же изразцов в Вильне для Полоцка имеют смещение на 20–30 лет из-за Ливонской войны и конфликтов между прибывшими в Полоцк иезуитами и горожанами. Таким образом, многие ренессансные и барочные орнаменты, которые в столичной Вильне уже начинали выходить из употребления, в Полоцке только набирали популярность. Бережное отношение иезуитов к старым уцелевшим изразцам позволяло их неоднократно использовать при строительстве новых и восстановлении старых печей деревянных построек иезуитского коллегиума на протяжении почти 50 лет. Таким образом, они “дожили” до середины XVIII в. – времени начала строительства корпусов существующего ныне ансамбля.

Относительно конструктивно-планировочных решений иезуитского коллегиума Полоцка и степени влияния на него внешних факторов необходимо сказать следующее. Сведений о первоначальных зданиях коллегиума XVI – начала XVII вв. на сегодня нам обнаружить не удалось. Археологические исследования территории ансамбля также не позволили выявить их значительных остатков. В восстанавливаемом после русско-польской войны “скромном коллегиуме” так

же преобладала деревянная застройка. Остатков ее практически не сохранилось, за исключением двух фрагментов сруба, датированного концом XVII в., по которым невозможно точно определить конструктивные особенности и назначение застройки. Определенный интерес представляют изображения коллегиума на планах Полоцка, снятых в 1707 и 1720 гг. На двух изображениях у коллегиума имеется башня, известная по археологическим исследованиям существующих построек.

Наиболее ранние кирпичные конструкции Полоцкого иезуитского коллегиума датируются первой третью XVII в. К ним относятся мощный фундамент деревянного костела, кирпичный подвал упомянутой выше башни, остатки сакристии и возведенная после 1682 г. библиотека. Среди данных конструкций обращает на себя внимание кладка торцевой стены подвала сакристии и конструкция фундамента библиотеки, которые имеют прямые аналогии в кладках стен подвалов зданий XVI–XVII вв. в Вильне.

Условия градостроительной ситуации в Полоцке, характеризовавшейся преобладанием деревянной городской застройки, выгодно отличали его от большинства европейских городов. Там уже в XVI–XVIII вв. значительный процент составляла каменная разнохарактерная застройка. Это не позволяло иезуитам использовать наиболее оптимальные функционально-планировочные решения без оглядки на существовавшие капитальные объекты, которые не всегда было легко включить в структуру новых зданий. В Полоцке остатки старых построек, наиболее значимых для иезуитов, были сосредоточены в одном месте, что облегчало как проектирование новых существующих ныне корпусов, так и включение в их состав старых конструкций.

В ходе строительства и реконструкций зданий существующего ансамбля Полоцкого иезуитского коллегиума воздействие внешних факторов удалось проследить наиболее полно. Многие их архитектурные, планировочные и конструктивные решения имеют ряд аналогий в коллегиумах Вильни, Ломжи, Несвижа. Их внедрению в Полоцке способствовало то обстоятельство, что в

ордене широко практиковалась ротация (т. е. перевод) квалифицированных специалистов из одного коллегиума в другой. Таким образом, передовые наработки, опыт, идеи, новые технологии в различных областях культуры и науки становились доступны и осваивались в других иезуитских центрах. Приезжавшие в Полоцк архитекторы-иезуиты адаптировали передовые архитектурные, планировочные и конструктивные решения к местным условиям и при соответствующих корректировках и доработках воплощали в новых корпусах коллегиума.

Данные обстоятельства объясняют как сходство, так и преемственность многих архитектурных, планировочных и конструктивных решений при строительстве и реконструкциях зданий коллегиума в Полоцке и территориально далеких от него коллегиумов Несвижа, Ломжи и академии Вильни.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Кушнярэвіч Аляксандр.** Віленскі кляштар бернардзінцаў / А. Кушнярэвіч // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. – 2-е выд. – Мінск, 2007. – Т. 1. – С. 427.
2. **Дук, Д. У.** Археалагічныя комплексы пасадаў Полацка IX–XVIII стст. (па выніках раскопак 2004–2012 гг.) / Д. У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2014. – 248 с.
3. **Дук Д. У.** Новыя знаходкі рэнесансавай кафлі ў Полацку (да пытання аб сацыятапаграфічнай структуры Запацкага пасада ў першай палове XVI ст.) / Д. У. Дук, А. А. Салаўёў // Памятнікі эпохі жэлезы і сярэневековья Беларусі (К 60-летію О. Н. Левка) МАБ. Мінск : ГНУ “Інстытут гісторыі НАН Беларусі”, 2007. – № 14. – С. 215–221.
4. Vilniaus kokliai XV–XVII amžiuije / Redaktore Niole Deveikienė. – Vilnius : LNM, 2015. – 406 s.
5. **Гризингер, Т.** Иезуиты. Полная история их тайных и явных деяний от основания ордена до настоящего времени / Т. Гризингер. – Минск : МФЦП, 2004. – 640 с. : ил. – С. 232.
6. История иезуитов в Полоцке. Полоцко-Витебская Старина. Кн. 2. – 1912. – С. 6–7.
7. **Дук, Д. У.** Полацк і палачане (IX–XVIII стст.) / Д. У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2010. – 180 с., [22] арк. : іл.

8. Иезуиты в Полоцке: 1580–1820 гг. : в 2 ч. / сост., примеч. и вступ. ст. Л.Ф. Данько, А. И. Судник. – Полоцк : А. И. Судник, 2005. – Ч. 2. – 40 с. : ил. – (Наследие Полоцкой земли; Вып. 2).
9. **Соловьев, А. А.** Изразцы и печи полоцкого коллегіума (конец XVI – первая треть XIX в.) : архитектурно-археологический очерк / А. А. Соловьев. – Полоцк : Полоцк. кн. изд-во, 2013. – 95 с. : ил.
10. **Roma, Songailė.** Tyrienėjimai Biržų senamiestyje // Archeologiniai tyrienėjimai Lietuvoje. – Vilnius : UAB "Akritis", 2005. – S. 235–240.
11. **Дук, Д. У.** Полацк XVI–XVIII стагоддзяў : нарысы тапаграфіі, гісторыі, гісторыі матэрыяльнай культуры і арганізацыі жыццёвай прасторы насельніцтва беларускага горада / Д. У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2007. – 268 с. : іл.
12. **Соловьев, А. А.** Полоцкий иезуитский коллегіум в ретроспективе (1581–1914 г.) : архитектурно-археологический очерк / А. А. Соловьев. – Полоцк : Полоцк. кн. изд-во, 2012. – 97 с.
13. Архив Ежи Пашенды Н. Lit. 39 f. 8.
14. **Абрамаускас, С.** О некоторых вопросах развития каменных конструкций в Литве в XV–XVI веках / С. Абрамаускас // Науч. труды высш. учеб. заведений ЛитССР. Стр-во и архитектура. 1962. – Т. 1. – № 5. – С. 219–231.
15. **Paszenda, J.** Zabudowa akademii wilenskiej w XVI–XVIII wieku / J. Paszenda // Budowle jeziuckie w Polsce XVI–XVIII w. – Kraków, 1999. – Т. 1.
16. **Paszenda, J.** Kościół Bożego Ciała w Nieświeżu/Paszenda J. // Budowle jeziuckie w Polsce XVI–XVIII w. – Kraków, 1999. – Т. 1. – С. 279–318.
17. **Paszenda, J.** Wpływ pożarów Wilna na architekturę późnego baroku / J. Paszenda // Sztuka ziem wschodnich Rzeczypospolitej XVI–XVIII w. / red. Jerzy Lileyko. – Lublin : Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego. Istnieje od roku 1934, 2000. – S. 487–494.
18. **Paszenda, J.** POŁOCK // Encyklopedia wiedzy o jezuitach na ziemiach Polski i Litwy. 1564–1995. – Kraców, 1996. – S. 524–527.
19. Paszenda, J. Kościół jezucki (farny) w Grodnie // J. Paszenda. – Budowle jeziuckie w Polsce XVI–XVIII w. – Kraków, 2000. – Т. 2. – С. 36–59.
20. **Paszenda, J.** Dzieje zabudowy jezuckich w Łomży / J. Paszenda // Budowle jeziuckie w Polsce XVI–XVIII w. – Kraków, 2000. – Т. 2. – С. 185–215.
21. **Дэйніс, І. П.** Полацкая даўніна / І. П. Дэйніс. – Мінск, 2007. – 330 с.
22. Daiva Luchtanienė Tyrienėjimai Asmenos – Mėsinų Dysnos G. Sankirtoje (Vilniaus senajo miesto 60 kvartale) // Archeologiniai tyrienėjimai Lietuvoje. – Vilnius : UAB "Akritis", 2004. – 408 s. – P. 251–253.
23. НПИКМЗ КП 5-2321-12
24. НПИКМЗ КП 6-2827-09
25. **Викентьев, В. П.** Полоцкий кадетский корпус (исторический очерк 75-летия его существования). – Полоцк, 1910. – 461 с.
26. **Здановіч, Н. І.** Справаздача пра архітэктурна-археалагічныя доследы ў маі 1992 г. Помнік архітэктury XVIII ст. Езуіцкі калегіум у г. Полацку. – Спр. № 1449.
27. НПИКМЗ КП 9-5593-7

Поступила в редакцию 05.01.2018 г.

Контакты: +375 29 895 27 49

(Соловьев Александр Александрович)

Soloviev A. THE ARCHITECTURE OF POLOTSK JESUIT COLLEGIUM IN THE LATE XVI–XVIII CENTURIES: CULTURAL CONTACTS AND OUTWARD INFLUENCE (regarding stove tiles and construction process).

The article focuses on the outward factors which determined the formation and development of the architecture of the Jesuit Collegium in Polotsk. The decorative nature of the Jesuit Collegium ceramics is vividly displayed in the décor of the front segments. The ornaments found in Polotsk and Vilnius were produced by means of the identical (if not the same) matrices brought by the potters to Polotsk in the XVI – early XVII centuries. The comparison of the architecture and construction of the brick Jesuit Collegiums in Grodno, Nesvizh and Vilnius of the XVII – the first half of the XVIII century has been carried out. The large-scale and monumental building of the Jesuit Collegium in Polotsk started only in the late XVIII century under the influence of the Jesuit construction traditions in Grodno, Nesvizh and Vilnius. When St. Stephen's Jesuit Church in Polotsk was being built many ideas applied to the creation of Nesvizh castle were implemented. It has been also proved that many ideas that Vilnius Jesuits had failed to realize were put into operation by the builders of the Jesuit Collegium in Polotsk.

Keywords: the Jesuit Collegium in Polotsk, Vilnius Jesuit Academy, Yakub Ruoff, arcade, Viulnus, Lomzha.

УДК 811.111'36 (043.3)

ОЦЕНОЧНЫЙ МОДУС В АНАЛИТИЧЕСКОЙ СТАТЬЕ БРИТАНСКОГО МЕДИАДИСКУРСА

И. В. Лешкевич

кандидат филологических наук,
доцент Минского государственного
лингвистического университета

Дифференцируются понятия “модальность” и “модус”. Определяется сущность оценочного модуса и его роль в создании аналитических медиажанров. Выявляются языковые средства реализации оценочного модуса в аналитической статье британского медиадискурса. К ним относятся оценочные лексические единицы, вводные слова и выражения, коннекторы, маркирующие отношение автора, а также стилистические средства.

Ключевые слова: медиадискурс, модальность, модус, оценочный модус, аналитическая статья, оценка, лексическая единица.

Введение

Значение модуса для верного понимания дискурсивных смыслов и интенций трудно переоценить. Мысль о необходимости выделения модуса (в другой терминологии – модальности) в качестве одной из главных сторон текстообразования и необходимого элемента строительства текста, а также ведущая роль модуса в изучении антропоморфизма языка в его ипостаси законченных речевых произведений подчеркивалась многими учеными (И.Р. Гальперин, Г.Я. Солганик, О.Л. Каменская, О.Б. Сиротина, З.Я. Тураева, Е.В. Падучева, В.В. Красных и др.). В орбиту лингвистических исследований модуса высказывания/текста сегодня включаются самые различные объекты: интенция говорящего-пишущего и его приемы построения дискурса, жанровые особенности и требования; интонация, подтекст, логические модальности, а также теории и практики общественных взаимоотношений (М.Н. Володина, Н.А. Артамонова, А.А. Негрышев, И.А. Нагорный, С.Н. Туровская и др.). Тем не менее изучение модуса в силу его непрозрачности, имплицитности, “тонкой” природы так и не приобрело к настоящему времени четких очертаний.

Основная часть

Ш. Балли первый предложил концепцию двухчастной структуры высказывания, именуя термином *модус* субъективные стороны высказывания, идущие от говорящего, а термином *диктум* – объективные [1, с. 44–45]. Его идеи развиты во многих трудах (Э. Бенвенист, Л. Теньер, А. Вежицка, Е.В. Падучева, Т.В. Шмелева, Т.М. Николаева). В российском синтаксисе термин “модус” в смысле, означенном Ш. Балли, стали использовать Т.Б. Алисова, В.Г. Гак, Т.А. Колосова, В.А. Белошапкина, Т.В. Шмелева. Так, В.Г. Гак впервые поставил вопрос о том, чтобы определить круг категорий модуса [2]; Т.А. Колосова приложила теорию и терминологию Ш. Балли на исследование русского сложного предложения [3]; В.А. Белошапкина ввела понятия “модус” и “диктум” в университетский курс современного русского языка [4]; Н.В. Зиневич впервые применила модусно-диктумный подход в белорусском сопоставительном языкознании [5].

Одна из существенных методических проблем отечественной семантики и прагматики, на наш взгляд, заключается в том, что отсутствует четкое разграничение полномочий терминов *модус* и *модальность*. Наблюдается сложная картина их взаимоотношений, когда то одно понятие шире другого, то наоборот (в зависимости от установок, школ, терминологических традиций того или иного исследователя). В.З. Панфилов отмечает, что “нет другой категории, о языковой природе и составе частных значений которой высказывалось бы столько различных и противоречивых точек зрения, как о категории модальности” [6, с. 37].

Например, В.В. Виноградов под модальностью в синтаксисе понимает “то, что сообщается, может мыслиться говорящим как реальное, наличное в прошлом или настоящем, как реализующееся в будущем, как желательное, требуемое от кого-нибудь, как потенциальное, как не действительное и т. п. Формы грамматического выражения такого рода отношений содержания речи к действительности и составляют синтаксическое существо категории модальности” [7, с. 80]. Таким образом, то, что сообщается – диктум, а то, что может мыслиться – модальность (модус).

А.В. Бондарко рассматривает модальность как комплекс актуализационных категорий, характеризующих с точки зрения говорящего отношение пропозитивной основы содержания высказывания к действительности по доминирующим признакам реальности/ирреальности [8].

В “Грамматике русского языка” модальность определяется как отношение действия или состояния, выраженного предложением, к действительности. Причем формами этой категории признаются формы наклонения, а логической структурой – способы связи предиката с субъектом. Категория модальности входит в круг предикативности как отнесения содержания предложения к действительности, включающей, кроме модальности, время и лицо [9, с. 89].

Н.Ю. Шведовой принадлежит идея об объективной и субъективной модальности [10], которая ознаменовала новое направление в исследовании данной проблемы. Так, под объективной модальностью понимается отношение сообщаемого к тому или иному плану действительности, языковые формы мысли о реальном в настоящем, прошлом, будущем или ирреальном возможном, желаемом, должном или требуемом [10, с. 542]; под субъективной модальностью – отношение говорящего к сообщаемому (значения усиления, экспрессии, уверенности/неуверенности, согласия/несогласия и т. д.) [10, с. 611]. В такой интерпретации модальность отличается от модуса, поскольку подразумевает только грамматические средства своей экспликации и не предполагает имплицитных форм – “нулевых” позиций для выражения своих значений.

Тем не менее существует ряд работ, в которых отождествляется модальность и модус. Во всяком случае, термин “модальность” используется в изучении субъективных сторон высказывания (Е.М. Вольф, А.И. Островская, И.А. Филипповская, Е.В. Клобуков и др.). Однако при использовании модальности и модуса в тождественном значении, во-первых, создаются терминологические неудобства; во-вторых, невозможно выявить репертуар средств выражения тех или иных модусных смыслов; в-третьих, редко рассматривается имплицитное существование субъективных значений [11, с. 122].

С появлением концепции модуса (Т.В. Шмелева), семантических исследований (Е.В. Падучева), стилистики текста (Г.Я. Солганик), коммуникативной грамматики (Г.А. Золотова), семантических универсалий (А. Вежбицка) и других терминов “модальность” и “модус” окончательно признаются разноплановыми: *модальность* – семантическая категория, она рассматривается в плане языковых возможностей языка вообще (А.В. Бондарко); а *модус* – часть смысловой структуры высказывания (Т.В. Шмелева). Он состоит из блоков категорий: метакатегорий, актуализационных, квалификативных (авторизация, персуазивность, оценочность) и социальных категорий [12, с. 27–36].

Таким образом, под модальностью понимается грамматикализованное отношение высказывания к действительности (Е.Н. Доброгост, Е.С. Ярыгина, Н.А. Андромонова), а под модусом – весь спектр субъективных смыслов, которые могут существовать в высказывании и тексте и окружать диктумное (пропозициональное) содержание высказывания и тема-рематическое основание текста (Е.И. Диброва, Н.В. Рачук, Т.А. Демешкина, Т.И. Стеклова, Е.С. Ярыгина и др.). В исследовании З.Я. Тураевой данный подход к модусу конкретизируется и сводится к целевой коммуникативной установке автора и категории оценки [13, с. 109]. На основе изложенных выше определений под оценочным модусом будем понимать ценностное отношение автора дискурса к внеязыковому объекту (лицу, предмету, явлению действительности), выражаемое с целью оказания воздействия на адресата.

Из жанров медиадискурса нами выбрана аналитическая статья, поскольку в ней легче всего увидеть текстостроительную роль оценочного модуса, и в ней главное место отводится не имплицитному и только логически выводимому модусу, а наиболее естественному для задач текстообразования – эксплицитному, то есть формально выраженному.

К языковым средствам выражения авторского отношения относятся в первую очередь лексические единицы рациональной и эмоциональной оценки различной частеречной принадлежности: прилагательные (*the worst* ‘наихудшее’, *significant*

‘значительный’, *sufficient* ‘достаточный’, *fake* ‘фальшивый’), наречия (*rapidly* ‘быстро’, *carefully* ‘тщательно’, *deeply* ‘глубоко’), глаголы (*accuse* ‘обвинить’, *facilitate* ‘облегчать’, *mock* ‘насмехаться’), существительные (*failure* ‘неудача’, *misuse* ‘неправильное использование’, *crook* ‘жулик’, *outrage* ‘возмущение’). Например: *Only three months ago, Fillon was **basking in the position of presidential favourite**, portraying himself as **the only clean pair of hands** capable of leading the country through the **blood, sweat and tears of austerity**. Now he is **weakened and permanently on the defensive*** (The Guardian. 01.03.17) ‘Только три месяца назад Фийон наслаждался тем, что имеет наибольший шанс на успех на президентских выборах, изображая из себя единственного кандидата с незапятнанной репутацией, способного вести страну сквозь кровопролитие, волнение и беспокойство. Сейчас его позиции ослаблены, и он вынужден постоянно защищаться’.

Маркерами оценочного отношения являются вводные слова и выражения (*of course*, *unfortunately*), а также коннекторы (*however*, *meanwhile*), отражающие ход рассуждения автора аналитической статьи: *There is one area, **however**, where Britain has been **keen** to develop a common European asylum and refugee approach* <...> (The Guardian. 01.03.17) ‘Однако все же существует одна сфера, в которой Великобритания стремится разработать общий европейский подход в предоставлении убежища беженцам’.

Вопросы автора к читателю в аналитической статье, особенно риторические, раскрывают позицию автора по обсуждаемым вопросам: ‘<...> *what will he say next? ‘An extermination of the programmes’? ‘A Holocaust of the candidates’?*’ (The Guardian. 01.03.17) ‘<...> каковы будут его последующие высказывания? Отмена программ? Холокост кандидатов?’.

Если вопрос автора – нериторический, то зачастую журналист приводит и ответ на него, одновременно высказывая свою позицию. Например, заголовок одной из статей представляет собой вопрос *Are the gig economy and online delivery making our roads **less safe**?* (The Guardian. 02.03.17) ‘Делает ли рынок краткосрочных

контрактов и онлайн-доставка наши дороги менее безопасными?’. Ответом на этот вопрос является само содержание статьи. Кроме того, сам вопрос является не простым запросом информации, а содержит “намек” на мнение автора, для чего используется оценочное прилагательное в сравнительной степени *less safe* ‘менее безопасными’. Следовательно, сам характер задаваемых вопросов в аналитической статье, а также их последовательность свидетельствуют о мнении и оценках журналиста.

Стилистические средства лексического уровня (эпитеты, метафоры, сравнения и др.) также способны выражать оценочный модус: *by urging his wronged voters to “resist”, Fillon was **playing his last card*** (The Guardian. 01.03.17) ‘<...> убеждая обманутых избирателей “не поддаваться”, Фийон использовал свой последний шанс’; ***invasion from Calais camp*** (The Guardian. 01.03.17) ‘нашествие из лагеря беженцев в Кале’; <...> *the British government has “**activated a pause**” on the proposed policy* (The Guardian. 01.03.17) ‘<...> британское правительство “активировало паузу” в реализации предложенной миграционной политики’.

Эксплицитный оценочный модус формализует часть высказывания. Но его смысл может распространяться не только на это высказывание, но и дальше – на соседние высказывания, на фрагмент текста и весь текст аналитической статьи. Модус на пространстве текста отражает как отношение самого автора к сообщаемому, так и отношение иных субъектов (политиков, экспертов, очевидцев и других участников происходящих событий) к выраженным в тексте пропозициям. Очень часто в структуре аналитической статьи приводятся мысли других участников коммуникации в виде прямых и косвенных цитат, пересказов мыслей и целых концепций, реминисценций и намеков. Например: <...> *she (Theresa May) described an asylum system that gave refugee status to those who reached Britain and Europe as “**rewarding the wealthiest, the luckiest and the strongest**”* (The Guardian. 01.03.17) ‘<...> она (Тереза Мэй) охарактеризовала систему предоставления убежища, которая гарантирует статус беженца тем, кто ока-

зался в Великобритании и Европе, как “поощряющую самых богатых, самых удачливых и самых сильных”’.

Заключение

Оценочный модус на пространстве аналитической статьи имеет сложную природу: он складывается из модусов высказываний (элементарных модусов), которые постепенно ведут к выражению авторской идеи о мире и об элементах мира, т. е. к формированию модуса текста. Оценочный модус в тексте всегда исходит от автора, но не всегда относится к автору аналитической статьи. Часто он относится к другим субъектам речи, представленным в тексте. Установлено, что в реализации оценочного модуса участвуют оценочные лексические единицы, вводные слова и выражения, коннекторы, а также разнообразные лексические и синтаксические стилистические средства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Балли, Ш.** Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли ; пер. с 3-го фр. изд.: Е. В. Вентцель, Т. В. Вентцель ; ред., вступ. ст. и примеч. Р. А. Будагова. — Москва : Изд-во иностр. лит., 1955. — 416 с.
2. **Гак, В. Г.** О категориях модуса предложения / В. Г. Гак // Предложение и текст в семантическом аспекте : межвуз. темат. сб. / Калинин. гос. ун-т ; редкол.: И. П. Сусов (отв. ред.) [и др.]. — Калинин, 1978. — С. 19–26.
3. **Колосова, Т. А.** О диктуме и модусе в сложном предложении / Т. А. Колосова // Науч. докл. высш. шк. филол. науки. — 1979. — № 2. — С. 47–53.
4. **Белошапкина, В. А.** Синтаксис / В. А. Белошапкина // Современный русский язык : учебник / В. А. Белошапкина [и др.] ; под ред. В. А. Белошапкиной. — Москва, 1981. — С. 363–552.
5. **Зиневич, Н. В.** Обобщающие высказывания выводного характера в научном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. В. Зиневич ; Минск. гос. лингвист. ун-т. — Минск, 2015. — 25 с.
6. **Панфилов, В. З.** Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения / В. З. Панфилов // Вопр. языкознания. — 1977. — № 4. — С. 37–48.
7. Грамматика русского языка : в 2 т. / Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. ; редкол.: В. В. Виноградов [и др.]. — Москва : Изд-во АН СССР, 1960. — Т. 1 : Фонетика и морфология. — 719 с.
8. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко [и др.] ; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) [и др.]. — Москва : Наука, 1990. — 263 с.
9. Грамматика русского языка : в 2 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: В. В. Виноградов [и др.]. — Москва : Изд-во АН СССР, 1960. — Т. 2, ч. 2 : Синтаксис. — 440 с.
10. Грамматика современного русского литературного языка / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. — Москва : Наука, 1970. — 767 с.
11. **Копытов, О. Н.** Модус на пространстве текста / О. Н. Копытов. — Хабаровск : Изд-во Хабар. гос. ин-та искусств и культуры, 2012. — 299 с.
12. **Шмелева, Т. В.** Семантический синтаксис : текст лекций / Т. В. Шмелева. — 2-е изд. — Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 1994. — 47 с.
13. **Тураева, З. Я.** Лингвистика текста и категория модальности / З. Я. Тураева // Вопр. языкознания. — 1994. — № 3. — С. 105–114.

Поступила в редакцию 15.03.2017 г.

Контакты: ms.lyashkevich@mail.ru
(Лешкевич Ирина Владимировна)

Leshkevich I. V. EVALUATION MODUS IN ANALYTICAL ARTICLES OF BRITISH MEDIA DISCOURSE.

The paper presents the study of modality and modus. The essence of evaluation modus and its role in the creation of analytical media genres have been established. The typology of language means that participate in the realization of the evaluation modus in the analytical articles of British media discourse has been revealed.

Keywords: media discourse, modality, modus, evaluation modus, analytical article, evaluation, lexical unit.

УДК 81'373.612.2 : 81'42

ІНТЭРАКТЫЎНАСЦЬ ЯК АСНОВА ІЗАМАРФІЗМУ Ў ТРЫЯДЗЕ “МЕТАФАРА – ТЭКСТ – ДЫСКУРС”

С. Б. Кураш

кандыдат філалагічных навук, дацэнт
Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага
ўніверсітэта імя І.П. Шамякіна

*У артыкуле раскрываюцца новыя, неда-
статкова даследаваныя аспекты метафары
ў тэкста-дыскурсіўным вымярэнні. Сцвярджа-
ецца, што метафара выступае ў якасці срод-
ку аўтарскага рэфлексіўнага рэагавання на
дыскурсіўныя сферы, якія акружаюць тэкст.
Вызначаецца тое, якім чынам рэалізоўваецца
глыбінныя механізмы спараджэння і функцыя-
навання дыскурсіўных інтэракцый паэтычнага
тэксту, абумоўленыя ўласцівасцямі чалаве-
кага мозга і базавымі параметрамі асноўных
феноменаў быцця (бінарнасцю, сіметра-
асіметрыяй і інш.), сутнасна ізамарфныя, род-
насныя метафары.*

Ключавыя словы: метафара, тэкст, ды-
скурс, знак, ізамарфізм, інтэрактыўнасць

Уводзіны

Ідэі ізамарфізму ў поглядах на
асноваўтваральныя феномены быц-
ця далёка не новыя. Яны бяруць пача-
так з антычнай філасофскай думкі. У
прыватнасці, у Платона і шэрагу іншых
выдатных мысліцеляў мінулага знаходзім
уяўленне пра свет як пра свет ідэй, пра
шматузроўневую рэчаіснасць, узроўні
якой знаходзяцца ў адносінах глабаль-
нага ўзаемадзеяння, узаемадапаўнення,
узаемаабумоўленасці з прычыны іх
гамагеннасці і структурнага ізамарфізму.

У лінгвістычны зварот паняц-
це ізамарфізму ўвёў вядомы польскі
мовазнаўца Ежы Курыловіч [1]. Ізамарфізм
у мове ён бачыў у наяўнасці структурных
аналогій паміж гукавымі і семантычнымі
адзінкамі. Гэта ж ідэя – ідэя глыбокага
структурнага паралелізму фармальнага і
змястоўнага моўных планаў – уваходзіць у
лік асноўных палажэнняў гласематычнай
канцэпцыі Л. Ельмслева [2].

Спробы выяўлення ізамарфізму
ўнутры мовы – больш-менш паспяхо-
выя – шмат у чым і дагэтуль уяўляюць

адну з найбольш дыскусійных праблем
лінгвістычнай навукі [3, с. 197–222], пра-
пануючы даследчыкам усё новыя і новыя
пытанні, наводзячы іх на цікавыя, часам
вельмі нечаканыя паралелі.

У ліку феноменаў, якія здаўна
асэнсоўваюцца ў гэтым дачыненні, пер-
шачарговую ролю выконвае Слова ў сваім
анталагічным разуменні, якое зводзіць да
сябе як да нейкага цэнтра ўсе механізмы
мовы (па Ф. дэ Сасюру) і – больш за тое –
быцця. Сучаснай навуцы вядомы ўжо не
адзінкавыя прэцэдэнты пошуку (і знахо-
джання!) структурнага ізамарфізму Слова
з такімі феноменамі ідэальнага і матэры-
яльнага быцця, як мозг, генетычны код, ча-
лавек, Сусвет [4, с. 199–266].

В.А. Маслава, спасылаючыся на
іншага вядомага лінгвіста, зазначае: “Су-
часны навуковец В.В. Налімаў справядліва
разглядае свет як семантычны сусвет, а
чалавека – як тэкст, які сам сябе чытае.
У генетычнай кнізе дастаткова зрушыць
толькі адну літару – і ўсё далейшы тэкст
будзе мець іншы сэнс. Наш арганізм па-
стаянна чытае гэтую кнігу. Каб паўплываць
на іншага чалавека, неабходна ўвайсці ў
яго семантычнае поле, ведаць законы яго
функцыянавання, ведаць яго граматы-
ку. Тэксты ДНК і РНК падпарадкоўваюцца
агульным законам універсальнай граматыкі.
Калі мы ведаем гэтую граматыку, то мо-
жам істотна паўплываць на чалавека. Але
ўзровень ўплыву вызначаецца не толькі
сэнсам, рытмам, іншымі чыста моўнымі
характарыстыкамі, але і ўзроўнем значнасці
асобы, якая спрабуе ўздзейнічаць, напры-
клад, на выкладчыка, лекара” [5, с. 123].

У святле сказанага лагічна будзе пры-
няць у якасці зыходнага, аксіяматычнага
палажэнне пра патэнцыяльна ўласцівыя
ўніверсальныя ізамарфічныя якасці і для
такога паняцця, як тэкст у яго дыскурсіўным
разуменні.

Гэтыя ж уласцівасці, безумоўна,
распаўсюджваюцца і на такую іпастась
Слова, як метафара, якая мае фактыч-
на роўную са Словам гісторыю свайго
філасофскага асэнсавання.

Асноўная частка

Можна сцвярджаць, што ні адзін
з феноменаў маўленчай і разумовай
дзеінасці, ні адна з анталагічных іпастасей

слова не заявіла пра свае ізамарфічныя патэнцыі ў той ступені, у якой гэта атрымалася ў метафары. Справа ў тым, што апошняя генетычна, анталагічна і экзістэнцыйна ізамарфічная, бо па сваім генезісе, дэрывацыі і экзістэнцыі яна бінарная: яе “нерв”, як ужо адзначалася, – гэта ўзаемадзеянне, інтэракцыя [гл.: 6; 7 і інш.].

Невыпадкава “сляды” ізамарфізму мы кожны раз знаходзім там, дзе “прыкладала сілы” метафара, ці гэта будзе слоўніковы фонд пераносных значэнняў (*ножка крэсла, хвост самалёта* і інш.), ці парадэгмы тэрмінасістэм (параўн.: *роднаснасць моў, моўная сям’я, корань слова, мёртвае мова* і г. д.), ці цэласныя канцэптуальныя ўтварэнні (фрэймы) тыпу *жыццё – кніга, жыццё – тэатр, палітыка – шоу, чалавек – расліна* і да т.п., якія атрымалі ў кагнітыўнай лінгвістыцы назву канцэптуальных метафар. “Сам тэрмін “метафара”, – адзначае В.М. Лагута, – даўно выйшаў за рамкі паэтыка-рытарычнага ўжытку. Як метафарычныя разглядаюцца нават элементы ландшафту, прадметы дызайну, гістарычныя і сацыяльныя падзеі, мастацкія стылі і сродкі, напрамкі ў развіцці інфармацыйных тэхналогій і мн. інш.” [7, с. 3]. Менавіта адсюль і звыклых ў апошні час для нашага слыху выразы нахштальт *метафара горада, метафара саду, метафара танца* і інш.

У апошнім выпадку ў канцэптуальным аб’ёме паняцця “метафара” выразна акцэнтуюцца сема “здольнасць да мадэлявання”. Паміж метафарай і мадэллю па сутнасці ставіцца знак роўнасці. “Метафара – гэта праява аналагавага магчымасцей чалавечага мыслення. Метафары закладзены ўжо ў самой паняццыйнай сістэме мыслення чалавека, гэта асаблівага роду схемы, па якіх чалавек думае і дзейнічае” [8, с. 33]. А, як вядома, “мадэляванне магчыма толькі там, дзе існуе шэраг блізкіх у чым-небудзь адна да другой з’яў, істотныя прыкметы якіх супадаюць. Таму вельмі важнымі паняццямі пры апісанні мадэлявання (як і метафарызацыі) з’яўляюцца паняцці аналогіі, ізамарфізму, роўнасці, тоеснасці (і гомамарфізму), абстракцыі” [7, с. 30–31].

З прычыны гэтага вельмі сімвалічная практыка раскрыцця сутнасці ізамарфізму тых ці іншых феноменаў быцця праз аперыраванне паняццем “метафара”,

сфарміраваная ў навуковых даследаваннях рознай накіраванасці. Так, напрыклад, М.І. Сцеблін-Каменскі у 1974 г. быў апублікаваны артыкул «Ізамарфізм і “фаналагічная метафара”», у якім навуковец закрануў праблему транспазіцыі фаналагічных тэрмінаў у апісанні нефаналагічных з’яў: “Які лінгвіст, – піша М.І. Сцеблін-Каменскі, – <...> не ўжываў тэрмінаў “апазіцыя”, “нейтралізацыя”, “маркіраванасць” і г. д. у апісанні нефаналагічных з’яў?” [9, с. 74]. Да гэтай тэрміналагічнай экстрапаляцыі навуковец звяртаецца ў мэтах спробы вырашэння праблемы суадносін двух асноўных планаў мовы – плана выражэння і плана зместу. Менавіта гэты працэс – параўнанне элементаў ці з’яў розных планаў мовы – М.І. Сцеблін-Каменскі і разглядае як своеасаблівую метафару: «Калі тэрміны “апазіцыя”, “нейтралізацыя”, “дыферэнцыяльная прыкмета” і да т. п. ужываюцца да нефаналагічных з’яў, то гэта, так сказаць, “фаналагічная метафара”» [9, с. 77].

Такім чынам, у якасці папярэдняй высновы канстатуем: метафара як моўны (маўленчы, канцэптуальны) феномен валодае сутнаснай уласцівасцю ізамарфічнасці, на аснове якой ажыццяўляюцца аналогіі. “Аналогіі – гэта метафары на аснове структурнага ізамарфізму, і для таго, каб праводзіць аналогіі, трэба, каб у двух параўнаных рэчах былі падобныя структуры” [10, с. 58].

У гэтым плане ўяўляецца слушнай заўвага В.М. Лагута пра тое, што “дзеянне метафарызацыі не сіметрычнае аперацыі параўнання, паколькі апошняе патрабуе ўсталявання агульнай прыкметы для аб’ектаў, якія параўноўваюцца. Аналогія, якую логіка разглядае як аперацыю, што дазваляе пераносіць істотныя ўласцівасці з аднаго прадмета на іншы – на падставе пэўнай тоеснасці гэтых прадметаў, у дачыненні да тлумачэння метафары прымушае апошнюю разглядаць як нешта, што мае ўласнае значэнне, а гэта вяртае даследаванне тропай на ўзровень іншых моўных выказаў. Аналогія і параўнанне могуць быць дакладнымі альбо не, чаго нельга сказаць пра метафару. Справа ў тым, што метафарызацыя найчасцей не злучана з сілай пазнання, якая абстрагуе, і не абавязана адказваць патрабаванням лагічных правіл. З дапамогай мета-

фары, хутчэй, адбываецца замяшчэнне ці пастаноўка аднаго значэння замест іншага” [7, с. 19].

У развіццё сказанага мы далей робім спробу звесці ў адзін пункт ізамарфічныя патэнцыі двух згаданых вышэй феноменаў, двух суперзнакаў – тэксту (у яго дыскурсіўным разуменні) і метафары. Як гэтая ўласцівасць выяўляецца ў іх у дачыненні адзін да аднаго? Іншымі словамі, у якой меры і ў якіх катэгорыях пра тэкст & дыкурс можна казаць як пра метафару? Развіваючы прыведзеныя вышэй думкі М.І. Сцебліна-Каменскага, мы, па сутнасці, ставім пытанне пра “метафару метафары” ў дачыненні да тэксту.

Разглядаючы мастацкі тэкст, з аднаго боку, як дыскурсіўны феномен (у якасці асноўных дыскурсіўных інтэракцый мы вылучаем такія, як “тэкст – рэчаіснасць”, “тэкст – мова”, “тэкст – інтэртэкст”, “прадучэнт – тэкст – рэцыпіент”), а з другога – як сяміятычны аб’ект (знакавы прадукт у адзінстве таго, што абазначаецца, і таго, што абазначае), назавём некалькі зыходных пастулатаў метафарападобнасці мастацкага тэксту & дыскурсу:

- наяўнасць інтэракцыянальнага механізму, які працуе як пры стварэнні метафары, так і падчас спараджэння тэксту & дыскурсу;

- абумоўленасць гэтым механізмам такой уласцівасці, як двухпланавасць (двухбаковасць), характарызуючая кожны знак, які змяшчае дэнатат (тое, што абазначаецца) і сігніфікат (тое, што абазначае), што таксама з’яўляецца ўласцівым як для тэксту, так і для метафары;

- усталяванне паміж феноменамі метафары, тэксту, дыскурсу адносін узаемаўваходжання (часткі / цэлага), што таксама вядзе да іх ізамарфізму.

Параўнаем: “Істотнай асаблівасцю структурнай пабудовы ядзерных механізмаў сям’ясферы, – піша Ю.М. Лотман, – з’яўляецца тое, што кожная яе частка сама ўяўляе сабою цэлае, замкнёнае ў сваёй структурнай самастойнасці. У адносінах да цэлага яны, знаходзячыся на іншых узроўнях структурнай іерархіі, выяўляюць уласцівасць ізамарфізму. Такім чынам, яны з’яўляюцца адначасова і часткай цэлага, і падабенствам да яго. Для тлумачэння гэтых адносін мож-

на звярнуцца да вобраза, які выкарыстаў у іншай сувязі ў канцы XIV ст. чэшскі пісьменнік Томаш Шцітны. Падобна да таго, як твар, цалкам адлюстроўваючыся ў люстэрку, адлюстроўваецца гэтак жа і ў кожным з яго асколкаў, якія, такім чынам, з’яўляюцца і часткай, і падабенствам да цэлага люстэрка, у цэласным сяміятычным механізме асобны тэкст у пэўных адносінах ізамарфны з усім тэкставым светам, і існуе выразны паралелізм паміж індывідуальнай свядомасцю, тэкстам і культурай у цэлым” [11, с. 23].

Метафара, як было адзначана вышэй, – гэта, з аднаго боку, адзін з амаль абавязковых у мове пазіі канструктыўных элементаў тэксту (ізноў жа частка ў цэлым), а з другога боку – сам па сабе “згорнуты тэкст”, спосаб пазычна рэагаваць на навакольны свет праз тэкст (і тады ўжо тэкст адносіцца да метафары як частка да цэлага).

Такім чынам, працягваючы і развіваючы прыведзеную вышэй думку Ю.М. Лотмана, мы падыходзім да абгрунтавання пастаноўкі пытання пра існасць і праявы структурнага падабенства (ізамарфізму) паміж метафарай і тэкстам & дыкурсам у пазіі.

Такі падыход ужо адназначна зацвердзіўся ў статусе метадалагічнага пры вывучэнні метафары ў розных ракурсах. Параўнаем: “Ключавымі словамі ў вызначэнні метафары з’яўляюцца “суадносіны” і “перанос” (апошняе канкрэтызуе спецыфіку пераносу), гэта значыць, метафара паўстае перад намі як прынцып усталявання сувязей паміж прадметамі і аб’ектамі рэальнасці ў рамках цэласнасці, зададзенай першавобразам <...>. Засноўваючыся на этымалагічным аналізе, мы робім выснову пра сутнасць механізму метафары. Само слова можа быць падзелена на дзве часткі: “мета” (мае 2 значэнні: 1) пасля, над, праз, за, пера, 2) сумесна, разам) і “фара” (рух). Адсюль мы можам зрабіць наступныя высновы: метафара неяк звязана з аб’яднаннем, але гэтак аб’яднанне зусім адрозніваецца ад механічнай сумацыі, яно прадугледжвае ўзаемаўплыў, узаемасувязь элементаў з магчымай іх наступнай трансфармацыяй” [12, с. 15].

У працах Р.В. Якабсона атрымаў абгрунтаванне прынцып паралелізму як вя-

дучы прынцып арганізацыі паэтычнага тэксту і – шырэй – паэтычнага маўлення. Трапеічнасць у шырокім сэнсе пры гэтым разглядаецца як адзін з важных паказчыкаў паралелізму. У пацвярджэнне сваёй думкі Р.В. Якабсон спасылаетца на Г. Гопкінса: “Да паралелізмаў выразнага, ці “рэзкага”, тыпу належаць метафары, параўнанні, іншасказанні і г. д., дзе эфект дасягаецца за кошт падабенства рэчаў, а таксама антытэза, кантраст і г. д., дзе паралелізм дасягаецца за кошт іх непадобнасці” [13, с. 217]. У мастацкім маўленні, адзначае Ю.М. Лотман, “кожная дэталі і ўвесь тэкст у цэлым уключаны ў розныя сістэмы адносін, атрымліваючы ў выніку адначасова больш чым адно значэнне. Будучы аголенай у метафары, гэтая ўласцівасць мае больш агульны характар” [14, с. 68].

На сваім пачатковым этапе “метафара <...> мае справу не з атаясамліваннем розных прадметаў, а з адрозненнем унутры аднаго прадмета, адрозненнем прадмета ад самога сябе. Дакладней – кропка прыпадабнення двух розных прадметаў з’яўляецца кропкай распадабнення прадмета з самім сабой” [15, с. 267].

Гэтая асаблівасць метафары мае пад сабой больш агульныя лінгвістычныя падставы. “Дыялектыка свету і яго быцця, яго гармонія і супярэчлівасць, сіметрыя і асіметрыя аб’ектаў і з’яў не дазваляюць існавання выразных межаў паміж падабенствам і адрозненнем. Існуе нейкая зона раўнавагі падабенстваў і адрозненняў аб’екта(ў). Лінгвакрэатыўная свядомасць носьбітаў мовы заўважала і адзначыла гэтую раўнавагу (часовую ці сталую, з чаргаваннямі зменных перацягванняў на карысць той ці іншай, з ваганнямі і адхіленнямі і г. д.) моўнымі катэгорыямі. Чалавек і сам нярэдка стаіць перад выбарам у вызначэнні падабенства і адрознення, і анталогія яго альтэрнатыўнага стану таксама знаходзіць сваё моўнае выражэнне”, – піша М.І. Канюшкewіч і ілюструе сказанае прыкладам з вядомай песні *Речка движется и не движется*, адзначаючы шматлікасць падобных выказванняў у маўленні [16, с. 103].

Чым цікавае для лінгвапаэталогічнага даследавання менавіта гэтае адзінства – “метафара & дыкурс”?

Н.Д. Аруцюнава бачыць у гэтай уласцівасці метафары яе роднасць самой

сутнасці паэтычнага дыкурсу: “<...> паэзія часта пачынаецца з адмаўлення, за якім ідзе супрацьстаўленне <...>. Менавіта на гэтым арганічна ўласцівым паэзіі прынцыпе пабудавана метафара <...>. Метафару родняць з паэтычным дыкурсам наступныя рысы: 1) зліццё ў ёй вобраза і сэнсу; 2) кантраст з трывіяльнай таксаноміяй аб’ектаў; 3) катэгарыяльны зрух; 4) актуалізацыя “выпадковых сувязей”; 5) нязвездзенасць да даслоўнай перыфразы; 6) сінтэтычнасць, дыфузнасць значэння; 7) дапушчэнне розных інтэрпрэтацый; 8) адсутнасць ці неабавязковасць матывацыі; 9) апеляцыя да ўяўлення, а не да ведаў; 10) выбар найбольш кароткага шляху да сутнасці аб’екта” [17, с. 17–20].

Паводле слоў Айвара А. Рычардса, прырода метафары супярэчлівая: у ёй сумяшчаюцца “дзве думкі пра дзве розныя рэчы” [6, с. 46].

З інтэракцыянальным працэсам непасрэдна звязана інфарматыўнасць метафары, якая заключаецца ў стымуляванні кагнітыўных аперацый паводле алгарытму: дадзены нейкія А і В (вядомыя); патрабуецца атрымаць Х (новае). Менавіта гэтыя ж механізмы ляжаць і ў аснове інфарматыўнасці тэксту / дыкурсу: “Можна разглядаць два выпадкі павелічэння інфармацыі, якой валодае які-небудзь індывід ці калектыў. Адзін – атрыманне звонку. У гэтым выпадку інфармацыя выпрацоўваецца недзе збоку і ў канстантным аб’ёме перадаецца атрымальніку. Другі – будзецца інакш: звонку атрымліваецца толькі пэўная частка інфармацыі, якая выконвае ролю ўзбуджальніка, што выклікае ўзрастанне інфармацыі ўнутры свядомасці атрымальніка” [18, с. 18–19]. Калі першы выпадак тоесны неметафарычнаму (літаральнаму) выразу, то сказанае пра другі цалкам адносіцца да метафары, а значыць, і да паэтычнага дыкурсу: звонку дадзены А і В, а Х – гэта і ёсць “паказчык узрастання інфармацыі”.

Гэтай жа ўласцівасцю метафары, як заўважае У. Грыгор’еў, абумоўлены ізамарфізм метафары і дыялогу: “Папершае, троп <...> служыць з’яўленню ў прывычным слове новага “голосу”, новага аўтарскага “акцэнта”, які ўнутрана палемічны ў адносінах да “старога”,

агульнамоўнага голасу <...>". Па-другое, "<...> не так ужо рэдка паэтам удаецца пераадолець супраціўленне тропа і разнесці семантычныя складнікі метафары ў палемічныя адна ў адносінах да другой рэплікі" [19, с. 120–121]. Параўнаем: *Говоря по-вашему, / рифма – / вексель. / Учесть через строчку! – / вот распоряжение. / И ищешь / мелочишку суффиксов и флексий / в пустующей кассе / склонений / и спряжений. <...> Говоря по-нашему, / рифма – бочка. / Бочка с динамитом. / Строчка – / фитиль. / Строка додымит, / взрывается строчка, – / и город / на воздух / строфой летит* (У. Маякоўскі).

Такім чынам, дыскурсіўны (інтэрактыўны) падыход да функцыянавання паэтычнай метафорыкі выяўляе яе новыя, недастаткова даследаваныя аспекты.

Па-першае, метафара выступае ў якасці сродку аўтарскага рэфлексіўнага рэагавання на дыскурсіўныя сферы, якія акружаюць тэкст.

Па-другое, як ізаморфныя, сутнасна роднасныя метафары паводзяць сябе глыбінныя механізмы спараджэння і функцыянавання дыскурсіўных інтэракцый паэтычнага тэксту, зададзеныя ўласцівасцямі чалавечага мозга і – шырэй – базавымі параметрамі асноўных феноменаў быцця (бінарнасць, сіметрыя-асіметрыя і г. д.).

Параўнаем: "Люстраны механізм, што ўтварае сіметрычна-асіметрычныя пары, мае такое шырокае распаўсюджанне ва ўсіх механізмах спараджэння сэнсу, што яго можна назваць універсальным, які ахоплівае малекулярны ўзровень і агульныя структуры сусвету, з аднаго боку, і глабальныя стварэнні чалавечага духу, з другога. Для з'яў, якія аб'ядноўваюцца паняццем "тэкст", ён, бяспрэчна, універсальны" [11, с. 23]; "Правае і левае паўшар'і галаўнога мозга чалавека, разнамоўныя субтэксты тэксту, прынцыповы палігатызм культуры (мінімальнай

мадэллю з'яўляецца двухмоўе) утвараюць адзіную інварыянтную мадэль: інтэлектуальнае прыстасаванне складаецца з дзвюх (ці больш) інтэграваных структур, якія прынцыпова розным чынам мадэлююць знешнюю рэальнасць" [20, с. 29].

Такім чынам, ізамарфізм тэксту / дыскурсу і метафары не надуманы, а выразны і даказальны. Прыведзеныя спасылкі яшчэ раз сведчаць пра тое, што метафаралогія і лінгвістыка тэксту / дыскурсу павольна, але дакладна ішлі сустрэчнымі курсамі і на сваім стыку выявілі гнасеалагічнае поле для распрацоўкі лінгваметафаралагічнай тэорыі тэксту як дыскурсіўна-семіятычнага феномена.

Нарэшце, метафара выкарыстоўваецца і як інструмент пазнання, тлумачэння прыроды тэксту, пранікнення ў сутнасць апошняй. Параўнаем: існуе "метафарычнае ўяўленне пра тэкст, як пра лабірынт, у якім блукаюць яго чытачы і даследчыкі, ці зблытаны клубок, які падлягае разблытванню. Не існуе ўніверсальнай тэорыі выйсця з лабірынта ці разблытвання клубкоў, ёсць толькі некаторыя эўрыстычныя прынцыпы, якім бывае карысна адпавядаць. Аднак, калі вы прыступаеце да разблытвання клубка, у вас загалда не можа быць гарантыі, што вы яго здолееце разблытаць да канца; таксама, не здолеўшы яго разблытаць, вы не маеце права сцвярджаць, што гэты клубок у прынцыпе нельга разблытаць" [21, с. 14].

Інтэракцыянальнасць як аснова ізамарфізму метафары і дыскурсу, якая мадэлюецца праз дыялог, у гэтым сэнсе можа разглядацца як вытворная ад дыялогікі тэксту ў бахцінскім разуменні, вызначаная як метапарадыгма быцця тэксту ў сэнсавай прасторы [22]. Сутнасць узаемазвязей у трыядзе "метафара – дыялог – тэкст & дыкурс" можа быць адлюстравана наступным чынам:

Заклучэнне

Такім чынам, вызначаны новыя, недастаткова даследаваныя аспекты метафары ў дачыненні да тэкста-дыскурсіўнага вымярэння: па-першае, метафара выступае ў якасці сродку аўтарскага рэфлексіўнага рэагавання на дыскурсіўную сферу, якія акружаюць тэкст; па-другое, як ізаморфныя, сутнасна роднасныя метафары паводзяць сябе глыбінныя механізмы спараджэння і функцыянавання дыскурсіўных інтэракцый пазычнага тэксту, абумоўленыя ўласцівасцямі чалавечага мозга і – шырэй – базавымі параметрамі асноўных феноменаў быцця (такімі, як бінарнасць, сіметра-асіметрыя і інш.).

У якасці перспектыўнай для далейшага навуковага асэнсавання можна выказаць гіпотэзу, што праблема “метафара і пазычны тэкст & дыскурс” набудзе пэўныя абрысы свайго вырашэння “на новым вітку”, калі вызначыцца роля і сістэматызаваныя спосабы ўваходжання метафары ў дыскурсіўны сувязі тэксту. Гэта, па-першае, задача, абумоўленая логікай развіцця цэлага шэрагу навук: пазыкі, лінгвістыкі тэксту, дыскурсіўнай лінгвістыкі, семіётыкі, нарэшце, метафаралогіі; па-другое, аб’ектыўнае патрабаванне часу – канца XX – пачатку XXI ст., – які прад’явіў чытачу (удзельніку дыскурсу) велізарны масіў тэкстаў метафарычных, зашыфраваных, алюзіўных, інфарматыўна ўскладненых.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Курилович, Е.** Понятие изоморфизма / Е. Курилович // Очерки по лингвистике : сборник статей. – Москва : Иностранная литература, 1962. – С. 21–36.
2. **Ельмслев, Л.** Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев ; пер. с англ. ; сост. В.Д. Мазо. – М. : КомКнига, 2006. – 248 с.
3. **Трубачев, О. Н.** Приемы семантической реконструкции / О. Н. Трубачев // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. – Москва : Наука, 1988. – С. 197–222.
4. **Гирущий, А. А.** Общее языкознание : учеб. пособие для студ. вузов / А. А. Гирущий. – Минск : ТетраСистемс, 2001. – 304 с.

5. **Маслова, В. А.** Интерес к глубинному знанию как важнейший принцип лингвистики XXI века / В. А. Маслова // Язык как зеркало эпохи: К 100-летию революций в России : сб. науч. ст. ; редкол.: В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2017. – С. 122–124.
6. **Ричардс, А. А.** Философия риторики / А. А. Ричардс // Теория метафоры : сборник ; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 44–67.
7. **Лагута, О. Н.** Метафорология: теоретические аспекты / О. Н. Лагута. – Новосибирск : НГУ, 2003. – Ч. 1. – 114 с.
8. **Чудинов, А. П.** Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.
9. **Стеблин-Каменский, М. И.** Изоморфизм и “фонологическая метафора” / М. И. Стеблин-Каменский // Спорное в языкознании. – Москва : Изд-во Ленинградского ун-та, 1974. – С. 74–80.
10. **Уфимцев, Р.** Хвост ящерицы: метафизика метафоры [Электронный ресурс] / Р. Уфимцев. – Калининград : ОТТОКАР, 2010. – Режим доступа: http://www.cognitivist.ru/docs/lizard_tail.pdf. – Дата доступа: 27.02.2018.
11. **Лотман, Ю. М.** Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
12. **Свиреп, О. А.** Метафора как код культуры : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / О. А. Свиреп ; Ростов. гос. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2002. – 162 с.
13. **Якобсон, Р. О.** Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм: “за” и “против” : сб. статей ; под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. – Москва : Прогресс, 1975. – С. 193–230.
14. **Лотман, Ю. М.** Структура художественного текста / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Об искусстве. – СПб. : Искусство. – СПб., 1998. – С. 14–285.
15. **Амелин, Г.** Метафора как темпоральная структура / Г. Амелин // Логос. – 1994. – № 5. – С. 267–268.
16. **Конюшкевич, М. И.** Категория сравнения и бином языка / М. И. Конюшкевич // Русский язык: исторические судьбы и современность : тез. докл. Междунар. конгресса ; МГУ, 13–16 марта 2001 г. – Москва, 2001. – С. 103.
17. **Арутюнова, Н. Д.** Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры : сборник ; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 5–32.

18. **Лотман, Ю. М.** Каноническое искусство как информационный парадокс / Ю. М. Лотман // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки : сб. статей. – Москва : Наука, 1973. – С. 16–22.
19. **Григорьев, В. П.** Поэтика слова: На материале русской советской поэзии / В. П. Григорьев. – Москва : Наука, 1979. – 344 с.
20. **Лотман, Ю. М.** Мозг – текст – культура искусственный интеллект / Ю. М. Лотман Избранные статьи : в трех томах. – Таллин : Александра, 1992. – Т. 1 : Статьи по семиотике и топологии культуры. – С. 25–33.
21. **Лотман, М. Ю.** Мандельштам и Пастернак: (Попытка контрастивной поэтики) / М. Ю. Лотман. – Таллинн : Aleksandra, 1996. – 175 с.
22. **Зотов, Ю. П.** Диалогика текста как бесконечномерное смысловое пространство: на материале английских текстов [Электронный ресурс] / Ю. П. Зотов. – Режим доступа: <http://readli.net/dialogika->

[teksta-kak-beskonechnomernoe-smyslovoye-prostranstvo](#). – Дата доступа: 14.11.2017.

Паступіў у рэдакцыю 06.12.2017 г.

Кантакты: text2005@mail.ru

(Кураш Сяргей Барысавіч)

Kurash S. INTERACTIVITY AS THE BASIS OF ISOMORPHISM WITHIN THE TRIAD “METAPHOR – TEXT – DISCOURSE”.

New and insufficiently investigated aspects of metaphor in the text-discursive aspect are analyzed in the article. It is stated that metaphor serves as a means of the author's reflexive response to the discursive sphere that surrounds the text. The deep mechanisms of creation and functioning of the poetic text discursive interaction are revealed. These mechanisms are determined by the properties of the human brain and the key parameters of the basic phenomena of life (binarity, symmetry, asymmetry, etc.).

Keywords: metaphor, text, discourse, sign, isomorphism, interactivity.

УДК 81

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КАЛАМБУРА КАК ФИГУРЫ РЕЧИ (на материале французского языка)

А. В. Темнохуд

преподаватель кафедры
романских языков
Белорусского государственного
экономического университета

Проблема определения четких границ и изучения природы таких явлений, как языковая игра, игра слов и каламбур остается актуальной.

До сих пор не найдено однозначного ответа на вопрос об этимологии термина “каламбур”, и, как следствие, – различные гипотезы его происхождения, основные из которых изложены в данной статье.

В статье предлагается новый подход к решению данной задачи.

Ключевые слова: каламбур, игра, игра слов, языковая игра, речевой жест, нестандартная ситуация, косвенный смысл.

Введение

Лингвистические понятия *языковая игра, игра слов, каламбур* всегда вызывали активный интерес исследователей. Попытки определить их природу и границы имели место еще в античных трактатах об ораторском искусстве. Именно со времен античности до наших дней данные языковые явления чаще всего рассматриваются как средство выражения комического. С этих позиций они изучаются в рамках философии, логики, эстетики, психологии, литературоведения.

Интерес к проблеме комического объясняется тем, что во все времена смех был и остается “грозным оружием”. Н.В. Гоголь писал: “Насмешки боится даже тот, который уже ничего на свете не боится” [1, с. 33]. Владение этим “оружием” не безразлично для человека, если возникает необходимость воздействовать на адресата, повлиять на него своим остроумием, на что-то намекнуть или быстро среагировать (возразить адресанту, оценить игру слов, воспринять или не воспринять его намек и т. д.).

В широком понимании языковая игра – “один из способов современной коммуникации, необходимыми элементами которой являются как минимум два участника – адресант и адресат речи” [2, с. 198] – используется для достижения “надъязыкового, эстетического, художественного (чаще всего – комического) эффекта” [3, с. 37]. Н.Д. Арутюнова, например, к языковой игре относит каламбуры (*calembours*), разного рода шутки (*sottises, sigles, pataquès, acronymes etc.*), пародии (*parodies, faux proverbes, fausses citations*), паронимы (*paronymes, à-peu-près*), остроты (*mots d’esprit*) и т. д. [4, с. 8].

Многоаспектность целевых проявлений языковой игры поднимает вопрос о ее границах. Кроме названных, в нее включают загадки (*devinettes*), прибаутки (*blagues*), считалки (*comptines*), скороговорки (*virelangues*), сознательное “коверканье” языка (*mots inventés*), карикатуры (*caricatures*), голорифмы (*holorimes*), криптограммы (*criptogrammes*), распад и обновление значений устойчивых выражений и фразеологизмов (*locutions*), хронограммы (игра букв и цифр) (*chronogrammes, centons*), памфлеты (*pamphlets*) и многие другие. При этом языковая игра должна быть красивой: именно в “красоте” отражается ее “правда”, ее “право на существование” [5, с. 7].

Вместе с тем, несмотря на постоянное внимание лингвистов к самому феномену языковой игры, вопросы, связанные со способами ее формирования и целевого использования разной природой и границами основных терминологически разных понятий *языковая игра, игра слов* и *каламбур*, остаются на повестке дня и продолжают вызывать дискуссии.

В статье *каламбур* рассматривается как один из наиболее ярких видов *языковой игры*, а *игра слов* представляет собой основу формирования данной фигуры речи.

Основная часть

До сих пор не найдено однозначного ответа на вопрос об этимологии термина *каламбур*, и, как следствие, – различные гипотезы его происхождения. Есть предположение, что впервые само слово “каламбур” было употреблено Д. Дидро в его

письме от 1 октября 1768 г., адресованном Софи Воланд, однако его происхождение в письме не раскрывается. Как термин *каламбур* представлен в Приложении к Энциклопедии 1777 г., где и отмечается, что этимология этого слова неизвестна, и о Дидро нет никакого упоминания [6].

Другая гипотеза связывает происхождение термина с фамилией немецкого графа Каленберга (Kahlenberg), посла Германии в Париже. Граф говорил по-французски с сильным акцентом, вследствие чего его речь становилась предметом всеобщих насмешек. Собеседники посла, с трудом понимавшие его слова, из вежливости не решались переспросить, о чем идет речь, и интерпретировали сказанное как могли. Этот факт породил массу историй и шуток, которые передавались из уст в уста и вызывали всеобщий интерес. К этому следует добавить, что в XVIII в. в написании французского слова *Calembour* допускалась начальная буква *K*, что может косвенно указывать на немецкое происхождение данного термина (по фамилии графа – Kahlenberg).

Каламбур вполне мог употребляться как неясная речь говорящего и вызывать тем самым улыбку или смех как реакцию адресата на вопрос в латинском языке:

Ave, Ave! Aves esse aves? – “Salut, grand-père! Veux-tu manger des oiseaux?” [7, с. 164].

Этимологию слова *calembour* связывают с итальянским *calamojo* ‘чернильница’ и *burlare* ‘шутить’ [6], что тоже предлагается в качестве гипотезы.

В “Этимологическом словаре французского языка” А. Доза [8] “темное” происхождение термина находит следующее объяснение: *calembour – origine obscure: l’explication par l’abbé de Calenberg, personnage de contes allemands créé après coup (plus tard); rapport probable avec bourde*. То есть косвенно подтверждается немецкое происхождение данного термина (Каленберг – герой немецких шуток) и его связь с французским именем существительным *bourde* ‘глупость’, ‘чепуха’.

Наконец, “Большой толковый словарь иностранных слов” содержит следующую гипотезу об этимологии слова *calembour* [фр. *calembour*] – игра слов; вероятное

образование: из гр. *kalos, kale* – прекрасный и фр. *bourde* – чепуха, ерунда [9]. Как видим, отмечено французское происхождение указанного слова. Поэтому в конце XVIII в. *calembour* был признан словом французского языка (хотя до сих пор его этимология остается загадкой).

Неясность этимологии термина объясняет неясность его назначения, что породило (и продолжает порождать) самые различные мнения и противоположные оценки значимости *каламбур*. Как социальный феномен он не всегда вызывал положительную реакцию в любом обществе. На протяжении столетий к данной фигуре речи относились негативно в силу разных причин.

Во-первых, *каламбур* как невольная двусмысленность – фонетическая, семантическая неоднозначность – затрудняет коммуникацию: в “серьезном речевом общении *каламбур* далеко не всегда желательны, иногда они – неожиданные и нежелательные гости, за которых говорящие даже извиняются <...>” [10, с. 511].

Нередко “невольный комизм” вызывает не просто негативную реакцию со стороны адресата, но и более резкую, приводящую к конфликту сторон. В. Гюго, например, сравнивал *каламбур* с “пометом мысли, которая парит”: “*Le calembour est la fiente de l’esprit qui vole*” [11].

Каламбур относят к “дешевому” языковому приему игры слов (З. Фрейд), так как не требуется особых усилий для его создания, поскольку он строится лишь на двух словах с одинаковым звучанием: “Они (*каламбур*) предъявляют минимум требований к технике выражения, в то время как настоящая игра слов предъявляет максимум требований” [12, с. 46]. З. Фрейд разделял позицию немецкого философа К. Фишера, который детально изучал *каламбур* и предлагал резко его отграничить от игры слов по другим причинам: “*Каламбур* – это неудачная игра слов, потому что он играет словом не как словом, а как созвучием. Игра же слов переходит от созвучия слова в само слово” [13, с. 47].

Во-вторых, *каламбур* подвергался осмеянию и критике, так как считался признаком просторечия и языка необразованных людей: “*Le calembour est ramassé*

*parmi les boues des Halles et de la place Maubert*¹ (Мольер) [14, с. 163].

Многие известные личности прошлых столетий, особенно XVIII в., выражали свое негативное отношение к каламбуру – “модному” лингвистическому приему эпохи, считая его проявлением низких свойств юмора и свидетельством недостатка ума: “*Le calembour est l'esprit de ceux qui n'en ont pas*” (Ourry) [14, с. 164].

Аббат Жак Делиль (Jacques Delille – 1738–1813) в стихотворной форме критически высказался в адрес каламбура, признав его проявлением человеческой глупости:

Le calembour, enfant gâté

Du mauvais goût et de l'oisiveté

Qui va guettant, dans ses discours baroques

De nos jargons nouveaux les termes équivoques,

Et, se jouant des phrases et des mots,

D'un terme obscur fait tout l'esprit des sots [цитата по 14, с. 163]².

Такое отрицательное отношение к каламбурам обусловлено фактом его использования в просторечии, языке необразованных людей, которые, естественно, не думали о “человеческом духе” в момент непроизвольного создания какого-либо негативного смысла.

Однако подобное отношение к каламбуру не повлияло на его активное использование во всех современных языках и в самых разных сферах человеческой деятельности (и в речи аристократов и простолюдинов, и в дипломатии, и в художественных текстах и т. д.). Поэтому есть и положительное мнение об этой фигуре речи. Жан-Клод Карьер (Jean-Claude Carrière), французский сценарист, весьма позитивно оценивает роль каламбура: “*C'est un exercice salutaire, car la liberté de la langue précède souvent la liberté de l'esprit. En coupant, en torturant,*

en assemblant des mots que rien n'appelait à s'unir, on découvre un rire nouveau” [15, р. 164]³. Ж.-К. Карьер делает акцент на том, что каламбур – это “полезное упражнение” (*un exercice salutaire*) для развития ума человека, для его настроения. Он вызывает совсем другой смех (*on découvre un rire nouveau*).

Таким образом, “полезное” (следовательно, нужное) умственное упражнение жизненно присуще человеку: язык часто опережает мысль, а эксперименты со словами доставляют естественное удовольствие говорящему субъекту.

Итак, термин *calembour*, несмотря на “темное” происхождение, признан и зафиксирован в словаре французского языка (XVIII в.). Однако он до сих пор остается “темным” не только этимологически, но и по своему назначению, которое отличало бы его от других видов игры слов. Поэтому проблема поисков источника происхождения *calembour* во французском языке, способного эксплицировать его исходную (истинную) языковую сущность, остается до настоящего времени актуальной.

Проблема появления этой фигуры речи требует и выяснения специфики ее отличия от других видов словесной игры, что также остается актуальным до настоящего времени. И чтобы эксплицировать истинную (исходную) языковую сущность каламбура, необходимо обратиться к реальному источнику – его первому переводу с латинского библейского текста⁴ на французский язык⁵.

Выполненный в XIII веке во Франции в период правления короля Людовика IX

³ “Это полезное упражнение, поскольку свобода языка часто предшествует свободе ума. Сокращая, “терзая”, объединяя слова, которые совсем не предназначены для объединения, мы неожиданно получаем новый смех”. (Перевод наш. – Т.А.)

⁴ Необходимо подчеркнуть, что цитируемое изречение на латинском языке есть, в свою очередь, **перевод** с греческого библейского стиха. В данной статье для обозначения библейского стиха используется термин *латинское изречение*.

⁵ “On a coutume de citer comme premier calembour: *Tu es Pierre et sur cette pierre je bâtirai mon église* <...>” [16] “Принято цитировать в качестве первого каламбура: *Ты Петр и на сем камне Я создам Церковь Мою* <...>”.

¹ Ле Аль – квартал 1-го округа Парижа, в котором до 1969 г. размещались торговые ряды.

² О, каламбур, испорченный ребенок,
Бездельник, у которого нет вкуса,
В своих возвышенных речах барокко
Умело маскирует экивоки,
Словами, фразами играет,
Прозрачный смысл их затемняет,
Тем самым всех глупцов он привлекает.
(Перевод наш. – Т.А.)

Святого (Saint Louis), внука Филиппа II, в период между 1226 и 1250 годами профессорами Парижского университета [16] перевод:

*Tu es Pierre et sur cette pierre, Je bâtirai mon Eglise, et que les portes du séjour des morts ne prévaudront point contre elle*⁶ [17] (Mt XVI : 18)

означает:

‘Ты – Петр⁷ и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее’ (Мф 16:18)

и передает обращение одного персонажа к другому – Иисуса к рыбаку Симону:

Tu es Petrus et super hanc petram Ecclesiam meam aedificabo [14, с. 164].

Следует иметь в виду, что французский язык относится к группе романских языков, получивших свое развитие на основе латинского. Роль латинского языка в процессе романизации по-разному отразилась на создании грамматической системы родственных языков. Морфологическая система французского языка, в отличие от итальянского или испанского, оказалась наиболее аналитичной. Уже в старофранцузском языке наблюдается отсутствие системы парадигм склонения: “Показательно, что англо-романский автор “Жития Эдуарда Исповедника” в 1245 г. пожаловался именно на незнание падежей” [18, с. 136].

Практически в IX–X вв. склонение как система французского языка уже отсутствует. Среднефранцузский язык именной флексии почти не знает; а в XVIII в. у существительных больше нет флективных как системных, парадигматических показателей грамматических категорий.

Поэтому вполне естественно, что первый перевод с латинского языка на французский есть, прежде всего, *переход* одной лингвистической системы в другую, т.е. в данном случае является результатом развития аналитической системы французского языка. Эта закономерность и нашла свое отражение в оформлении раз-

ных падежных окончаний двух латинских существительных *Petrus / petram* неизменяемой формой *Pierre / pierre* во французском языке.

Вместе с тем перевод, полученный с латинского на французский язык, неожиданно производит комический эффект. Иначе говоря, первая реакция восприятия фонетического и графического оформления французских слов *Pierre* и *pierre* (*Камень* и *камень*) вызывает невольную улыбку.

Но тут же возникает и недоумение по поводу серьезности содержания того же латинского высказывания.

Такое расхождение восприятия “эффекта” с целевой направленностью торжественно важного действия латинского изречения послужило причиной отнесения “подобной нелепости (глупости, ошибки)” к числу “нежелательных гостей”, т. е. к *каламбур*.

Возникшее “историческое недоразумение” семантического и комического порядка – следствие первого перевода латинского изречения на французский язык – вызвало к случайной контрастности каламбура не просто негативное отношение, но и резкую отрицательную реакцию. В. Гюго, например, сравнил *каламбур* с “пометом мысли, которая парит”: “*Le calembour est la fiente de l’esprit qui vole*” [14].

Но именно неожиданность возникшего комического эффекта перевода ключевого высказывания определяет термин *каламбур* (*calembour*) – шутка, нечто нелепое, смешное, что указывает и на его связь с греч. *kalos, kale* – ‘прекрасный’ и с французским именем *bourde* – ‘забавная чепуха’, ‘глупость’, ‘ошибка’. Можно отметить, что этимологически термин *calembour* – результат соединения его греческого “источка” и его конечного французского завершения: *kale + bourde* → *calembour*.

Вместе с тем такой “эффект” дважды переведенного высказывания (с греческого на латинский, с латинского на французский) неизбежно вызывает потребность эксплицировать сущность каламбура как понятия, истинное содержание которого раскрывается в латинском изречении. А смысл последнего есть *наречение* (Иисусом) *рыбака Симона* своим учеником – апостолом Петром.

⁶ “*Les paroles de Jésus dans ce passage peuvent donc être interprétées comme un simple jeu de mots <...>*” [17, с. 1418] ‘Слова Иисуса в этом отрывке могут быть интерпретированы просто как игра слов <...>’.

⁷ Камень (сноска в Библии: Мф 16:18). Связь *Pierre* и *pierre* явно передается через указательный детерминатив *cette – cette pierre*.

“Камнем преткновения” французского высказывания становится столкновение семантики *Pierre* и *pierre*: “du latin *pētra* (“roche, rocher”), lui-même repris du grec ancien πέτρα, *pētra*” [8] – ‘от латинского *pētra* (“камень, скала”), заимствовано из древнегреческого πέτρα: “*Jésus fait un jeu de mots avec Petra qui signifie “rocher” <...>*” [17, с. 1418] ‘Иисус создает игру слов с *Petra*, которое означает *камень*’.

В латинском изречении *petrus* ‘камень’ символизирует *petrus vivus* ‘живой камень’ – крепкий “фундамент дома” – внутреннего мира. Ср.:

“*C’est pourquoi, quiconque entend ces paroles que je dis et les met en pratique, sera semblable à un homme prudent qui a bâti sa maison sur le roc*” [17] (Mt 7:4)

‘Итак, всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне’ (*Le roc* является синонимом *la pierre* [19]) (Мф 7:24; Лк 6:47–48);

Символизация имени *petrus* / *pierre* / *камень* – верность, обоснованность, надежность, прочность становятся семантическим стержнем назначения латинского изречения.

Наречение Симона Камнем *Petrus* / *Pierre* с большой буквы (графическим показателем имени собственного) свидетельствует, во-первых, об обращенности к конкретному человеку, во-вторых, – как сильному, надежному живому Камню.

Наречение рыбака Симона Камнем не просто замена одного имени другим. Имеет место особая церемония – возведение в новый статус рыбака Симона – статус живого камня, что, в свою очередь, включает:

1) **прямое речевое действие**: посвящение рыбака Симона в ученика Иисуса – апостола Петра / Камня (*Tu es Pierre* ‘Ты – камень’);

2) **косвенное речевое действие** – косвенное наставление ему на будущее (*Et sur cette pierre, Je bâtirai mon Eglise* ‘И на сем камне Я построю Церковь Мою’). Последнее есть возложение на Петра апостольской миссии: *et que les portes du séjour des morts ne prévaudront point contre elle* ‘и врата ада не одолеют ее’.

Осуществить такое (двунаправленное) речевое действие – значит, соотнести

высказывание / каламбур с конкретной целенаправленной экстралингвистической ситуацией (действительностью), трансформирующей его – каламбур – в изречение (*locution*) как “выражение коммуникативной цели в ходе произнесения некоторого высказывания” (Остин) [20, с. 414]. А результат – оказать воздействие на сознание (поведение) адресата / читателя.

В данном случае таким “некоторым высказыванием”, представляющим *особое речевое действие*, является анализируемое латинское изречение:

1) наречение Симоном Петром есть **прямое действие** – *посвящение рыбака в ученика – апостола* (реальная экстралингвистическая ситуация);

2) **косвенное речевое действие** – *наставление на будущее – возложение на Петра миссии апостола* как поручение, указание на его апостольское служение. Например: “<...> *ce que tu lieras sur la terre sera lié dans les cieux, et ce que tu délieras sur la terre sera délié dans les cieux*” [17] (Mt 18:18) ‘<...> что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах’ (Мф 18:18).

Экспликация в предлагаемом исследовании окказиональности порождения игры слов каламбура именно во французском языке имеет в своей основе фактор подчинения (при переводе) правил системы одного языка (латинского) правилам другого (французского). Доказательством соответствия проводимого анализа закономерностям французского языка является и то, что в дефинициях термина и понятия *calembour* в других языках отмечается неясность его этимологии со ссылкой на французское происхождение – (каламбур – фр. *calembour*) [21]. Ср.:

В немецком языке:

Calembour. Der calembourg, franz. veralet für wortspiel [22];

В испанском языке:

Calembur – (fr. Calembour). Juego de palabras, artificio, dicho equívoco [23];

В португальском языке:

Calembur – Etimologia: francês calembourg [24];

В итальянском языке:

Calembour – (fr. /kalã'bur/) s. m. inv. gioco

di parole, bisticcio, doppio senso, anfibologia [25].

Таким образом, каламбур, получив статус понятия, присущего различным языкам, тем не менее сохраняет свое лингвистическое “первородство” – французский язык.

Исследование игры слов на материале каламбура французского языка базируется, прежде всего, на известном факте, имеющем место в истории развития именно этого языка. Несмотря на то что в основу анализа берется окказиональность / случайность порождения контрастности латинского изречения и французского каламбурного, игрового высказывания, акцент ставится на невозможности отрицания того, что “случилось, произошло в действительности” [26].

Об окказиональности в истории говорит Г. Гийом в связи с появлением артикля как случайного знака, но ставшего грамматической основополагающей закономерностью французского языка: “*La pensée a retenu le signe qui s’offrait par hasard, qui n’était encore qu’un accident quelconque et elle a su s’en servir pour des fins toujours souhaitées obscurément*” [27, с. 25] ‘Мысль запечатлела знак, который **появился случайно**, который был еще только неким случаем, и она сумела им воспользоваться с интуитивно желаемой целью’.

Непреднамеренно возникнув при переводе на французский язык, *игра слов* существенно меняет языковую природу латинского изречения. На первый план в переводе выходит речевое воздействие, вызывающее удивленное недоумение, улыбку адресата (форма оказывается первичной, содержание – вторичным). Прямое содержание французского высказывания, оформленное *игрой слов*, содержит косвенный смысл, который и требуется расшифровать, декодировать: содержание становится первичным, форма – вторичной.

Итак, случайно возникшая – при переводе латинского изречения на французский язык – игра слов оказалась закономерной для системы этого языка и эффективной для создания смысловой двуплановости высказывания – каламбура, т. е. **исходный** способ формирования каламбура – это игра двух одинаковых, но

семантически разных слов высказывания (*Pierre u pierre*).

Парадокс такого результата состоит в том, что:

1) игра слов, возникшая в ключевом высказывании непреднамеренно, оказалась “неудачной”, “неуместной” по отношению к торжественно-серьезному содержанию источника – латинского изречения, а поэтому невоспринимаемой в плане постижения его истинного смысла самого высказывания;

2) “неясность” / “неуместность” содержания, вызывая улыбку и интерес, закономерно оказывается словесной игрой говорящего субъекта, создающего “двойное значение, двоякий смысл” [26] как двуплановость высказывания;

3) необходимость декодировать двуплановость содержания завершается выявлением особого речевого действия говорящего субъекта – экспликацией прямого (в данном случае – посвящением рыбака в апостола) и косвенного – возложением апостольской миссии / наставлением на будущее.

Исторически окказиональная *игра слов* получает во французском языке законный статус фигуры речи *каламбур*.

Смысловая двуплановость каламбура (“неясность”, “абсурдность”, разные значения двух омонимов) требует от адресанта не только интеллектуальной деятельности: чтобы понять смысл, расшифровать двойное речевое действие адресанта, адресат должен знать экстралингвистическую ситуацию или догадываться о ней.

Так, например, в следующем игровом контексте речь идет об особом историческом периоде Франции – периоде фашистской оккупации времен Второй мировой войны. Т. Бернар (Tristan Bernard 1866–1947), французский писатель, автор бульварных романов и юмористических пьес, как и многие евреи, был вынужден укрываться от антисемитских действий временного правительства в свободной зоне на Лазурном берегу.

Sacha Guitry, qui n’oubliait pas qu’il avait été un grand ami de son père, s’entremît aussitôt pour lui faire parvenir des colis. Il s’enquit de savoir ce qu’il pouvait lui envoyer:

‘Саша Гитри, который не забывал, что был большим другом отца Тристана, сразу

Возникнув окказионально, каламбур получает статус фигуры речи любого языка, сохраняя при этом свое “французское первородство”.

**СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ
ИСТОЧНИКОВ**

1. **Виноградов, В. В.** Язык Гоголя и его значение в истории русского литературного языка / В. В. Виноградов // Материалы и исследования русского литературного языка. – Москва : Изд-во АН СССР, 1953. – Т. 3. – С. 33–34.
2. **Якобсон, Р. О.** Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм “за” и “против”. – Москва : Прогресс, 1975. – С. 193–230.
3. **Норман, Б. Ю.** Язык: знакомый незнакомец / Б. Ю. Норман. – Минск : Высшая школа, 1987. – 222 с.
4. **Арутюнова, Н. Д.** Виды игровых действий / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры : сб. науч. ст. / Ин-т языкознания РАН ; редкол.: Н. Д. Арутюнова (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Индрик, 2006. – С. 5–15.
5. **Норман, Б. Ю.** Игра на гранях языка / Б. Ю. Норман. – Москва : Флинта : Наука, 2006. – 344 с.
6. Электронный энциклопедический словарь “Википедия”. – Wikipedia // Encycl. en ligne [Ressource électronique]. – 2006. – Mode d'accès: <http://www.wikipedia.org>. – Date d'accès: 15. 09. 2008.
7. **Gagnière, C.** Pour tout l'or des mots: Au bonheur des mots / C. Gagnière. – Paris : Édition Robert Laffont, S.A., 1997. – 1066 p.
8. **Dauzat, A.** Dictionnaire étymologique de la langue française / A. Dauzat, G. Dubois, H. Mitterand. – Paris : Larousse, 1938. – 805 p.
9. Большой толковый словарь иностранных слов : в 3 т. / редкол.: М. А. Надель-Червинская [и др.]. – Ростов-н/Д. : Феникс, 1995. – Т. 2. – 544 с.
10. **Санников, В. З.** Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Яз. славян. Культуры : Кошелев, 2002. – 552 с.
11. Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. – Paris : Dictionnaires Le Robert, 2001. – 2841 p.
12. **Фрейд, З.** Психология бессознательного / З. Фрейд // Сборник произведений. – Москва : Просвещение, 1990. – 447с.
13. **Фрейд, З.** Введение в психоанализ : лекции / З. Фрейд. – Москва : Наука, 1989. – 387 с.
14. **Gagnière, C.** Des mots et merveilles / C. Gagnière. – Paris : Édition Robert Laffont, S. A., 1997. – 566 p.
15. **Carrière, J.-C.** Humour 1900 / J.-C. Carrière. – Paris : Éditions 1900, 2002. – 386 p.
16. Régine Detambel. – Conférences, ateliers, bibliothérapie // Propositions d'écriture [Ressource électronique]. – 2017. – Mode d'accès: <http://www.detambel.com> – Date d'accès: 31. 05. 2017.
17. La Sainte Bible avec commentaires de John MacArthur./ J. MacArthur. – Genève : Société Biblique de Genève, 1979. – 2302 c.
18. **Скрелина, Л. М.** История французского языка / Л. М. Скрелина, Л. А. Становая. – Москва : Высшая школа, 2001. – 463 с.
19. Le petit Larousse illustré 2002 (en couleurs). – Paris : Larousse / Vuf, 2001. – 1786 p.
20. Лингвистический энциклопедический словарь / Научно-редакционный совет издательства “Советская энциклопедия”, Ин-т языкознания АН СССР ; редкол.: В. Н. Ярцева [и др.]. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
21. **Гринева, Е. Ф.** Французско-русский словарь / Е. Ф. Гринева, Т. Н. Громова. – Справочное изд. – Москва : Русский язык, 1991. – 575 с.
22. Standardwerk Zur deutschen Sprache Herausgegeben vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. – Mannheim : Bibliographisches Instituts F.A. – Brockhaus AC, 1996. – 487 p.
23. Sitio declarado de Interés National. – Todo Tango // Diccionario Lunfardo [Ressource électronique]. – 2017. – Mode d'accès: <http://www.todotango.com/comunidad/lunfardo/calembur> – Date d'accès: 04.02.2017.
24. Priberam Dicionario. – Significato / Definição de calembur // Dicionário da Língua Portuguesa [Ressource électronique]. – 2017. – Mode d'accès: – Date d'accès: 04. 02. 2017.
25. Sinonimi e Contari. Terza edizione // Academic Dictionaries and Encyclopedias [Ressource électronique]. – 2010. – Mode d'accès: <http://www.enacademic.com> – Date d'accès: 15.12.2016.
26. **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – Москва : Азбуковник, 1999. – 944 с.
27. **Guillaume, G.** Le problème de l'article et sa solution dans la langue française / G. Guillaume – P. : Libr. Hachette, 1919. – 318 p.

Поступила в редакцию 20.10.2017 г.
Контакты: khatskevitch_@mail.ru
(Темнохуд Алеся Валерьевна)

**Temnohud A. ORIGIN OF PUN AS A
FIGURE OF SPEECH (regarding the French
language).**

The problem of defining clear boundaries of such phenomena as language game, word play and pun and the study of their nature remain urgent today.

The etymology of the term pun is still ambiguous, and as a consequence there exist different hypotheses of its origin, the main of which are described in this article.

The article proposes a new approach to the resolution of this problem.

Keywords: pun, play, word play, language game, speech gesture, non-standard situation, implication.

УДК 81'373

ГАРМОНИЗАЦИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БАЗЫ ДАННЫХ

О. В. Перкова

старший преподаватель
кафедры иностранных языков,
Гродненского государственного
университета имени Янки Купалы

В статье рассматриваются возможности использования многоязычной терминологической базы данных при гармонизации терминологии образовательных услуг. Указаны сложности гармонизации терминологии данной предметной области как на уровне понятий, так и терминов. Подробно рассматривается роль системы числовых индексов, отражающих структуру терминополья данной области, при упорядочении и гармонизации терминологии. Числовые индексы позволяют соотносить термины на основе сходства обозначаемых ими понятий, что показано на примере терминов "provider", "supplier", "поставщик", "провайдер", "пастайшчык" и "правайдэр" и многокомпонентных терминов на их основе.

Ключевые слова: термин, гармонизация терминов, терминологическая база данных, образовательные услуги.

Введение

Присоединение Беларуси к Болонскому процессу, которое способствует интеграции Республики в единое европейское образовательное пространство, увеличению различных видов академической мобильности, а также повышению престижа высшего образования Республики Беларусь, вызвало необходимость гармонизации терминологии образовательных услуг и установления соответствия между терминами как на уровне понятий, так и на уровне средств номинации. Мобильность студентов и преподавателей, трансфер образовательных программ, предоставление возможности получить совместный диплом или изучить определенный курс в вузе-партнере, а также необходимость привлечения студентов в Беларусь и развития различных

форм экспорта образовательных услуг способствовали началу формирования единой системы понятий сферы образования. Однако такая система понятий не всегда адекватно отражена в терминотерминологических системах национальных языков, что, как правило, затрудняет четкое описание предоставляемых образовательных услуг средствами другого языка, препятствует корректному переводу документов об образовании, ведению общей документации в случае реализации совместных образовательных программ и другим видам взаимодействия между учебными заведениями Беларуси и зарубежья.

Такая ситуация обуславливает необходимость гармонизации национальных терминологий, относящихся к сфере образовательных услуг, что позволит избежать трудностей, связанных с сопоставимостью образовательных услуг, полученных в одной стране, при учете их результатов в системе образования другой страны. Гармонизированные терминотерминологические системы будут способствовать адекватному переводу текстов, относящихся к области образовательных услуг, поскольку качество перевода непосредственно зависит от правильного перевода терминов. Актуальность гармонизации терминологии образовательных услуг обусловлена и тем фактом, что образование, согласно точке зрения Всемирной торговой организации, является одним из видов услуг наряду с транспортными, строительными, финансовыми и др. Поскольку область образовательных услуг содержит термины, характерные для любых услуг как особого вида деятельности, то результаты упорядочения и гармонизации терминологии образовательных услуг могут способствовать гармонизации терминологий и других видов деятельности в сфере услуг, что особенно важно в связи с рассмотрением вопроса о присоединении Республики Беларусь к ВТО.

Цель данной статьи – показать, каким образом при гармонизации терминологии образовательных услуг может использоваться такой электронный и онтологический языковой ресурс, как терминологическая база данных.

Основная часть

Стандарт ИСО 860: 2007, который регламентирует терминологическую деятельность в аспекте гармонизации, различает гармонизацию понятий и гармонизацию терминов, а также дает им определения. Гармонизация понятий – это “целенаправленная деятельность, приводящая к установлению соответствия между двумя или более близко родственными или частично совпадающими понятиями, имеющими отличия, связанные с областью применения – профессиональной, технической, научной, социальной, экономической, лингвистической, культурной, – или другие отличия, и помогающая устранить или снизить до приемлемого уровня различия между ними”, а гармонизация терминов – это “деятельность, направленная на выбор обозначений для гармонизированного понятия либо в разных языках, либо в рамках одного языка” [1, с. 1]. Гармонизация в рамках одного языка предполагает либо гармонизацию терминов на национальном уровне, либо гармонизацию специальной лексики в разновидностях одного языка, используемого несколькими государствами в качестве официального (например, немецкий язык в Австрии, Германии, Лихтенштейне и Швейцарии, русский язык в России и Беларуси и др.).

Сложности гармонизации понятий сферы образовательных услуг обусловлены влиянием на данную терминологию специальной лексики, традиционно используемой в области образования определенных стран, а они, как правило, отражают специфический характер систем образования, складывающихся как социальный институт на протяжении длительного времени. Болонский процесс, с одной стороны, призван способствовать интернациональной гармонизации образовательных систем, которая является частью общего процесса глобализации [2, с. 12]. С другой стороны, принятие принципов, изложенных в Болонской декларации, и присоединение к единому европейскому образовательному пространству не предполагают унификации систем образования стран-участниц, допуская национальную специфику систем высшего образования отдельных стран: “Декларация не

навязывает странам единственно возможную модель формирования национальной системы высшего образования, а только определяет принципы, на основании которых желательно строить данную модель” [3, с. 5].

Гармонизация терминологии образовательных услуг осложняется вариативностью и развитой синонимией терминов. Стандарт ИСО 860 определяет синонимию, квази-синонимию и вариативность одинаково (данные процессы имеют место между терминами, обозначающими одно и то же понятие в одном языке) [1, с. 13]. Различие между синонимами и квази-синонимами состоит в том, что синонимы могут заменять друг друга в любом контексте, а квази-синонимы – только в некоторых [1, с. 13]. Основными типами вариантов терминов, согласно стандарту, являются географические, орфографические, регистрационные и стилистические варианты [1, с. 14]. В российском терминоведении приняты другие подходы к выделению терминологических вариантов (см. подробный обзор в работах С.Д. Шелова и А.Э. Цумарева [4], а также Ю.В. Сложеникиной [5, с. 119–140]. По мнению Ю.В. Сложеникиной, варьирование терминологии является активным процессом, свидетельствующим о развивающемся характере науки [5, с. 6]. Таким образом, одной из задач гармонизации становится выбор наиболее адекватного термина исходя из частотности употребления или набора характеристик, предьявляемых к термину.

Начальный этап гармонизации терминологии предполагает системное сопоставление национальных терминологий и терминосистем [6, с. 120], для чего терминосистема уже должна быть упорядочена на национальном уровне. Оптимальным инструментом для упорядочения терминологии определенной предметной области и создания многоязычных терминологических ресурсов являются терминологические базы и банки данных [7, с. 158]. Именно поэтому международные организации направляют значительные средства на создание подобных онтологических и языковых электронных ресурсов. Терминологические базы данных (именно они составляют основу терминологических банков данных) позволяют накапливать и

хранить информацию о лингвистических и логических особенностях терминов, их употреблении, многоязычных эквивалентах и степени упорядоченности [8, с. 208]. Благодаря электронному формату представления данных терминологическую базу данных легко пополнять и корректировать. Поэтому в качестве инструмента систематизации и гармонизации терминистем области “образовательные услуги” в английском, русском и белорусском языках была избрана специализированная терминологическая база данных (ТБД ОУ).

Подробное описание этапов создания ТБД ОУ, перечень полей и характер информации в каждом поле содержатся в предыдущих публикациях автора (например, [9]). Здесь укажем только, что для терминов каждого из трех языков модель базы данных предполагает включение самого термина; дефиниции термина; источника дефиниции термина; примера(ов) контекста(ов), в котором(ых) употребляется термин; источника(ов) контекста(ов); гнездообразующего термина, производным от которого является целевой термин. ТБД ОУ также содержит общее поле для терминов, представленных в одной строке, на всех языках, в котором указывается принадлежность терминов данной строки к определенному микрополю в рамках участка “терминополя”, отражающего систему понятий предметной области (здесь и далее используется терминология, предложенная в работе Р.Г. Пиотровского, Н.П. Рахубо и М.С. Хажинской [10, с. 38–40]). Такое общее поле ТБД ОУ содержит числовой индекс, разработанный на основе предварительно созданной модели терминополя исследуемой предметной области, причем количество символов в индексе совпадает с количеством уровней иерархии понятий в определенном участке терминополя. Присвоение единого числового индекса позволяет не только упорядочивать терминологию, но и подбирать наименования для одного и того же понятия в различных языках.

Система числовых индексов, указывающих на принадлежность термина к определенному микрополю, была разработана на основе предварительного структурирования терминополя. Так, в терминополе области “образовательные услуги”

было выделено четыре участка: поставщики образовательных услуг, потребители образовательных услуг, поставка услуг и виды образовательных услуг. В участках терминополя выделялись микрополя первого и второго порядка; каждому участку и микрополю присваивался трехзначный индекс. В качестве примера рассмотрим индексы, применяемые для идентификации понятий, соответствующих участку терминополя “поставщики образовательных услуг”. Первая цифра “1” в индексе означает принадлежность к участку терминополя “поставщики образовательных услуг”, вторая цифра “1” означает принадлежность к микрополю первого порядка “поставщики-организации”, а вторая цифра “2” – к микрополю первого порядка “поставщики-частные лица”. Третья цифра в индексе показывает на принадлежность к определенному микрополю второго порядка. Цифра “0” в индексе означает, что в значении терминов не актуализированы другие классификационные признаки (подробнее о системе индексов для участка “поставщики образовательных услуг” см. [11]).

Подобным образом каждому термину в ТБД ОУ присваивается индекс, который указывает на принадлежность понятия, выражаемого определенным термином, вполне определенному участку терминополя предметной области “образовательные услуги”. Такой индекс позволяет отобрать из базы данных все термины (независимо от языка), относящиеся к одному микрополю, а возможность получить термины, имеющие одинаковый индекс и входящие в аналогичные терминологические гнезда, позволяет распределить всю совокупность имеющихся в ТБД ОУ терминов по небольшим группам, что дает возможность при гармонизации терминов работать не со всей совокупностью содержащихся в базе данных специальных лексем, а только с небольшим их количеством. Например, индекс 1.0.0 был присвоен англоязычным терминам *provider*, *supplier*, русскоязычным *поставщик*, *провайдер* и белорусскоязычным *пастаўшчык* и *правайдэр*, то есть данные термины могут относиться как к организациям, так и к частным лицам, которые занимаются предоставлением образовательных услуг.

Термины *provider*, *supplier*, *поставщик*, *провайдер*, *пастаўшчык* и *правайдэр* изначально использовались в сфере экономики для обозначения предприятий и организаций, которые поставляют товары и услуги. Терминологический ресурс UNTERM для термина *supplier* в сфере экономики предлагает следующее определение: “производитель или поставщик товаров или услуг”. Термины *provider* и *supplier* используются как синонимы, что подтверждается, в частности, тем, что при поиске одного из них в терминологических базах IATE или Eurotermbank в выдачах предлагаются оба термина. Поставщик услуг в сфере экономики, согласно определению, приведенному в IATE, – это “любое физическое или юридическое лицо, или объединение или группа таких лиц и/или организация, которые предлагают на рынке <...> оказание <...> услуг”. Поставщик услуг в сфере образования – это организация или юридическое лицо, которые обладают правом производить и/или реализовывать данную продукцию [12, с. 5].

Термины, относящиеся к сфере образовательных услуг, отбирались из специальных текстов (подробнее об источниках терминологии образовательных услуг см. [9]) и вносились в терминологическую базу данных. Всего в ТБД ОУ было внесено 160 терминов, входящих в терминологическое гнездо с вершиной *provider*, 27 терминов, входящих в терминологическое гнездо термина *supplier*, 43 термина, входящих в гнездо с вершиной *поставщик*, 40 терминов, входящих в гнездо термина *провайдер*, а также по два термина, относящихся к терминологическим гнездам с вершинами *пастаўшчык* и *правайдэр*. Индекс “1.0.0” был присвоен не только однокомпонентным гнездообразующим терминам *provider*, *supplier*, *поставщик*, *провайдер*, *пастаўшчык* и *правайдэр*, но и ряду многокомпонентных терминов, входящих в указанные терминологические гнезда: *supplier (education service supplier, education sector supplier, service supplier, supplier of education, supplier of educational services)*, *provider (education / educational provider, education / educational service provider, provider of education, provider of education / educational services, provider of services)*, *поставщик (поставщик об-*

разовательных услуг, поставщик услуг), провайдер (провайдер услуг, провайдер образовательных услуг, провайдер образования), пастаўшчык (пастаўшчык адукацыйных паслуг) и правайдэр (правайдэр адукацыйных паслуг).

Использование ТБД ОУ позволяет выявить терминологические лакуны в отдельных языках. Так, например, для некоторых понятий нет белорусскоязычных номинаций, но есть англоязычные и русскоязычные (как правило, переводные кальки англоязычных составных терминов), что позволяет прогнозировать появление соответствующих белорусскоязычных терминов, например: *service supplier* – *поставщик услуг*; *service provider* – *поставщик услуг, провайдер услуг*; *education provider / educational provider / provider of education* – *провайдер образования*.

Если для какого-либо понятия отсутствует термин в каком-либо из представленных в ТБД ОУ языков, то ячейка, в которой должен содержаться термин, остается пустой. Термины, указанные выше через косую черту, приводятся в разных строках базы данных, а указанные через запятую – в одной строке и в одной ячейке базы данных.

Модель терминополья и разработанная на ее основе система числовых индексов предназначены в первую очередь для упорядочения в специализированной базе данных терминологии образовательных услуг и оптимизации работы по установлению полностью или частично эквивалентных терминов английского, белорусского и русского языков для их последующей гармонизации, а также для выявления потенциальных терминологических лакунов. Очевидно, что подобная система упорядочения многоязычной терминологии может быть применена и для оптимизации терминологического менеджмента в иных предметных областях знаний, но особенно в иных сферах услуг в соответствии с классификацией ВТО.

Заключение

Специализированная многоязычная терминологическая база данных является удобным средством межъязыкового упорядочения терминологии, поскольку, во-первых, содержит дефиницию термина,

которая позволяет определить схожесть значений терминов в исследуемых языках, во-вторых, наличие контекста(ов) позволяет убедиться в правильности и точности приведенной дефиниции или установить объем понятия термина в случае отсутствия дефиниции, а в-третьих, система числовых индексов указывает на место термина в терминопле соответствующей предметной области и на принадлежность к определенному микрополю, что позволяет соотносить термины на основе сходства обозначаемых ими понятий и таким образом осуществлять эффективную гармонизацию терминологии.

Автор выражает благодарность Л.В. Рычковой за ценные рекомендации и замечания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Терминологическая работа. Гармонизация понятий и терминов = Terminology work – Harmonization of concepts and terms : ISO 860 : 2007. – Женева : Международная организация по стандартизации, 2007. – 24 с.
2. **Бадарч, Д.** Актуальные вопросы интернациональной гармонизации образовательных систем : моногр. / Д. Бадарч, Б. А. Сазонов. – Москва : Бюро ЮНЕСКО в Москве ; ТЕИС, 2007. – 190 с.
3. **Жук, А. И.** Высшее образование Республики Беларусь от Болонского процесса к европейскому пространству высшего образования / А. И. Жук // Высшая школа. – 2010. – № 5. – С. 3–9.
4. **Шелов, С. Д.** О парадигматических отношениях в терминологии: вариативность и синонимия / С. Д. Шелов, А. Э. Цумарев // Язык. Культура. Речевое общение. – 2013. – № 2. – С. 42–59.
5. **Сложеникина, Ю. В.** Терминологическая вариативность: Семантика, форма, функция / Ю. В. Сложеникина. – Москва : Изд-во ЛКИ, 2010. – 288 с.
6. **Гринев-Гриневич, С. В.** Терминоведение : учебник для студентов высших учебных заведений / С. В. Гринев-Гриневич. – Москва : Изд. центр “Академия”, 2008. – 304 с.
7. **Рычкова, Л. В.** Многоязычные базы данных в терминологии и терминографии / Л. В. Рычкова // Современная лексикография: глобальные проблемы и национальные решения : материалы VII Междунар. школы-семинара. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2007. – С. 157–159.
8. **Карпинская, Е. В.** Унификация, стандартизация, кодификация терминов. Понятие о гармонизации терминов и терминосистем / Е. В. Карпинская // Культура русской речи : учеб. для вузов / под ред. Л. К. Граудиной, Е. Н. Ширяева. – Москва : НОРМА, 2003. – С. 207–216.
9. **Рычкова, Л. В.** Многоязычная терминологическая база данных межпредметной области “образовательные услуги” / Л. В. Рычкова, О. В. Перкова // Научно-техническая информация. Сер. 1. Организация и методика информационной работы. – 2007. – № 7. – С. 15–20.
10. **Пиотровский, Р. Г.** Системное исследование лексики научного текста / Р. Г. Пиотровский, Н. П. Рахубо, М. С. Хажинская. – Кишинев : Штиинца, 1981. – 160 с.
11. **Перкова, О. В.** Выявление эквивалентов терминов при создании многоязычной терминологической базы данных (на примере межпредметной области “образовательные услуги”) / О. В. Перкова // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium : сб. науч. тр. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: Л. В. Рычкова (гл. ред.), Т. Ройтер, В. В. Дубичинский [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2013. – С. 159–161.
12. **Олекс, О. А.** Качество образования: основные сведения о педагогическом производстве и его продукции / О. А. Олекс // Кіраванне ў адукацыі. – 2003. – № 4. – С. 3–15.

Поступила в редакцию 17.10.2017 г.
Контакты: perkova@mail.ru
(Перкова Ольга Викторовна)

Perkova O. HARMONIZATION OF EDUCATION TERMINOLOGY BY MEANS OF TERMINOLOGICAL DATABASE.

The article shows the potential of a multilingual terminological database in harmonization of educational services terminology. It presents the difficulties of concept and term harmonization in the sphere of educational services. The article views the role of indices that reflect the concept field structure in the course of systematization and harmonization of terminology. Such indices allow comparison and correlation of the terms based on the similarity of concepts (the examples of such terms as provider, supplier, поставщик, провайдер, пастайшчык and правайдэр and their multi-component derivatives are regarded).

Keywords: terminology, term harmonization, terminological database, educational services.

УДК 801

СВОЙСТВА, ФУНКЦИИ И ЯЗЫКОВЫЕ ЧЕРТЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

И. А. Виноградов

старший преподаватель
Витебской ордена "Знак Почета"
государственной академии
ветеринарной медицины

Статья посвящена изучению свойств, функций и языковых черт юридического дискурса. Данный вид дискурса обладает такими свойствами, как стабильность, конкретность, системность, процессуальный порядок. Функциями юридического дискурса являются: нормативная, перформативная, прескриптивная, информационная, декларативная, презентационная, аналитическая, оценочная, парольная. Характерные черты языка юридического дискурса: 1) эмоционально-экспрессивная нейтральность; 2) логичная связанность и последовательность изложения; 3) простота, ясность; 4) точность; 5) лаконичность и компактность; 6) безличность, неиндивидуальный характер; 7) формализация; 8) абстрактность категорий языка юридического дискурса; 9) системность категорий языка юридического дискурса.

Ключевые слова: дискурс, юридический дискурс, функции дискурса, языковые черты дискурса.

Введение

Текст юридических документов – это основа юридического дискурса. Юридический дискурс следует понимать как комплекс всех текстов права в их динамике – в процессе их толкования и разъяснения. Субъектами юридического дискурса являются, с одной стороны, автор (профессионал-юрист), а с другой стороны, реципиент. Первый создает информационное сообщение, выражая суть юриспруденции, второй воспринимает и интерпретирует сообщение. Юридический дискурс ориентирован на все слои общества. Эффективность правового влияния зависит от того, какими способами юрист формулирует и использует правовые понятия. В юридическом дискурсе язык следует использовать с особой осторожностью. Через слово и законодатели, и

правоприменители формируют мышление людей, их убеждения. Юридический дискурс издавна является объектом изучения в юриспруденции. В последнее время юридический дискурс все более подвергается собственно лингвистическому анализу. Вместе с тем юридический дискурс недостаточно исследован с точки зрения общей теории дискурса.

Целью исследования является анализ юридического дискурса в терминах общей теории дискурса. Задачами исследования являются описание основных свойств, функций и языковых черт юридического дискурса.

Основная часть

Дискурс – это сложное коммуникативное явление, которое включает в себя социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации (и их характеристиках), так и о процессах производства и восприятия сообщений [1, с. 62].

В современной лингвистике дискурс определяется как "язык в языке". "Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, в конечном счете – особый мир. Это возможный (альтернативный) мир в полном смысле этого логико-философского термина" [2, с. 44].

Основными функциями юридического дискурса являются: 1) нормативная, заключающаяся в обеспечении существования норм и правил поведения в обществе; 2) перформативная, заключающаяся в выполнении действий, определяющих сущность юридических институтов (установление истины, законотворчество, обеспечение выполнения законов); 3) прескриптивная, заключающаяся в предписании выполнения определенных действий или их невыполнения; 4) информационная, заключающаяся в том, что юридические тексты передают реципиенту правовую информацию; 5) декларативная, заключающаяся в провозглашении правовых ценностей, ориентиров и идей; 6) презентационная, заключающаяся в создании позитивного имиджа юридических институтов; 7) аналитическая, заключающаяся в том, что в

юридических текстах анализируются нормативно-правовые акты, решения суда и др.; 8) оценочная, заключающаяся в том, что в юридическом дискурсе формулируется оценка действиям и поступкам людей; 9) парольная, заключающаяся в установлении границ между специалистами, работающими в юридических институтах, и лицами, пользующимися услугами юридических институтов.

Важнейшая функция юридического дискурса – нормативная. Система норм поведения в социуме закладывается с детства. Ценностные ориентиры, правила поведения, наказание при нарушении норм закрепляются в кодексах и других законодательных актах.

Перформативная функция юридического дискурса конкретизируется в типичных действиях, которые выполняют участники правовой коммуникации. В юридическом дискурсе законодатели обсуждают проекты законов, при необходимости дорабатывают их, принимают законы.

Как известно, “перформативное высказывание должно удовлетворить шести обязательным условиям: 1) должна существовать определенная конвенциональная процедура; 2) которой соответствуют определенные лица и обстоятельства; 3) которая осуществляется всеми ее участниками корректно и 4) полно; 5) ее участники должны иметь определенные намерения применительно к определенному поведению и 6) должны вести себя последовательно на протяжении всей процедуры” [3, с. 144]. Также важен результат перформативного действия. В результате определенного действия должно произойти серьезное изменение в существующем состоянии дел или должно быть зафиксировано отсутствие изменений в положении дел. Например, судья сообщает подсудимому, что он приговаривается к исправительным работам на срок один год. Если данную информацию подсудимому сообщит не судья, а другой человек, то она не будет иметь характер профессионального заключения и не будет иметь юридической силы.

Прескриптивная функция объединяет функцию сообщения и функцию воздействия: юридический дискурс сообщает юридическую информацию и определяет

меру наказания, которая последует при несоблюдении юридических норм.

Презентационная функция юридического дискурса заключается в закреплении в сознании людей положительных качеств сотрудников юридических организаций. Главным качеством является высокий профессионализм.

Парольная функция юридического дискурса заключается в использовании специальных дискурсивных знаков, значение которых заключается в ограничении круга специалистов, работающих в юридических институтах, от лиц, пользующихся услугами юридических институтов. Специалисты, работающие в юридических институтах, пользуются определенной терминологией, сокращениями, которые могут быть непонятны другим.

Можно рассматривать такие параметры юридического дискурса, как 1) статусно-ролевые характеристики участников коммуникации (законодатель – судья, законодатель – адвокат, потерпевший – подсудимый); 2) цели коммуникации (принятие закона, определение степени тяжести совершенного преступления); 3) место коммуникации (здание парламента, предполагаемое место совершения преступления).

Категория участников коммуникации – важная составляющая дискурса. В.И. Карасик в своей работе “О категориях дискурса” выделяет личностный (лично ориентированный) и институциональный (статусно ориентированный) виды дискурса [4, с. 7]. Личностный дискурс подразделяется на два вида: бытовой и бытийный. Бытовой дискурс предназначен для коммуникации между хорошо знакомыми людьми, между совместно проживающими малознакомыми людьми. В бытийном дискурсе происходит осмысление ценностей человечества. Институциональный дискурс – это такой тип дискурса, в котором происходит коммуникация между представителями социальных институтов или между отдельными людьми и представителями социальных институтов и реализуются статусно-ролевые возможности членов социума.

Тот факт, что к юридическому дискурсу можно отнести все речевые высказывания, субъекты, адресаты или содержа-

ние которых связаны с юриспруденцией, предполагает, что юридический дискурс можно изучать с точки зрения институциональных или личностно ориентированных характеристик или с учетом объединения личностно ориентированных и институциональных характеристик. Бытовой разговор на юридические темы имеет признаки, характерные как для институционального, так и для бытового дискурсов.

Участниками юридического дискурса являются, с одной стороны, государство в лице своих институтов, с другой стороны, граждане, лица без гражданства как широко понимаемый субъект коммуникации. Государство провозглашает свою волю, обязательную для всех лиц, при помощи нормативных актов.

Роли и функции участников юридического дискурса ограничены внутренними нормами, которые закреплены законодательно. В юридическом дискурсе взаимодействуют профессиональные участники и непрофессиональные. Профессиональные участники – это представители правовых учреждений, у которых есть специальное юридическое образование. Непрофессиональным участникам (гражданам, лицам без гражданства) временно присваиваются различные ролевые характеристики: истец, свидетель, эксперт, присяжный, лицо, обратившееся в юридическую консультацию и т. д. Профессиональные и непрофессиональные участники наделяются правами и обязанностями.

Можно выделить следующие типы юридического дискурса: юридический дискурс уголовного права и криминалистики, юридический дискурс банковского права, юридический дискурс административного права, юридический дискурс конституционного права, юридический дискурс международного права и др. Для каждой отрасли права характерна своя терминологическая система, проявляющаяся в упорядоченной организации. Например, для уголовного права: преступления против человечества (геноцид, экоцид, наемничество).

Письменный юридический дискурс имеет принципиальное значение для развития юриспруденции. Устный юридический дискурс отличается от письменного

некоторой обрывочностью и фрагментарностью.

Ядром юридического дискурса являются документы, принятые на международном и государственном уровнях. Данные документы являются эталоном для более низких уровней (областной, региональный, ведомственный). На периферии юридического дискурса находится юридическая публицистика, бытовое общение на юридические темы. Художественное творчество, в котором затрагиваются юридические вопросы, относится к художественному дискурсу, но определенные элементы юридического дискурса здесь также присутствуют. Мы можем наблюдать, как дискурсы взаимодействуют друг с другом. В результате происходит взаимное обогащение дискурсов, развитие языка в целом.

Поведения и действия людей при институализации предсказуемы. Эта предсказуемость заключается в ролевом поведении и определяется свойственными тому или иному институту нормами. Человек, выполняя социальные роли, сохраняет свою внеролевую идентичность, но такая идентичность уходит на второй план. Нормы институциональной коммуникации нарушаются, если внеролевая идентичность выходит на первый план (например, если участники судебного заседания обсуждают прогноз погоды на завтра, а не рассматривают материалы уголовного дела).

Юридический дискурс “ограничивает” коммуникативные возможности его участников. Правоприменители не могут свободно толковать законодательные акты: нормы и правила общества лимитируют поведение законодателей. С другой стороны, аргументация прокурора и адвоката может в определенной степени повлиять на решение суда.

Юридический дискурс – это консервативная система, которая развивается, опираясь на длительные традиции, обычаи и стандартное коммуникативное поведение. Данное утверждение не исключает того, что в юридическом дискурсе не происходят изменения.

Юридический дискурс имеет следующие черты, позволяющие говорить о его специфике. Важнейшей чертой юри-

дического дискурса является специфический язык, который объединяет язык законодательства, язык правоприменительной практики, язык юридической науки, язык юридического образования, язык юридической журналистики и др. Так, Г.Я. Солганик приводит слова великого французского правоведа и философа Ш. Монтескье: "Слова законов должны пробуждать у всех людей одни и те же идеи, никогда не следует в законе употреблять неопределенные понятия, стиль законов должен отличаться точностью и краткостью" [5, с. 193].

На формирование, развитие и совершенствование языка юридического дискурса влияют следующие факторы: категориальный строй сознания общества; особенности правового мировоззрения; состояние правовой системы общества; особенности нормотворческой деятельности; состояние литературного языка, потенциал его ресурсов в качестве средств выражения правовой информации.

Язык юридического дискурса как единое целое обладает рядом чрезвычайно важных и ценных качеств.

Первой характерной чертой языка юридического дискурса является эмоционально-экспрессивная нейтральность, так как речь законодателя рассчитана не на эмоции, а на логическое восприятие. Спокойное и ровное изложение законодательных норм не должно вызывать способных отвлечь от сути документа ассоциаций. Использование терминов, то есть слов точного и, как правило, однозначного смысла, эмоционально безразличных, строгих и холодных в значительной степени обусловлено этой чертой. В юридическом дискурсе слова обычно употребляются в своих прямых значениях. Самые нестандартные с моральной точки зрения происшествия и явления юрист должен описать нейтрально, не оказывая эмоционального воздействия, не раскрывая свою правовую оценку.

Второй характерной чертой юридического дискурса является логичная связанность и последовательностью изложения. Информация в юридическом дискурсе часто излагается в форме статей.

В-третьих, язык юридического дискурса характеризуется простотой и ясно-

стью, многозначность встречается редко. Данные характеристики способствуют правильному и полному выявлению содержащейся в нем информации, обеспечивают эффективность действия нормативных предписаний. На лексическом уровне однозначность достигается с помощью применения к правовой действительности условных дефиниций терминов, которые выражают основные элементы норм права. Лексические значения слов, используемых в юридическом дискурсе, могут расширяться, сужаться по сравнению со значениями слов в словарях. Из-за синтаксически сложных дефиниций предложения юридического дискурса могут быть поняты неоднозначно. В предложениях определяющее должно находиться максимально близко с определяемым. Такая структура предложений минимизирует смысловую неопределенность.

В-четвертых, язык юридического дискурса должен быть максимально точным, недопустимы какие-либо двусмысленности, разночтения. Так как заинтересованный человек может прочитать в случае необходимости статью нормативно-правового акта несколько раз, быстрота понимания юридического текста не является важной. Главное – точность выражения мысли. Точность языка юридического дискурса достигается благодаря четкости и однозначности формулировок. Читатель, перечитывая художественное произведение, каждый раз воспринимает его по-другому, получает новые впечатления. В законодательном тексте отсутствует такой простор для восприятия. Сколько бы раз не читался один и тот же законодательный текст, он всегда должен восприниматься однозначно. Информация в таком тексте должна находиться в жестких, строго очерченных границах.

Активные словообразовательные процессы в языке юридического дискурса можно объяснить стремлением к точному обозначению юридических понятий. Такие слова, как *дознание, довыскание, подсудность, наказуемость, сонаниматели, отчуждение, правоспособность* даны в толковых словарях с пометкой *юр.* (юридический). Многие юридические термины, в том числе и оценочные понятия, являются составными: *безвестно отсут-*

ствуючий, более мягкий вид наказания, преступное деяние, множественность преступлений, преступления против собственности, преступления против общественной безопасности, преступления против правосудия. Точность языка юридического дискурса достигается с помощью таких стандартов языка.

Пятой характерной чертой языка юридического дискурса являются лаконичность и компактность. Лучше и легче воспринимается текст исполнителями, когда он изложен лаконично. На синтаксическом уровне компактность достигается путем перестроения нескольких простых предложений, конституирующих норму права, в одно сложное. У носителей наивного языкового сознания возникают сложности с пониманием таких предложений.

Шестой характерной чертой языка юридического дискурса является его безличность, неиндивидуальный характер. Безличность выражается в широком использовании безличных предложений. Индивидуальная авторская манера и интонация, субъективные эмоции и переживания не отражаются в законах и иных правовых актах. Закон обращается не к отдельному индивиду, а к группам людей или ко всему человечеству.

Седьмой характерной чертой языка юридического дискурса является формализация. Присущий юридическому тексту формализм выражается в стереотипности, стандартизации стиля изложения правовых актов, в его унифицированности. Данная характеристика особо ярко прослеживается в графическом оформлении юридических документов. Текст нормативного акта имеет четкую графически выраженную письменную форму.

Восьмая характерная черта языка юридического дискурса – это абстрактность категорий языка юридического дискурса. Термины в языке технических наук или языке естественных наук используются для обозначения конкретных предметов, могут быть изображены по крайней мере графически. Содержание понятия и достаточно легко соотносится с его языковым обозначением. В языке права выражаются абстрактные понятия и связи между ними. Результатом большой работы абстрагирующей юридической мысли

является высокая степень абстрактности категорий юридического языка (“правонарушение”, “лицо без гражданства”, “наказание”, “права граждан”, “преступление”, “производственно-техническая дисциплина”, “юридический факт” и др.). В то же время юридические категории достаточно конкретны. Как правило, каждая из них характеризуется определенными действиями и обстоятельствами, составляющими содержание юридической категории.

Девятой характерной чертой языка юридического дискурса является системность категорий юридического языка. Категории юридического языка, описывая определенную область действительности, находятся во взаимосвязи и взаимодействии друг с другом.

Для юридического дискурса характерен более или менее ограниченный круг тем: право, государство, преступление, наказание, вина, ответственность, судимость и др.

Заключение

Юридический дискурс – это совокупность высказываний о правовой действительности, основной целью которых является обеспечение стабильности социальных отношений. Юридический дискурс обладает следующими свойствами: 1) стабильностью, под которой понимается устойчивое состояние юридического дискурса в ходе юридических процессов; 2) конкретностью, указывающей на то, что юридический дискурс – явление определенное, существующее в реальном правовом пространстве; 3) системностью, отражающей структурный состав и внутреннее строение юридического дискурса; 4) процессуальным порядком. Содержание юридического дискурса имеет чрезвычайную важность, поэтому должно исключать любую двусмысленность. Язык юридического дискурса характеризуется определенным более или менее ограниченным набором тем. Юридический дискурс выполняет такие функции, как нормативная, перформативная, прескриптивная, информационная, декларативная, презентационная, аналитическая, оценочная, парольная. Характерные черты языка юридического дискурса: 1) эмоционально-экспрессивная нейтральность; 2) логичная связан-

ность и последовательность изложения; 3) простота, ясность; 4) точность; 5) лаконичность и компактность; 6) безличность, неиндивидуальный характер; 7) формализация; 8) абстрактность категорий языка юридического дискурса; 9) системность категорий языка юридического дискурса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Косоногова, О. В.** Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры / О. В. Косоногова // Историческая и социально-образовательная мысль. Гуманитарные науки. — 2015. — № 1. — С. 61–65.
2. **Маслова, В. А.** Современные направления в лингвистике: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В. А. Маслова. — Москва : Академия, 2008. — 266 с.
3. **Бейлинсон, Л. С.** Функции институционального дискурса / Л. С. Бейлинсон // Вестник Иркутского государственного университета. Серия 9, Филология. — 2009. — № 3. — С. 142–147.
4. **Карасик, В. И.** О категориях дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. / Волгоградский государственный педагогический университет. — Волгоград : Перемена, 2000. — С. 5–20.
5. **Солганик, Г. Я.** Стилистика текста / Г. Я. Солганик. — Москва : Флинта : Наука, 2007. — 256 с.

Поступила в редакцию 16.11.2017 г.
Контакты: +375297129012
(Виноградов Илья Александрович)

Vinogradov I. A. PROPERTIES, FUNCTIONS AND LANGUAGE FEATURES OF LEGAL DISCOURSE.

The article is devoted to the study of properties, functions and language features of legal discourse. Such features as stability, specificity, consistency, procedural rules are typical of this type of discourse. The functions of legal discourse are normative, performative, prescriptive, informative, declarative, presentation, analytical, evaluative, password. Language characteristic features of legal discourse are 1) emotional-expressive neutrality, 2) logical coherence and sequence; 3) simplicity and distinctness; 4) accuracy; 5) compactness; 6) impersonality; 7) formalization; 8) abstractness of language categories of legal discourse; 9) consistency of legal language.

Keywords: discourse, legal discourse, functions of discourse, linguistic features of discourse.

Пераклад тэкстаў рэфератаў артыкулаў
на англійскую мову
Я.В. Рубанава

Тэхнічны рэдактар *А.Л. Пазнякоў*
Камп'ютарны набор і вёрстка *А.Л. Пазнякоў*
Карэктар *Г.В. Карпянкова*

Падпісана да друку 14.03.2018 г.
Фармат 70х108¹/₁₆. Папера афсетная. Гарнітура Arial.
Ум.-друк. арк. 11,3. Ул.-выд. арк. 12,1. Тыраж 100 экз. Заказ 2884.

Установа адукацыі “Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А.А. Куляшова”, 212022, Магілёў, Касманаўтаў, 1.
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/131 ад 03.01.2014 г.

Унітарнае паліграфічнае камунальнае прадпрыемства
“Магілёўская абласная ўзбуйненая друкарня імя С. Собаля”
ЛП № 02330/23 ад 30.12.2013 г.
вул. Першамайская, 70, 212030, г. Магілёў